

Провинциальные истории

Что такое разбойный передел собственности с корпоративным участием власти, суда и правоохранительных органов?

2003 г. Февраль. Москва. Как снег на голову: президент Путин назначает заместителем министра внутренних дел, начальником Главного управления по борьбе с организованной преступностью (ГУБОП) господина Николая Овчинникова, скромного и малозаметного в общественной жизни депутата Государственной Думы, никогда не выступающего там на заседаниях, ни в какой законодательной работе не замеченного, политически не активного. Да к тому же не питерца — выходца из Санкт-Петербурга, что, согласно нынешней кадровой политике, полдела при назначении... Сразу после объявления указа Путина о назначении Овчинникова последний тут же дает интервью, что постарается оправдать доверие президента и видит свою задачу в том, чтобы «свести коррупцию к минимуму», а «здоровая часть общества» больше не зависела «от действий ее малой, криминальной части». Отличная и благородная задача! Только почему так много людей на Урале лишь посмеялись над этими словами нового замминистра?..

Надо сказать, этот кадровый выбор президента — не случайность. На сей раз пост и личность встретились потому, что в путинской России они должны были встретиться.

Но сначала — о посте. Что он представляет собой в российской чиновничьей иерархии? И почему к подобному назначению надо быть внимательным?

Начальник ГУБОП — должность у нас не рядовая. Это кресло — ключевое среди силовиков и принципиальное. Во-первых, потому, что организованная преступность (мафия) и есть вся наша повседневная жизнь, закрученная на чудовищной коррупции, когда, как у нас говорят, все, что нельзя без денег, за деньги обязательно.

Во-вторых, чиновничья значительность поста сложилась как бы «исторически». Дело в том, что один из самых непотопляемых (и при Ельцине, и при Путине удержался наверху) чиновников-силовиков высокого ранга в России — Владимир Рушайло. Он — наш бывший министр внутренних дел и нынешний глава Совета безопасности. Начиная же Рушайло свою карьеру начальником Управления по борьбе с организованной преступностью и, став министром МВД, продолжил линию профессионального интереса: он всячески укреплял именно Управления по борьбе с организованной преступностью. Это означает: раздувал их штаты по сравнению с другими управлениями, давал сотрудникам огромные силовые полномочия (проведение несанкционированных силовых операций), выделяющие их среди остальных милицейских структур, и, конечно же, активно продвигал «своих» — коллег из иерархии борцов с мафией — на высшие государственные посты. В результате сейчас, рушайловцы составляют конкурентную долю в центральных аппаратах силовых ведомств, сравнимую только с числом питерцев (так называют тех, кто работал в Санкт-Петербурге одновременно с Путиным и перебрался вслед за ним в Москву, в центральные аппараты различных ведомств) и «чекистов», выходцев из родной Путину КГБ, ныне ФСБ, бывших сослуживцев.

Теперь о личности — о Николае Овчинникове. Внешне при назначении все выглядело вполне пристойно и чиновничьи-закономерно. Овчинников получил должность по заслугам. Согласно данным официального личного дела, Овчинников до Думы — кадровый милиционер, со стажем работы в провинциальных правоохранительных структурах в три десятка лет, в депутаты ушел с поста начальника екатеринбургской милиции. А Екатеринбург — тоже не рядовой в России город и не заштатный, а «столица Урала», центр Свердловской области, крупнейшего промышленного Уральского региона. В ельцинские годы, с его, первого президента, знаменитым лозунгом российским регионам: «Берите суверенитета, сколько хотите», вполне серьезно муссировались идеи и планы по созданию Уральской республики со столицей в Екатеринбурге. Быть главным милиционером тут — значит быть у всей страны на виду, поскольку Урал — это богатейшие недра, металлургические комбинаты, такой природный и

промышленный потенциал, который дал бы выжить любой стране... Кроме того, в Екатеринбурге традиционно сосредоточена одна из самых крупных мафий сначала Советского Союза, а теперь России — так называемая уралмашевская преступная группировка, и это значит, что главный городской милиционер, хочет он того или не хочет, а борется с уралмашевскими бандитами.

Впрочем, за пределами официального послужного списка нового назначенца, конечно, осталось многое. Быть может, даже главное — то, каким же милицейским начальником был в родном Екатеринбурге Овчинников? Чем был там занят? Какую мафию преследовал? С какой дружил? Какими подвигами прославил себя? Какие уральские фигуры поддерживал? В каких событиях участвовал? И, как результат всего этого, чем был Екатеринбург времен Овчинникова? И во что превратился теперь?

Естественно, у меня нет стремления рассказывать некую личную историю об уральском милиционере Овчинникове, выбившемся в большие столичные чиновники. Меня интересует явление российской жизни, именуемой коррупцией. Что это такое? Какие механизмы ее формируют — при всенародном-то ее осуждении? Что такое новая отечественная мафия времен путинских, а не ельцинских? Как она достигает высших государственных постов при этом президенте? В чем заинтересованность Путина в продвижении тех или иных господ? То есть на примере назначения Овчинникова, — главным борцом с мафией в стране, — есть шанс продемонстрировать, что же такое кадровая политика Путина и его администрации?..

Этот рассказ о мафии, об Овчинникове и Путине не будет коротким. Тут придется начать издалека.

Федулев

Эта история прогремела тогда на всю страну: 13 сентября 2001 года, когда в Чечне уже шла война, а Путин был назначен премьер-министром, потому что, в

отличие от других претендентов, согласился начать вторую чеченскую войну, в Екатеринбурге произошел захват одного из самых крупных предприятий — комбината «Уралхиммаш», завода химического машиностроения всероссийского значения.

Граждане, вооруженные бейсбольными битами, при поддержке екатеринбургского отряда милиции особого назначения (ОМОНа) ворвались в здание заводоуправления, учинили там серьезные беспорядки и попытались посадить «своего директора» вместо директора Сергея Глотова.

Уральские телеканалы демонстрировали тогда, как коммунисты праздновали победу и орали: «Ура! Народ берет власть в свои руки! Долой капиталистов!». Теми же лозунгами отреагировали на происходящее и лидеры местных профсоюзов. Захват «Уралхиммаша» они объявили «рабочей революцией», поддержали его и пообещали скорейшее распространение подобных «революций» на всю страну.

Молчал президент Ельцин — но никого это не удивляло, все знали, что он болен и мало способен к работе. Однако молчал и новый премьер Путин... Москва в целом молчала... Министр внутренних дел Рушайло также никак не прокомментировал для публики участие его подчиненных милиционеров в штурме комбината на одной из сторон...

Естественно, это молчание столицы означало многое: с бухты-барахты подобные события у нас не случаются, и ОМОНЫ просто так, из одной солидарности с рабочими, борющимися за свои права, никого не поддерживают силой оружия...

Вечером 13 сентября, когда «рабочая революция» несколько поутихла, а в кабинете директора забаррикадировались те, кто не хотел освобождать — прежнее руководство, на территорию «Уралхиммаша» въехала настоящая бронеколонна —

армада черных новеньких джипов. Перед ними почтительно расступились омоновцы — никакого противодействия джипы не встретили.

Из одного вышел невысокий гражданин невзрачного вида, в приличном костюме, дорогих очках, золотых цепях на груди и запястьях. Посмотришь — типичный новый русский со следами многодневного перепоя на лице. На всем пути следования к директорскому кабинету гражданина окружала мощная охрана, состоящая из екатеринбургских милиционеров. Омоновцы силой расчищали им дорогу, рабочие неохотно расступились.

— Опять Пашка бузит. Разборку устроил, — цедили кадровые химмашевцы сквозь зубы, поглядывая на происходящее.

— Ведущий промышленник нашей области, депутат областного Законодательного собрания Павел Анатольевич Федулев, руководствуясь решениями суда, стремится восстановить справедливость, — передавали в эфир екатеринбургские каналы, перемежая демонстрацию озабоченного лица «ведущего промышленника» с кадрами, где лица защитников комбината были в крови, и можно было заметить железные прутья вперемежку с битами...

...Гражданин в очках прошел внутрь и предъявил смещенным руководителям «Уралхиммаша» кипу бумаг. Это были судебные решения, в соответствии с которыми именно он, их предъявитель, а не кто-то другой — совладелец комбината. Теперь в качестве совладельца и члена совета директоров он намерен посадить в директорское кресло своего человека, для чего просит всех посторонних освободить помещение, им не принадлежащее.

Гражданин расположился в кресле без приглашения, как хозяин, подчеркнуто нагло. Но через некоторое время, ушедшее на ознакомление смещенным руководством с бумагами, получил в ответ, во-первых, поток нецензурных выражений, которые стерпел. А во-вторых, также набор документов и судебных решений. В соответствии с ними именно нынешний директор, выходило, —

настоящий директор. И за ним — тоже совет директоров, правда, не та часть, чьи подписи принес на своих бумагах гражданин-«совладелец».

Чтобы разобраться в сути случившегося, еще один экскурс в современную екатеринбургскую историю. Он нужен, чтобы понять: а по каким законам тут жили последние десять лет, последовавших после распада СССР? Как развивалось общество, в котором оказался возможен захват столь крупного комбината, как «Уралхиммаш»? И почему вообще в этой истории — несколько наборов судебных решений? И кто такой «Пашка» — Павел Анатольевич Федулев? И почему, когда в те дни я спрашивала в Екатеринбурге самых разных людей — прохожих на улице, дежурных на железнодорожном вокзале, чиновников областной администрации, проституток, фланирующих по гостиничному фойе, судей, милиционеров, учителей: «Что же такое у вас тут творится в самом-то деле?» — я получала один и тот же ответ: «Это у нас — Федулев». И вся разница в их ответах состояла только в том, что для одних опять же он оказывался Пашкой, а другие величали его Павлом Анатольевичем...

Начало

Десять лет тому назад, когда шло зарождение всей нынешней жизни — у власти был Ельцин и демократия, как мы тогда говорили, жизнь повсюду бурлила, Пашка был всего лишь местным мелким хулиганом, вымогателем и насильником. В Свердловске — а тогда, до переименования его в Екатеринбург, город назывался еще именно так, своим советским именем, — тут всюду орудовали крупные криминальные бригады, разбирая сферы влияния, но Пашка был не с ними. Он был единоличник — занимался личным мелким разбойным промыслом. И хотя за ним тянулись уголовные дела, как шлейф за невестой, но особенно уж милиция его не донимала — мелок был Федулев и потому неинтересен. Таких у нас в те годы сажали не по мере совершения преступления, а только когда «надо было посадить», то есть когда бандит в чем-то не договорился с другими бандитами, поднял голос и обнаглел. За Пашкой Федулевым этого не водилось — несговорчивым он тогда не был.

В начале 90-х Пашка двинулся в бизнес — и это было типично, ровно так же, как большинство его товарищей, свердловских и вообще российских бандитов. При этом Пашка был беден, к «общаку» — уголовной черной кассе, а в Екатеринбурге, известном своим криминальным подпольем, существовал один из самых крупных «общаков» страны — Пашка, как мелкий хулиган, допущен не был, и поэтому первоначальный капитал он должен был делать самостоятельно. Чем и занялся.

Первый свой крупный капитал Федулев сколотил быстро — на «левой», то есть нелегально и кустарно произведенной водке, именуемой в России «паленкой». Механизм был прост. Дело в том, что в Свердловской области, в ее глухих городках и поселках, с советских времен существовало несколько спиртовых заводиков. При раннем Ельцине они, как и любое тогда производство, стали разваливаться, и наступил момент, когда каждый, кто мог и хотел, за символическую сумму, переданную наличными прямо в руки директору, получал такое количество спирта, какое мог увезти.

Конечно, это был откровенный грабеж государственных заводиков, но тогда это считалось нормой постсоветской жизни, люди голодали, и одна половина страны, чтобы прокормиться, грабила другую ее половину, и никакого удивления это не вызывало. Считалось, что все выживают, как могут, и это и есть бизнес, о котором мы мечтали.

Смысл покупки спирта был в том, чтобы потом разбавить этот практически дармовой продукт водой, разлить в подвалах в бутылках и продать, как дешевую водку, раскупаемую вмиг. Акцизов в России тогда еще не ввели, законодательства в этой сфере не существовало, и милиция, даже если бы захотела, была бессильна в борьбе против «паленки». Впрочем, милиция и не хотела, тоже предпочитая выживать любым путем, — то есть участвовать в нелегальном бизнесе. Водочники-подпольщики платили милиционерам за охрану от конкурентов и помощь при столкновениях с рэкетирами.

Именно тогда Пашка Федулев, бандит и бутлегер, познакомился с Николаем Овчинниковым, милиционером. На почве охраны производства и реализации водки-«паленки». Овчинников, как и все, тогда тоже очень хотел денег — в милиции зарплаты были мизерные, и платили их редко. Так они, Пашка и Овчинников, и поняли друг друга. Овчинников стал «не замечать», что делает Пашка, а Пашка, схватив удачу за хвост, Овчинникова не обижал — на хлеб с маслом милиционеру стало хватать с лихвой.

Наконец подошел момент, когда первоначальный капитал у Пашки сколотился в достаточном количестве для того, чтобы начать более крупную игру. И, что очень важно, — легальную. Это очень характерно для нашего общества: как солдат мечтает стать генералом, так и всякий бандит в России грезит о законном большом бизнесе.

Специфика российской экономики — как тогда, при Ельцине, так и сейчас, при Путине, — состоит в том, что все, кто хочет быть в большом бизнесе и добиться в нем успеха, знают: нужно соблюдать три условия. Первое — успех, как правило, у того, кто получает в личную собственность какой-либо кусок от государственного пирога, то есть от госсобственности. (Именно поэтому подавляющее большинство крупных бизнесменов выросли в России из бывшей партноменклатуры — комсомольских или партийных работников, они оказались ближе к «пирогу»).

Второе — добившись успеха, получив госсобственность в личную, надо все равно быть где-то рядом, при власти, то есть кормить (платить) чиновников регулярно, и тогда это будет твоя лучшая гарантия процветания частного предпринимательства.

Третье условие — это дружить (подкупать) правоохранительные структуры.

Не имея возможности выполнить первое условие, Федулев сосредоточился на втором и третьем.

«Правоохранители»

В те годы жил в Екатеринбурге некто Василий Руденко. Работал он заместителем начальника городского уголовного розыска и был товарищем Овчинникова. Все знали: Руденко — человек так себе, продажный и скользкий, но должность обязывала считаться с ним всех, кто хотел быть удачливым в бизнесе, поскольку мимо Руденко просто так не пробегал ни один бандит, желавший покончить со своим нелегальным прошлым. Руденко брал мзду за отстирывание личных дел новых бизнесменов (бывших бандитов) от криминального прошлого, зафиксированного в милицейских архивах.

Среди прочих потянулся к Руденко и Федулев. Это был не самый простой период в жизни Пашки. В Екатеринбурге он уже слыл состоятельным спиртовым королем, его уже приглашали быть спонсором местных богаделен и детских домов, он уже летал в Москву на субботу-воскресенье в тамошние ночные увеселительные заведения, вывозя с собой (особая привилегия, свидетельствующая о приближенности к власти) чиновников областной администрации, — и это означало, что самое время приступить к самоотбеливанию. Пашка решил, что ему больше не нужно его собственное криминальное прошлое, хранящее свой документальный след в архивах екатеринбургской милиции.

Решил — и сделал. Федулев, надо признать, был удачлив, и так будет и впредь: что задумывал, то воплощал.

Познакомил Руденко и Федулева человек по имени Юрий Альтшуль. Все, кто знал Альтшуля, вспоминают о нем тепло и даже с восхищением. Юрий — не уралец. Он оказался в Екатеринбурге почти случайно — его сюда направила страна. Альтшуль был военнослужащим, военным разведчиком, и прибыл на Урал как командир роты спецназа ГРУ (Главного разведывательного управления Генерального штаба России), выведенной, после падения Берлинской стены, из Венгрии в связи с расформированием Западной группы войск.

В Екатеринбурге Альтшуль уволился из армии и остался жить в городе. Денег страна военнослужащим тогда не платила, и, превратившись в гражданского человека, Альтшуль ринулся в бизнес. Как и многие уволившиеся в ту пору сотрудники спецподразделений, он создал частную службу безопасности, а также частное детективное агентство и благотворительный фонд «Ветераны спецподразделений».

В России подобных организаций, рожденных на армейских руинах, — множество. В любом крупном городе есть свои ветераны, и главное их занятие — охрана коммерсантов. Так Федулев оказался одним из клиентов Альтшуля, и именно бывший офицер ГРУ помог Пашке через Руденко вычистить от прошлых бандитских грешков компьютерную базу екатеринбургской милиции — желание исполнилось.

Вскоре Альтшуль стал не просто телохранителем Федулева, а его доверенным лицом. Именно он, умный, решительный и образованный человек, не в пример Федулеву, ввел последнего — личность без всякой профессиональной подготовки — на фондовый рынок Урала. Надо сказать, Пашка там быстро освоился и вскоре превратился в хорошего игрока. Своих денег было маловато, и Пашка вошел в долю с Андреем Якушевым. В середине 90-х Якушев был знаменит, являясь главой известной уральской фирмы «Золотой телец».

Вместе с Якушевым Федулев очень удачно скупил акции нескольких предприятий, среди которых оказались, например, акции екатеринбургского мясокомбината, крупнейшего на Урале. Масштабы «мясной сделки» были таковы, что это сделало Пашку без пяти минут екатеринбургским олигархом, вхожим в апартаменты самого областного губернатора Эдуарда Росселя.

И вот тут-то выяснилось, что Федулев не любит ни с кем делиться удачей. Он способен вместе бороться с трудностями, но не разделять финансовый и сопутствующий ему общественный успех. Именно в это время и случилось на пути Федулева первое и показательное заказное убийство.

Точнее, первое, о котором известно. А показательное потому, что после него Федулева стали бояться, осознав, что он теперь уж действительно перерос свои собственные рамки — мелкого хулигана и вымогателя. Так уж повелось в России: убил — тебя уважают.

Как-то в это время Федулев занял у Якушева крупную сумму денег — под очередную сделку. Он, действительно, ее провернул и увеличил сумму многократно. А вот возвращать долг вдруг категорически отказался... И не то чтобы Якушев сильно требовал этих денег... Впрочем, он просто не успел. 9 мая 1995 года, на глазах жены и ребенка, в подъезде собственного дома Андрей Якушев был расстрелян.

Уголовное дело? Да, его возбудили, и у него даже появился номер — № 772801. И там числился главным фигурантом — именно он, Федулев, первый компаньон убитого, его должник...

Ну и что с того? Уголовное дело с этим номером существует в архивах до сих пор. И у него нет ни конца, ни края — в том смысле, что его никто не расследовал и не расследует. Да и сколько их, подобных, окажется у Федулева потом, впереди... И всякий раз будет то же самое — точнее, ничего не будет. Каждый заинтересованный человек в Екатеринбурге знал к тому моменту, что Пашка сделал выгоднейшие инвестиции, — он купил в городе милицию, и она его верно бережет от любых неприятностей.

Конечно, Пашка действовал неглупо. И наверняка. Потому что он уже отлично понял правила новой наступившей жизни для коммерсантов, главное из которых: ты — ничто без связей двух типов. Первое — без «дружбы» (подкупа) высоких государственных чиновников, постоянное подкармливание которых — неременное условие выживания, прирученность их к твоему кошельку обязательна. Второе — и это также обязательная составляющая успеха в бизнесе: ты — никто без милицейских чинов, посаженных, как на героин, на твои доллары.

Именно с этих пор Руденко и Овчинников становятся постоянными Пашкиными «партнерами». Они помогают ему вырастать в «нового уральского промышленника» и приумножать состояние. Естественно, все тем же, испробованным на Якушеве, путем — другим-то не овладели.

Однажды Федулев предлагает поработать вместе Андрею Соснину, еще одному екатеринбургскому олигарху. Федулев и Соснин объединяют свои финансовые возможности и проворачивают беспрецедентную доселе по масштабам спекулятивную кампанию на уральском фондовом рынке. Соснин становится обладателем контрольных пакетов акций самых лакомых предприятий региона — фактически всего его промышленного потенциала, созданного несколькими поколениями советских людей, начиная со времен Второй мировой войны, когда сюда, на Урал, были эвакуированы самые крупные и лучшие заводы из европейской зоны СССР. Среди предприятий, контроль над которыми вследствие аферы перешел к Соснину и Федулеву, были Нижнетагильский металлургический комбинат и Качканарский горно-обогатительный комбинат (у обоих — мировая известность), «Уралхиммаш», «Уралтелеком», Богословское рудоуправление и три гидролизных завода — Тавдинский (в городке Тавда), Ивдельский (в городке Ивдель) и Лобвинский (в городке Лобва).

Это был серьезный успех. Для коммерсантов, естественно. Но для государства ли? Ни Соснин, ни Федулев не имели за душой никакой промышленной политики для этих предприятий. Они просто сыграли в игру. Областное чиновничество при этом носило парочку на руках, не спрашивая, что же они собираются делать с заводами, а лишь ожидая своей доли, — коррупция зашкаливала. И компаньоны никого из них не обидели, поделились награбленным — потому что это были те, кого обижать нельзя...

И вот наступал момент дележа: какой кусок собственности получит каждый из компаньонов? И опять повторился прежний мотив: Федулев мог спокойно делиться с чиновниками и милицейским начальством, считая это выгодным для себя вложением, но не желал делиться с партнером. И вскоре история повторилась,

вызвав стойкий привкус дежавю: Андрей Соснин погиб от случайного выстрела, на свет появилось еще одно уголовное дело № 474802 от 22 ноября 1996 года, главным фигурантом там был опять Федулев... И — ничего.

На то и связи, чтобы они «работали». К моменту убийства Соснина милиционеры из числа товарищей Федулева — и Руденко, и Овчинников — они уже люди небедные в Екатеринбурге и, все видят - тем состоятельнее, чем более удачлив в бизнесе патрон, то есть Федулев. Естественно, дело № 474802 было списано, как и предыдущее, № 772801. И даже не в архив, а просто так — списано, в смысле забыто...

Спиртовые войны

Перечисление заводов и фабрик Урала, которыми завладел Федулев к концу 90-х — вещь, конечно, важная, но не главная. Екатеринбург — это, прежде всего, «Уралмаш». Самая серьезная уральская структура. «Уралмаш» — не завод, известный всему миру под таким же именем, а организованное преступное сообщество (ОПС) с именем завода — крупнейшая в нашем государстве мафия, многотысячный строго иерархизированный отряд со своими представителями во всех ветвях власти. И поэтому одно дело — подкупать чиновников и убивать компаньонов, но совсем другое — договориться с уралмашевскими бандитами. В 1997 году Федулеву удастся и это — он объединяет свои усилия с уралмашевцами ради скупки акций Тавдинского гидролизного завода. В таком объединении для Федулева в этот момент есть большой смысл — у него, ведущего роскошный, барский образ жизни, опять не хватает наличных для игры на рынке, деньги есть у уралмашевцев — они имеют «общак». И, самое удивительное, что последние идут с Федулевым на деловой контакт, хотя и знают, что он за «птица».

Необходимо объяснение: почему и у Федулева, и у уралмашевских бандитов столь силен интерес именно к гидролизным предприятиям? И, более того, он настолько силен, что способен объединить бандитов разных флангов, за спинами которых к тому же стоят разные правоохранительные структуры?

Смысл таков: гидролизные заводы производят спирт, из него вырабатывается так называемая водка-«паленка», очень потребляемый в России продукт по демпинговым ценам. Это отличный способ добиться фантастических прибылей с мизерными инвестициями, причем это «налоговые» прибыли, из которых произрастает «нал», реальная денежная масса, не кредитная, не пропущенная через банки, не заметная для налогообложения. «Нал» — лучший десерт для отечественного бизнеса.

Итак, Федулев вместе с уралмашевскими бандитами скупает 97 процентов акций Тавдинского гидролизного завода. Делается это по обычной схеме: и та, и другая кооперирующаяся сторона создает фирмы, туда вкладываются деньги, акции потом делятся, а фирмы либо умирают, либо забирают на себя все производственные процессы, и в какой-то момент выясняется, что гидролизного завода как такового не существует, всеми его основными фондами владеют эти самые фирмочки... Безусловно, это — выхолащивание, выдаивание предприятия. И Федулев, и бандиты — люди одного порядка. Они хотят всего сейчас, им все равно, что будет потом.

Вскоре после сделки Федулев поступает в привычном ему стиле «хозяйствования». При разделе акций он нарушает первоначальные обещания о пропорциональности и даже не вводит уралмашевских представителей в новый совет директоров, оставляя там только людей, которые подконтрольны ему...

Почему? Федулев продолжает рваться в уральские олигархи, в первые среди первых, а значит, на свободу от любых компаньонов, даже очень влиятельных уралмашевских. И это ему, на удивление, удается: уралмашевские бандиты не расстреливают Федулева, чего можно было бы ожидать, а отползают.

Причина «мягкости» уралмашевцев проста: к моменту присвоения Тавдинского завода у Федулева в багаже уже не просто связи с милицией, руководство которой фактически образовало с ним совместный бандитский бизнес. Федулев фактически руководит областной милицией: имея отличные персональные

отношения с губернатором Свердловской области Росселем, он производит кадровые назначения, делает, к примеру, начальником областного управления УБОПа, то есть главным местным борцом с собой, с оргпреступностью, того самого Руденко, который был его поделником... А Николая Овчинникова — начальником екатеринбургской милиции...

Но уралмашевские-то бандиты — из той же породы, и у них — тоже свои связи против связей Федулева... Так наступает день столкновения лоб в лоб, когда бригада уралмашевцев приезжает на Тавдинский завод и просто-напросто захватывает отнятую собственность вооруженным путем. А Федулев отвечает адекватно: по его первому зову на предприятие выдвигается специальный отряд быстрого реагирования УБОПа, и бойцы, состоящие на государственной службе, применяют силу...

Но против кого? Оказывается, против других бойцов той же государственной службы... Так выясняется следующее: на Тавдинском заводе, в борьбе за его спирт и нелегальную водку, столкнулись лоб в лоб даже не столько две местные криминальные группировки — федулевцы и уралмашевцы, но те, кто за их спинами. На стороне Федулева выступили Руденко и Овчинников — с одной частью вооруженных милиционеров. На стороне уралмашевцев в игру вошел начальник всей областной милиции генерал Краев — с подчиненными ему милиционерами. Получилось вооруженное противостояние с целью незаконного передела областной собственности силами тех, кто поставлен на Урале закон охранять. И те, и другие «за спинами» и были те самые, кто давал преступным сообществам возможность присоединять к своим империям все новые и новые владения.

Любопытно, как отреагировала Москва. Министерство внутренних дел. Столичные чиновники представили дело так, что в Екатеринбурге — просто внутренний милицейский конфликт: Краев не поладил с Руденко и Овчинниковым. Краев и Руденко были отстранены от должностей, причем Краева публично обвинили в тесных связях с уралмашевской криминальной бригадой, а Руденко,

напротив, объявили... жертвой непримиримой борьбы с самой серьезной преступной группировкой Урала. Руденко как «жертву» перевели в Москву, и там решением министра внутренних дел Рушайло его сделали... начальником УБОПа Московской области с правом личного подчинения министру внутренних дел!

С тех пор подмосковный областной УБОП, руководимый Руденко, начинает греметь уже в столице. Нет более коррумпированной среды, патронирующей бандитов в столичной зоне, нет более омерзительных головорезов, выполняющих заказы борющихся между собой преступных группировок, чем они.

А в Екатеринбурге тем временем — кадровые перестановки в связи с уходом Руденко. Штат уральского УБОПа выстраивает лично Федулев исходя из своих коммерческих интересов. Фактически сам он назначает тех людей, в чьих руках государственные вооруженные отряды, которые по его требованию поднимутся на защиту его, Федулева, интересов. Вместо Руденко начальником УБОПа становится, например, Юрий Скворцов. Скворцов — не просто правая рука Руденко, но и поверенный во всех делах Федулева на протяжении многих лет. А первым заместителем Скворцова Федулев делает некоего Андрея Таранова. Эта личность известна на Урале тем, что является милицейской «крышей» Олега Флеганова, ведущего в области поставщика винно-водочной продукции. Этот Флеганов — ключ к возможности реализации фальсифицированной водки, поскольку основная ее часть продается именно через флегановскую розничную сеть.

Другим заместителем Скворцова, с подачи Федулева, назначают Владимира Путяйкина. Его задача — чистка милицейских рядов в области. Он начинает выдавливать из милиции всех, кто еще как-то поднимал голос против мафии, и тех, кто категорически отказывался находиться под надзором Федулева.

Господин Путяйкин принимается за дело весьма активно и подобострастно, и чистка происходит следующим образом. Лишь один пример: как-то Скворцов требует от Путяйкина документальной информации на тему: кто из сотрудников действует против Федулева и его людей? Путяйкин, как на грех, буксует — у него

нет подробной документальной информации, и тогда ночью он везет одного из молодых сотрудников УБОПа к себе домой, поит его и настаивает, чтобы тот немедленно оговорил своих товарищей, якобы выступающих против Федулева и тех, кто в милиции с ним. Молодой офицер отказывается быть доносчиком, и тогда Путьяйкин вынуждает его застрелиться из табельного оружия... Уверяя, что другого пути у того просто нет, — люди Федулева его все равно уберут...

«Да как же подобное возможно! — воскликнет осатаневший к этому месту читатель. — Что же творится?».

Спокойно, люди. Творится. И очень даже возможно. Именно так при Ельцине зарождались и возрастали в нашей стране устойчивые организованные преступные сообщества, которые определяют жизнь государства сейчас, при Путине. Именно их, мощных, влиятельных, сверхбогатых, имеет в виду нынешний президент, когда говорит, что передел собственности невозможен, все должно остаться на своих местах... Это в Чечне Путин — царь и бог, карает и милует, а этих, мафиозников, он боится трогать. Ведь на кону — такие деньги, которые большинству из нас и не снились. Цена жизни, слова и чести становится абсолютно ничтожной, если прибыль — миллионы долларов.

Беспредельщики

С приходом федулевской мафии российский Урал стал жить даже не «по понятиям» — если пользоваться криминальной лексикой, столь хорошо привившейся на нашей почве, что даже сам президент говорит на этом языке в публичных выступлениях. Свердловская область стала жить по беспределу. Тотальному. Федулевщина и есть олицетворение этого беспредела.

Я спрашивала людей на екатеринбургских улицах: «Кого вы уважаете? Губернатора Росселя? Федулева? Чернецкого?» (Аркадий Чернецкий — мэр Екатеринбурга.). И они мне отвечали: уралмашевских. То есть бандитов старой, дофедулевской формации. И тогда я, ошарашенная: ну как можно уважать

бандитов? — еще раз спрашивала: «Почему?». И люди объясняли просто и понятно: «Потому что они живут по воровскому, но все-таки закону. «Новые» же бандиты не признают даже законов криминального мира».

Вот до чего мы дожили: народ готов отдать сердца одной мафии против другой, только потому, что другая — куда хуже первой.

Но вернемся опять чуть назад — в 97-й год. Федулев, покоровший екатеринбургскую милицию и нелегальный водочный рынок, продолжает играть на фондовом рынке, мошенничая с одной московской фирмой. Фирма эта не простая, а входящая в консорциум известного столичного олигарха, спонсирующего Ельцина и семью президента. Мошеннические игры с ней — это все равно, что самоубийство по тем временам. Дважды от фирмы поступают заявления о мошенничестве в Свердловском областном УБОПе, но там Овчинников блокирует любую информацию, способную помешать Федулеву в его делах, и оперативники отказывают возбудить уголовное дело.

Только после вмешательства Москвы — Генеральной прокуратуры и Следственного комитета — против Федулева возбуждается уголовное дело № 142114. В Москве — не в Екатеринбурге. Федулев уходит в бега, на него объявляют всероссийский розыск. И это уже — 98-й год.

Помните Юрия Альтшуля, бывшего разведчика, ставшего охранником Федулева? Помните, что все, кто его знал, отзывались о нем как о глубоко порядочном человеке? Как о человеке слова, который ничего не боялся?

Создав собственное детективное агентство и охранное предприятие, Альтшуль все равно помогал правоохранительным органам агентурной информацией. Например, по фактам, переданным Альтшулем в прокуратуру и ФСБ, были отправлены за решетку несколько лидеров преступного мира Урала. Но был у Альтшуля свой «пунктик», своя идея фикс — он считал главным делом своей послеармейской жизни борьбу с уралмашевской преступной группировкой. Можно

не принимать эту идею, можно смеяться над ней, но именно это устраивало Альтшуля в Федулееве, и именно поэтому он был рядом с ним — то, что Федулев тоже борется с уралмашевскими.

Так вот, находясь во всероссийском розыске, Федулев именно Альтшуля, зная о его идее фикс, вызывает для разговора. Федулев боится, что, пока он вынужденно отсутствует, уралмашевцы установят свой контроль над двумя другими гидролизными заводами Свердловской области, на которые он также имел виды (Тавдинский завод, естественно, Федулев уже считал упущенной собственностью).

При этом Федулев просит Альтшуля всеми способами отстоять его, Федулева, интересы перед уралмашевцами, и за это Федулев обещает Альтшулю 50 процентов прибыли Лобвинского гидролизного завода.

Альтшуль отвечает: «Да». И уезжает в Лобву, в которой только что и есть, так этот гидролизный завод. На нем он застаёт тяжелейшую картину полного и намеренного развала производства. Так перед Альтшулем возникает вопрос, от которого уже невозможно отвернуться: а зачем, собственно, Федулев скупает столько акций? Зачем ему все эти предприятия?..

Лобвинский завод до Федулева был достаточно крепко стоящим на ногах предприятием. Придя, Федулев облепил, как и везде, куда он влез, завод большим числом собственных же крошечных фирм, те стали переводить на себя продукцию — спирт (официально только эти фирмы занимались реализацией), дальше продавать его или перерабатывать подпольно. Деньги от реализации, естественно, стали возвращаться на завод опять же через счета этих фирм — и не в полном объеме. Месяц за месяцем, процент за процентом, и получилось, что довольно быстро Федулев высосал предприятие до донышка...

Какую же картину застал Альтшуль на Лобвинском заводе? К моменту его приезда рабочие не получали зарплату уже семь месяцев, все деньги крутились в присосавшихся федулевских фирмах, заводская казна была пуста и абсолютно

выхолощена, нечем было платить налоги, за электричество и газ — оставался шаг до банкротства. При этом Лобвинский завод — градообразующее предприятие, все население Лобвы так или иначе связано с ним. Не будет завода — город умрет.

Именно тогда Альтшуль решает действовать от себя — не от Федулева. Он дает рабочим слово офицера, что наведет порядок, и как первый шаг обещание: двух человек коллектив больше на заводе не увидит — Альтшуль их больше не пустит на порог. Эти двое — Сергей Чупахин и Сергей Лешуков. Федулевские ставленники на заводе, «палачи» — специалисты как раз по доведению предприятий до банкротства.

Кроме того, Чупахин и Лешуков — в недавнем прошлом милиционеры. А кто еще? Бывшие офицеры и сотрудники отдела по борьбе с экономическими преступлениями областного управления внутренних дел. И еще: личные друзья Василия Руденко и Николая Овчинникова. Люди, которые ушли из милиции, чтобы блюсти финансовые интересы милиции в федулевском бизнесе.

Проходит какое-то время, и Федулев все-таки оказывается арестован — естественно, в Москве. И, находясь в следственном изоляторе, он все равно делает все, чтобы влиять на ход событий в Екатеринбурге. Подконтрольные ему сотрудники милиции (Руденко ведь уже в Москве) устраивают все таким образом, что прямо в тюрьму к нему опять приезжает Альтшуль — по требованию Федулева. На этой встрече Федулев настаивает, чтобы Альтшуль вернул руководство заводом Чупахину и Лешукову, а сам бы немедленно устранился. Этого требует от Федулева и Руденко, не желая терять долю в бизнесе.

Но Альтшуль говорит: «Нет». И улетает в Екатеринбург. Вслед за ним на Урал отправляется Руденко: деньги под угрозой! Альтшуля просят приехать в офис УБОПа — для разговора, и там уже Руденко настаивает, чтобы Альтшуль отказался от Лобвинского завода.

Но Альтшуль категоричен и снова звучит: «Нет». Через пару дней, 30 марта 1999 года, бывший военный разведчик был расстрелян в собственном автомобиле. И опять — все, как по нотам. Естественно, возбуждается уголовное дело. Ему присваивают № 528006. И опять фигурантом — Федулев. И это уже третье по счету «его» уголовное дело по заказным убийствам...

И что? Ничего. И № 528006 уходит под сукно, вслед за остальными...

Расчет Федулева был по-бандитски прост: нет Альтшуля — значит, путь на завод открыт. Но у Альтшуля в Лобве остался друг и заместитель Василий Леон — тоже бывший разведчик и спецназовец. На все требования федулевцев убраться Леон отвечает категорическим отказом. Но не убивать же и этого?..

Тандем Руденко-Чупахин-Лешуков предлагают Леону компромисс: то есть дележку. Пусть он, Леон, останется директором, но для контроля за оптовыми продажами заводского спирта (контроля над сутью) вернутся Чупахин с Лешуковым. Леона, собственно, не просят согласиться — его терроризируют. Мафия идет ва-банк: его открыто вызывает к себе сам Скворцов, нынешний, федулевский, начальник УБОПа — и уламывает согласиться. Постоянно звонит из Москвы Руденко, а Руденко там, в столице, еще повысили — перевели в МВД, в Министерство внутренних дел, в Управление уголовного розыска.

Третья персона, которая давит на Леона, — некий Леонид Фесько. Он — друг Руденко, тоже милиционер большого ранга, возглавляет оперативно-поисковое управление свердловской областной милиции (правда, вскоре он также уедет в Москву вслед за Руденко, уйдет там в отставку и станет руководить так называемым «Фондом защиты и помощи сотрудникам УБОПа по Свердловской области»). В федулевской мафии именно Фесько — бухгалтер. Дело в том, что этот «Фонд» — типичная структура для легальной перекачки нелегальных денег, взяток и вознаграждений. Официально вроде бы все чисто, спонсорство на нужды милиции. А на самом деле — просто вторая зарплата для милицейских членов федулевской мафии.

Справедливости ради стоит сказать, что эти «фонды защиты и помощи» придуманы не Федулевым, а другими, но подобными ему господами в середине 90-х. «Фонды» существуют и сейчас в нашей стране в большом количестве — каждая область имеет по несколько подобных структур, фактически качающих взятки в правоохранительные органы. Взятки, к которым не придерешься.

Кстати, позже именно Фесько станет как бы заместителем Федулева по охране и режиму на предприятиях, которые контролирует федулевская мафия. Это Фесько при первой необходимости — при обострившихся трениях с конкурентами — будет организовывать выезды милицейских отрядов специального назначения для подавления сопротивления. И именно Фесько будет руководить захватом «Уралхиммаша» в сентябре 2000-го...

Но пока, в 99-м, Василий Леон отказывает им всем — всей мафии. И тогда, в декабре 99-го, человек из ближайшего окружения начальника УБОПа Скворцова — оперуполномоченный УБОПа Евгений Антонов — расстреливает первого помощника Леона, того самого человека, который занимался оптовыми продажами спирта на Лобвинском заводе, на чью должность и претендовали Чупахин и Лешуков.

Существуют официальные письменные показания Леона о том, что предшествовало расстрелу его товарища, сделанные Леоном в Свердловском областном управлении ФСБ по свежим следам убийства. Они не могут не потрясти:

«В середине января (2000 года. — Прим. авт.) у меня состоялась беседа с начальником отдела УБОПа Сергеем Васильевым. Он в резкой форме высказал мне претензии, что, находясь на Лобвинском заводе, я лишил УБОП финансов. Кроме того, он сказал: «Ты украл «общак» ФСБ, УБОПа и других силовиков области». Васильев в категорической форме высказал мне предложение работать с ними. Я спросил, в чем заключается эта работа? Васильев ответил: «Ты должен приносить сюда деньги!»».

Каждая строчка этих показаний — буквально крик об уголовном деле, которое должно быть хотя бы возбуждено, и начато расследование! Но все опять падает в трясины полнейшего нежелания правоохранительных структур обращать внимание на то, что творится в Екатеринбурге. Как и аналогичные обращения Леона в Генеральную прокуратуру, МВД, лично президенту Путину. Нет ни малейшей реакции. К творящемуся беспределу — полнейшее равнодушие. Зато к судьбе Федулева — заинтересованное внимание.

В январе 2000 года по личному распоряжению заместителя генерального прокурора России Василия Колмогорова Федулев был освобожден из тюрьмы — просто так освобожден. Его не оправдал суд, его никто не помиловал. Просто посидел — и вышел.

По возвращении в Екатеринбург уральские власти приняли его, будто победителя. Губернатор Россель осыпал ласками. Федулева, от имени Росселя, объявили «лучшим предпринимателем года Урала». И можно смело сказать, что после тюрьмы и истории с расстрелом Альтшуля, принуждением Леона и физическим уничтожением их товарищей Федулев как раз-то окончательно и перестает быть бандитом и возведен в сан «ведущего промышленника Екатеринбурга». Отныне только в таком контексте о нем пишут СМИ Урала. Проходит еще немного времени, и Федулев становится депутатом областного Законодательного собрания, получает депутатскую неприкосновенность — арестовать его теперь будет еще сложнее.

Итак, что же мы имеем, если отвлечься от деталей? Федулев — уральский олигарх. Депутат. Крупнейший собственник. Но главное — он создатель СЕМЬИ. В широко известном переводе на итальянский это МАФИЯ. На языке отечественного уголовного кодекса, мафия — ОПС, организованное преступное сообщество. К осени 2000 года, моменту захвата «Уралхиммаша», с чего и начинался этот рассказ, в федулевской СЕМЬЕ все сложено так, как того требует статус МАФИИ. Направо пойдешь — годами прикормленные правоохранительные органы. Налево — «свои» судьи. Посередке — «свое» чиновничество любого

ранга, вплоть до высшего. Одна лишь заминка: ПАПА в тюрьме побывал, и пока он там находился, от него стали уплывать его заводы и комбинаты, и СЕМЬЯ запаниковала: «Где деньги?» — вот после чего Федулев вышел из тюрьмы...

Новый передел

Естественно, регалии и звания Федулева — всего лишь надводная часть этого мафиозного айсберга. Однако выход Федулева из тюрьмы — действительно, поворотный и показательный момент современной истории российского Урала. Даже пока Федулев еще не появился в Екатеринбурге, а стало только известно о его освобождении, еще не было его многочисленных объятий с Росселем, знающие люди поняли: все не просто так, неминуем новый передел уральской собственности, и Федулев будет использован в этом деле как таран. Федулева выпустили из тюрьмы не просто так, а ради главного: да, чтобы он вернул себе свое, но также и тем, кто при нем (а может, и при ком он сам?), они должны вновь получать свое денежное довольствие, свою мзду с федулевского бизнеса, который они помогали ему выстраивать с большим риском, кровью и предательством.

И Федулев надежды оправдал. Первое, чем он занялся на свободе, стало возвращение Лобвинского гидролизного завода. Потому что это — снова повторю — спирт! Большие, живые и быстрые деньги.

Вот как это было. И опять цитата из показаний Василия Леона, исполнительного директора Лобвинского завода, которые он дал в областном управлении ФСБ:

«Федулев пояснил мне, что раньше вопросы решались юридическим путем: приватизация, скупка акций... Теперь же все решается силовыми методами».

Эти показания Леона датированы февралем 2000 года. Леон сам тогда пришел в ФСБ с просьбой о помощи в противостоянии с мафией. Он просил о защите СИЛОЙ ЗАКОНА от шантажа организованного преступного сообщества. Во-

первых, от шантажа сотрудников областного УБОПа, донимающих Леона уйти с Лобвинского завода в пользу Федулева. Во-вторых, от шантажа собственно господина Федулева. Выйдя из тюрьмы, он не просто потребовал от Леона ухода, но и 300 тысяч долларов в придачу.

Все просьбы Леона оказались без ответа — государство открестилось от закона и отдало завод на растерзание мафии. И «силовые методы», на которые намекал Федулев в разговоре с Леоном, ждать себя не заставили.

14 февраля 2000 года Федулев собирает комитет кредиторов Лобвинского завода. Собирает просто так — от себя лично. Естественно, не имея на то никакого юридического права. Его цель — силой напора сменить руководство завода на «свое», подконтрольное.

Любопытно, как это происходит: из пяти основных кредиторов Федулеву удастся подчинить себе только двоих, и тогда от имени третьей фирмы-кредитора, необходимой для кворума, просто является на свет поддельная доверенность. И «комитет» принимает нужное Федулеву решение: провести собрание кредиторов не в Лобве, на заводе, а в Екатеринбурге, прямо в офисе Федулева на улице Малышева, 36. Никто и не скрывает, зачем именно там: а если вдруг объявится кто-то из настоящих кредиторов и их надо будет остановить?.. В полностью оцепленном офисе это сделать будет просто. В Лобве — труднее. Так зачем себе придумывать дополнительные сложности?.. Да и слишком большие деньги в игре, чтобы допустить осечку.

Поближе к собранию из Москвы прилетает сам Руденко. До собрания Федулев и Руденко должны решить главную задачу: как быть с Леоном, неподдающимся директором? И они решают ее...

За сутки до собрания, 17 февраля, Федулев направляет в УБОП парочку своих сотрудников — Пильщикова и Наймушина. Эти господа в УБОПе хорошо известны: уже много лет они проходят там в вялотекущем уголовном деле как

возможные исполнители заказного убийства одного из федулевских компаньонов. На сей раз, 17-го, Пильщиков и Наймушин пишут в УБОП донос: якобы Леон вымогал у них 10 тысяч долларов. И ЗА ОДИН ЧАС — скорость, невероятная для российской правоохранительной системы, — против Леона возбуждают уголовное дело. Естественно, без всякого предварительного расследования, аудиозаписей, проверок. Только на основании доноса... В это же самое время по улицам Лобвы курсирует милицейская машина и раскидывает там листовки (!): директор Леон — в розыске и бегах, он больше не может считаться директором...

18 февраля — день собрания кредиторов в офисе Федулева. Как и положено, все начинается с регистрации. Вход, коридоры и кабинеты — под контролем вооруженных автоматчиков в милицейской форме, это люди из УБОПа. Кажется, все предусмотрено и ничто не может изменить игру, затеянную Федулевым.

Однако тут-то и случается то непредвиденное, ради чего и переносили собрание в Екатеринбург. Председатель заводского профсоюзного комитета Галина Иванова, имеющая право присутствовать на собрании кредиторов от имени трудового коллектива — женщина, на которую, конечно же, никто не обращал никакого внимания, — достает из сумочки доверенность. Это самая «дорогая» доверенность, от основного кредитора. Об этом позаботился Леон, объявленный в розыск. И цена доверенности — 34 процента голосов. И, значит, как Иванова проголосует — так и будет...

Федулев отдает приказ, и Иванову увозят в УБОП — арестовывают! — Прямо с собрания, не дожидаясь голосования. Кто? Сотрудники УБОПа, находящиеся в зале, — не в форме, а просто так, растворенные среди людей. Они держат Иванову в УБОПе ровно три часа двадцать минут — до звонка Федулева о том, что регистрация закончена...

Дальше была ночь после собрания. Вот как описывает ее Александр Науджюс, заместитель Василия Леона (это также официальные показания Науджюса в областную ФСБ): *«На завод я приехал около 22.30. Около 1.30 ушел спать. В 4.30*

меня разбудили... Дверь в заводоуправление была уже выломана, решетки на окнах тоже. Вокруг было много вооруженных людей и около 30 легковых машин и автобус. Нас пропустили в заводоуправление, где с поднятыми руками стояла заводская охрана, — их охраняли люди с автоматами и в милицейской форме. За столом сидел старший лейтенант УБОПа Олешкевич. Я вошел в кабинет коммерческого директора, там сидел Федулев. Я спросил: «На каком основании произошел захват?». Мне предоставили протокол собрания кредиторов и контракт с новым директором. Контракт был поддельный».

Таким образом совместная операция Федулева и областного УБОПа по незаконному захвату Лобвинского гидролизного завода завершилась успешно. Налицо были вопиющие нарушения закона и превышение полномочий государственными служащими. Иными словами, борьба с оргпреступностью, что и является главной работой УБОПов, путем репродукции оргпреступности собственными, УБОПа, силами.

Кто за это понес наказание? Если смотреть на все с высоты 2003 года, третьего года «диктатуры закона», провозглашенной Путиным? Никто. До сих пор.

«Прошу оградить меня от дальнейших провокаций работников УБОПа», — написал тогда Василий Леон в ФСБ... Написал — и все. Истратил пять листов бумаги — и ничего больше. С 18 февраля он — директор без завода. Каждый день после 18 февраля стал приносить федулевцам тысячи долларов наличными. Лобва — это спирт, спирт — это водка-«паленка», водка-«паленка» — это Федулев и компания... Передел спиртового рынка Урала, связанный с выходом Федулева из тюрьмы, состоялся. Что и требовалось...

Сегодня Лобвинский завод влачит жалкое существование — Федулев выгреб его до доньшка и отошел в сторону. Что и следовало ожидать... Но это — сегодня, а в 2000 году, завоевав Лобву и поднакопив за последующие месяцы наличную денежную массу, через семь месяцев после лобвинского захвата Федулев, никем не

остановленный, двинулся на металлургический рынок. Первым на его пути был лакомый кусочек по имени Качканар.

Качканар

Качканарский горно-обогатительный комбинат (ГОК) — мировая знаменитость и российское национальное достояние. Единственный в мире, добывающий железо-ванадиевую руду. Без продукции ГОКа нет доменной плавки. В нашей стране, по крайней мере, нет ни одного рельса для железной дороги.

В середине 90-х годов, как и многие другие экономико-образующие предприятия России, Качканарский ГОК был подвергнут серии приватизационных мероприятий, в результате которых совершенно обнищал. Особенно тяжелым стало положение в 1997-1998 годах. К этому моменту председателем совета директоров на ГОКе стал Федулев, и действовал он тут так же, как и везде, где получал власть: выхолащивал предприятие, облепляя его своими же мелкими реализационными фирмочками, через которые продукция уходила, а деньги обратно на комбинат не возвращались. К концу 98-го Федулев довел Качканар до банкротства. И только арест «лучшего предпринимателя Урала» стал началом возрождения ГОКа — смогли активизироваться другие акционеры. Они наняли команду знающих менеджеров во главе с Джалолом Хайдаровым, за теми пришли крупные инвесторы.

В 1999 году комбинат преобразился — объем производства вырос до проектной мощности, стоимость чистых активов пошла вверх, рабочим стали платить зарплату (а тут та же ситуация, что и в Лобве: ГОК — градообразующее предприятие, где работают 10 тысяч человек, почти все трудоспособное население города).

Результат послефедулевского оздоровления был налицо — акции комбината вновь стали интересными на фондовом рынке.

А теперь — политическое отступление. При свердловском губернаторе Росселе, как почти при каждом российском губернаторе, всегда имеется такой же человек, каким был при Ельцине Путин. Преемник — очень верный и неглупый, коронованный в преемники в силу сложившихся обстоятельств, когда кто-то верный и неглупый должен быть гарантом сохранения финансовой стабильности и личной безопасности первого лица в случае, когда тот покинет политическую арену.

Такая личность при Росселе — Андрей Козицын, уральский «медный король», управляющий медеплавильными заводами Свердловской области. По мере движения к очередным губернаторским выборам Екатеринбург стал свидетелем экспансии «медного» Козицына еще и в металлургическую отрасль — под покровительством Росселя, естественно.

Но при чем тут сравнение с Ельциным-Путиным и Путиным-гарантом ельцинской финансовой стабильности? Дело в том, что Россель — тоже не вечный губернатор, и, так как дело движется к переизбранию, Россель стал предпринимать шаги в сторону сосредоточения в одних руках — в данном случае в руках Козицына — всех самых лакомых кусочков уральской промышленности. А в руках Козицына — значит, и в руках Росселя.

Как вы помните, одним из первых, после выхода из московской тюрьмы, екатеринбургских визитов Федулева был к губернатору Росселю. О чем шла речь, точно неизвестно, однако сразу после аудиенции Федулев переписал в доверительное управление Козицыну все свои акции по двум комбинатам — Качканарскому и Нижнетагильскому металлургическому. По всей видимости, это была чистой воды сделка Федулева с губернатором. Федулев выкупил себе право делать в области все, что ему надо, а Козицын вошел на Качканар.

Надо сказать, что у Федулева на тот момент было только 19 процентов акций ГОКа, да и те — с подмоченной репутацией, о чем будет рассказано ниже. И значит, переданный Козицыну пакет — не контрольный, и своего,

подконтрольного, руководителя так просто не поставишь... Да и менеджеры во главе с Хайдаровым воспротивились новой федулевско-kozyцинской экспансии, а за их спинами — владельцы 70 процентов акций комбината...

Что было делать? Насильник потому так и назван, что берет жертву силой. 28 января 2000 года происходит вооруженный захват Качканарского ГОКа. Со стрельбой, подложными документами и при активном участии правоохранительных органов — по тому же сценарию, что и на Лобвинском гидролизном заводе. И при таком же активном внешнем безучастии губернатора Росселя — и это тоже, как в Лобве.

На рассвете 29 января комбинату был явлен новый директор — Козицын. А по свободным кабинетам заводоуправления туда-сюда, по-хозяйски, прохаживался Федулев... Дежавю.

Понятно, однако, что власть силой — это ненадолго, всего лишь до первого собрания акционеров. И Козицын, и Федулев это отлично понимали: тут не лобвинская ситуация с кредиторами — качканарские акционеры просто выкинут захватчиков.

Вывод последовал такой: во-первых, не допустить собрания. А во-вторых, обанкротить ГОК опять, потому что это единственный шанс лишить акционеров властных полномочий. (Таково наше законодательство: если предприятие объявляют несостоятельным, то акционеры превращаются в безгласных собственников).

Федулев и Козицын не допускают собрания методом, опробованным нашим государством в Чечне, — он состоит в том, что город просто закрывают для въезда и выезда. И все... Акционеры едут на комбинат, вместе с ними — смещенные менеджеры... А их останавливают на выставленных по городскому периметру милицейских блокпостах. Как такое возможно? Да очень просто. Качканарский мэр господин Сухомлин, по настоянию Федулева и Козицына, срочно пишет

постановление № 14 о запрете въезда в город Качканар «иногородним гражданам», а все акционеры и менеджеры ГОКа — иногородние для Качканара. Тем же постановлением мэр Сухомлин запрещает и «скопления иногородних граждан» — это на тот случай, если враги Федулева и Козицына все же просочатся в город и надо будет их арестовать, если они попытаются организовать собрание, а собрание будет ничем иным, как «скоплением иногородних граждан».

Абсурд, конечно. Какая-то сатира на жизнь... Однако это и была жизнь. Собрание акционеров не состоялось, и компаньоны-бандиты приступили ко второму пункту плана: к искусственному обанкрочиванию Качканарского ГОКа.

Но как это возможно? Если предприятие успешно работало?

Пожалуйста, далее — механизм. В банке «Московский деловой мир» Козицын берет кредит в 15 миллионов долларов — под имущество ГОКа. Ему дают, потому что кто же не хочет получить Качканарский ГОК?.. Дальше, под этот кредит, Козицын выпускает на рынок векселя комбината. При этом деньги инвестирует не в ГОК, а в другое свое предприятие — «Святогор», расположенное также в Свердловской области, — якобы для создания совместного предприятия. Следующий шаг: качканарские векселя Козицын как бы выдает «Святогору»...

Почему тут везде эти «якобы» и «как бы»? А потому, что в итоге выясняется, что ничего этого не было, все действия — виртуальны, а векселя ГОКа оказываются сконцентрированы в руках у одной крошечной фирмы — естественно, подставной. Фирма была зарегистрирована по адресу скромной екатеринбургской квартирки на паспорт женщины, которую, как потом ни старались, а найти не смогли. И вот эта виртуальная женщина вмиг превратилась в основного кредитора влиятельнейшего в мире ванадиевого производителя-монополиста. Как? Фирма-однодневка покупала векселя ГОКа за 40 процентов их номинала — и тут же предъявляла их комбинату к 100-процентной оплате. А потом объявила о банкротстве ГОКа, не сумевшего выкупить собственные векселя по 100-процентному номиналу. Таким путем у подставной неизвестной женщины оказалось

90 процентов голосов на собрании кредиторов... Мошенничество, разыгранное открыто и явно, под присмотром областного правительства и губернатора.

ОТКРЫТО появился подставной кредитор...

ОТКРЫТО выпустили не обеспеченные имуществом векселя...

ОТКРЫТО векселя были проданы за 40 процентов цены...

ОТКРЫТО на следующее утро после покупки предъявлены к 100-процентной оплате...

ОТКРЫТО создана искусственная задолженность...

ОТКРЫТО всего за пару дней комбинат приведен к банкротству...

ОТКРЫТО свершилось воровство — с благословения властей и правоохранительных органов настоящие владельцы ГОКа, вложившие в него миллионы долларов, оказались без всяких прав на собственность и возвращение своих инвестиций...

И все это время на Качканаре нес круглосуточную вахту во избежание досадных случайностей — вроде какой-нибудь новой «Галины Ивановой, председателя профкома» — областной УБОП. Все тот же, что и в Лобве, в дни захвата тамошнего завода...

Когда вора никто не останавливает, он наглеет. Как после Лобвы последовал Качканар, так после Качканара был «Уралхиммаш» — в сентябре 2000 года там случился вооруженный захват — по той же вышеописанной схеме. А в последующие месяцы — в течение 2001 года тихое удушение акционеров «Уралхиммаша» путем искусственного банкротства при полном попустительстве

(пособничестве) властей. Так называемая «управляемая демократия», которую провозгласил Путин, на марше.

Или — дикий капитализм под руководством мафиозных группировок, на службе у которых оказались правоохранные органы, коррумпированное чиновничество и... судебная власть.

Уральский суд — самый продажный суд в мире

Помните, на «Уралхиммаше», в ночь после его захвата, и Федулев, и сторона смещаемого директора — все размахивали друг перед другом набором противоречащих судебных решений?

Так и было. Они демонстрировали друг другу не фальшивки. Как только начинаешь копаться в документах по «Уралхиммашу», Качканарскому ГОКу и Лобвинскому заводу, довольно быстро понимаешь, что все эти вооруженные погромы были санкционированы судами Свердловской области. На стороне одних всегда оказывались одни судьи, на стороне других — другие... Будто и нет законов, Конституции... По сути, одновременно с борьбой мафиозных группировок Урала за сферы влияния шла и междоусобная судебная война. И суд использовали — да и продолжают использовать — как ШТАМПОВОЧНЫЙ ИНСТРУМЕНТ кому-то выгодных решений.

Из письма председателю Верховного суда России Вячеславу Лебедеву от заслуженного юриста России, бывшего председателя Октябрьского районного суда Екатеринбурга И. Кадникова и бывшего председателя Ленинского районного суда Екатеринбурга В. Никитина:

«Именно он, Овчарук (Иван Овчарук — председатель Свердловского областного суда еще с советских времен и до сих пор. — Прим. авт.), на протяжении ряда лет принимает непосредственное участие в формировании и воспитании судейского корпуса Урала, производит личный отбор и контроль в

подборе новых кадров судей по каждой кандидатуре. Без его личного согласия не будет назначен на должность судьи ни один кандидат, не будут продлены полномочия ни одного из нас. Все негодные лично ему судьи постепенно выживаются и подвергаются гонениям, их вынуждают к уходу с работы, а в состав судейского корпуса подбираются люди, часто не имеющие ни квалификации, ни опыта работы, но в чем-то уязвимые и поэтому управляемые. В настоящее время огромное число высококвалифицированных судей, проработавших много лет и имеющих огромный опыт, обладающих такими важными качествами, как принципиальность, независимость и твердость в принятии решений, неподкупность и смелость, — они были вынуждены уйти с судебной работы. По одной причине: если ты неподкупен, невозможно нормально работать под руководством Овчарука».

Рассмотрим две основные позиции: а кто, собственно, «хороший», по Овчаруку? Каков портрет «хорошего»? И кто — «плохой»?

Лучший по профессии

Анатолий Кризский, председатель Верх-Исетского районного суда Екатеринбурга, — не просто «хороший», он — «лучший по профессии». Долгое время именно он, Кризский, был верным стражем интересов Ивана Овчарука. Что это значит — «быть верным стражем»?

Верх-Исетский суд — самый непростой суд в городе. Именно на его территории располагается екатеринбургская тюрьма. Это значит, что, согласно законодательству, именно в Верх-Исетском суде рассматриваются все дела, связанные с изменением меры пресечения тем, кто в тюрьму посажен. И все в Екатеринбурге знают: главное в вопросе судебного изменения меры пресечения — не состав преступления, не то, что человек совершил, и в зависимости от этого, опасен социальнo он или нет, — а только деньги. Меньше других обычно сидит в тюрьме бандит из мощной преступной группировки — товарищи попросту его выкупают.

Отсюда и рост благосостояния в отдельном районном суде. Как известно, районные суды в России бедные как церковные мыши, у них хронически не хватает средств даже на бумагу, и истцам требуется приходить со своей, а судейские зарплаты и вовсе таковы, что этого хватает едва-едва свести концы с концами. Совсем не та картина в Верх-Исетском суде. Его здание сплошь облеплено джипами, «Мерседесами», «Фордами» стоимостью в несколько тысяч долларов. И по утрам из этих автомобилей вылезают хозяева — скромные районные судьи с зарплатой в несколько тысяч российских рублей... Лучшая машина — всегда у Анатолия Кризского.

Особо доверительные отношения сложились у Кризского с Павлом Федулевым. На протяжении многих лет именно Кризский лично рассматривал дела, где каким-то образом фигурировал Федулев, — так сказать, домашний судья. Или судья по вызову, по заказу. И никогда Кризский не позволял себе проволочек и волокиты — всегда рассматривал дела, в которых заинтересован Федулев, по так называемой ускоренной схеме. Не утруждая себя ничем — ни вызовом в зал заседаний свидетелей, ни соответствием принятых решений законам. Если просил Федулев Кризского признать какие-либо акции своими, Кризский не обременял себя необходимыми в таких случаях требованиями доказательств или, например, того, что ценные бумаги принадлежат именно истцу Федулеву... Кризский просто проштамповывал: эти акции — Федулева... Как того желал Федулев. И Федулев с подобными решениями в руках и появлялся на том же «Уралхиммаше» после вооруженного погрома...

Любопытно, что суд по заказу иногда вершился Кризским, так сказать, прямо на дому клиента... Кризский писал решения по федулевским искам не в зале суда, как единственно и требует закон, а прямо в федулевском офисе. Бывало, что делал это даже не сам Кризский, а собственноручно федулевский адвокат, он же Кризский лишь ставил подпись...

Когда летом 1998 года у Федулева начались проблемы с прокуратурой по одному из дел о мошенничестве с московской фирмой, именно Кризский вместе с

Федулевским адвокатом полетел в Москву к тогдашнему генеральному прокурору Юрию Скуратову — хлопотать о прекращении уголовного дела против своего подопечного. Скуратов и вправду был с молодости в дружеских отношениях с Кризским, принял председателя Верх-Исетского районного суда, и как уж там что получилось, но в тот раз дело было закрыто, а по возвращении жена Федулева передала Кризскому веселый цветной целлофановый пакет с 20 тысячами долларов в рублевом эквиваленте... Она и не скрывала, что это в благодарность за хлопоты... А Кризский, в свою очередь, не скрывал, что рад: через несколько дней он купил себе автомобиль «Форд-эксплорер».

Возможно, кому-то на Западе это покажется нормальным явлением: председатель суда не может быть нищим, и, значит, «Форд» — не из ряда вон выходящая вещь в его быту. В России покупка председателем районного суда подобного автомобиля может означать лишь две вещи: или председатель получил большое (по нашим меркам) наследство, или он берет взятки. Третьего для председателя суда просто не дано... Потому что «Форд-эксплорер» в России — это уровень бизнесмена, а бизнесом у нас председатель суда заниматься права не имеет по закону. При этом цена «Форда-эксплорера» равняется жалованью судьи за двадцать лет работы.

Но на этом чудеса вокруг Кризского не закончились. Пройдет всего лишь месяц после истории с «Фордом-эксплорером», как у Федулева опять возникнут проблемы с прокуратурой, и тогда машина отбеливания закрутится по новому кругу, и Кризский снова слетает к Скуратову — на сей раз не в Москву, а на черноморский курорт Сочи, где как раз отдыхал генеральный прокурор, — и тучи над Федулевым в который раз рассеются, а Кризский поменяет свой и без того шокировавший Екатеринбург «Форд-эксплорер» на «Мерседес-600», автомобиль-символ «новых русских», уж совсем никак не совместимый с судейским образом жизни.

А знаменитые на весь Екатеринбург дни рождения Кризского! Наглое барство било через край, будто зажавшийся купец праздновал именины. В эти дни в суде

отменялся прием граждан — по приказу председателя двери закрывали на ключ, Кризский арендовал ресторан в центре города, купюры летели направо и налево, водка текла рекой, весь чиновничий Екатеринбург гулял на всю катушку. На глазах у удивленной и почти полностью нищей екатеринбургской публики... И наплевать было пьющим и пляшущим, что судья не имеет права вести себя таким образом. Не только по неписанным нравственным правилам, но и по писанным законам. Например, федеральный закон «О статусе судей в Российской Федерации» категорически требует особенного, аскетического образа жизни от судьи, вне службы (не говоря уж — на службе) он обязан избегать любых личных связей, которые могут причинить ущерб его репутации, и проявлять максимальную осторожность и осмотрительность в поступках, дабы постоянно поддерживать авторитет судебной власти, ему доверенной, на высочайшем моральном уровне.

Так вот, именно Кризский со всем своим федулевским и прочим мафиозным багажом — любимчик у Ивана Овчарука, председателя областного суда. На всех совещаниях Овчарук подчеркивал: Кризский — один из лучших судей Урала.

Почему? Безусловно, законный вопрос. Что за этим? Или же Овчарук — на зарплате у мафии? Или он просто ослеп, не может отличить черного от белого?

Ни то. И ни другое. Дело в следующем: почти все мы, ныне живущие в России, — родом из советской страны, в той или иной степени носители советского образа жизни. У Овчарука — старая, советская выучка и закалка. Его диагноз: типичный советский руководитель от юриспруденции, «из бывших», как теперь у нас говорят. Это значит, что всей своей предыдущей деятельностью он не приучен спорить с начальством ни при каких обстоятельствах — он привык только исполнять приказ начальства, а также угадывать его настроение — в какую сторону движется начальственная бровь. Это не преувеличение, не журналистская штучка. Это пример советского рабства, как оно было, а Овчарук — наследие такого нашего прошлого, в котором его карьера только потому складывалась удачно, что он никогда в жизни не воевал против мнения вышестоящего руководства, каким бы незаконным или глупым оно ни было.

Когда наступили новые времена и пришла демократия с капитализмом, был момент, как рассказывают очевидцы, когда Овчарук запаниковал: кому теперь служить, когда привычная иерархия разрушилась, а не служить невозможно?..

Однако замешательство было недолгим. Особый советский нюх — кому выгоднее всего подчиняться. Кто сильный мира сего? — быстро выдал оптимальное решение. Овчарук выбрал двух новых «царей». Во-первых, это деньги (мир зарождающегося бизнеса, круг накопителей первоначального капитала). И, во-вторых, административная чиновничья прослойка, с которой как только не боролись в России, но она осталась традиционно монолитна и крепка, как гранитная скала (для Овчарука - это губернатор Россель). Ну а раз два этих «царя» слились в Екатеринбурге в нежной дружбе и получилась новая мафия рядом со старой, уралмашевской, то у Овчарука не было терзаний, кого обслуживать, — он стал исполнителем желаний и Росселя, и Федулева. Так как Овчарук отлично видел, что Федулев и Россель — большие товарищи, и, пока это так, значит, надо исполнять все прихоти Федулева, а раз Кризский — человек Федулева, значит, надо поддерживать Кризского и не «замечать» его «маленьких слабостей»...

Лишь в конце 2001 года удалось освободить Екатеринбург от Кризского в ранге председателя Верх-Исетского районного суда. Но как это было!.. И к чему привело...

Да, областному управлению ФСБ долгие годы было известно то, что Кризский обслуживает криминальную деятельность Федулева на Урале, но ухватить его с поличным оперативники не могли. Наконец, за Кризским (кстати, вопреки закону) было установлено тайное круглосуточное наблюдение — так называемая наружка, и председатель Верх-Исетского суда был уличен... в педофилии. Доказательства ФСБ выложила и самому Кризскому, и его покровителю Овчаруку, и Росселю.

Результат? Кризский ушел в ПОЧЕТНУЮ ОТСТАВКУ. Никакого публичного позора. Никакого лишения судебных полномочий. Никаких унижений. Никаких увольнений с «белобилетной», грязной формулировкой: «За совершение

поступков, порочащих честь и достоинство судебной власти». Кризский был переведен на другую работу и стал юридическим советником екатеринбургского мэра. И все. Быть может, кто-то и хотел наказать порок — а получился все равно на круг уважаемый старец-юрист.

Далее — о «недостойных». О тех, кто не мог работать рядом с Овчаруком и Кризским. О тех, кто не желал видеть и участвовать в том, как независимый суд превращается в полностью зависимый от криминала. О судьях, пытавшихся оставаться судьями, — на земле, занятой мафией. И уволенных за несговорчивость именно с той самой формулировкой, с которой не уволили Кризского: «За совершение поступков, порочащих честь и достоинство».

Плохие

Таких судей в последние годы в Екатеринбурге — большинство. Десятки — тех, кто не пожелал обслуживать новые складывающиеся мафии, и поэтому был изгнан корпорацией, облит грязью вслед и растоптан.

Ольга Васильева проработала судьей 11 лет. Это — приличный срок. Ольга — человек внешне спокойный, уравновешенный и несуетливый. Она — именно та судья, которая категорически, по принципиальным соображениям, отказалась штамповать нужные Федулеву в его игре судебные постановления и решения. Она просто сказала: «Нет». Васильева при этом работала в том же Верх-Исетском районном суде, под непосредственным руководством Кризского, испытывала огромное давление, иногда это были угрозы жизни ей и семье — но она выстояла и ни разу не подчинилась. И не только Федулеву, но и так называемым простым постановлениям — это когда Кризский требовал выпустить кого-то из своих протеже-бандитов из тюрьмы (то есть судебным путем изменить меру пресечения).

Последней каплей — разрывом — стало то обстоятельство, что Васильева приняла к производству иск (по требованию Кризского она должна была его немедленно отклонить, даже не создавая прецедента), где ответчиком выступал

лично председатель областного суда Иван Овчарук. Истцами, подавшими жалобу, выступили жители Екатеринбурга, в отношении которых Овчарук допустил судебную волокиту и намерено долго не рассматривал их прошение в областной суд, поскольку оно было направлено против интересов начальства из аппарата губернатора Росселя.

Для Екатеринбурга — города под пятой мафии, где все знают, что вольности в подобных вещах, как правило, заканчиваются не ссорой, а расстрелами, — принятие подобного иска означало почти что революцию, нечто невероятное. Другие районные суды, во избежание большой беды на свою голову, подобные иски даже не регистрируют, отклоняют (хотя по закону и не имеют на это права) в момент подачи.

Система жестоко отомстила отважной Ольге Васильевой за действия в пределах закона. Ее не просто уволили, ее всю изваляли в грязи. К личному делу судьи, поданному на лишение ее полномочий, были приколоты жалобы тех, кого она отказалась выпускать из тюрьмы: тех самых бандитов — протеже Кризского. Наглости не было предела, и жалобы были написаны заключенными прямо на официальных бланках судебных заседаний, которые никак не могли оказаться в их руках, кроме как сам Кризский пришел к ним в тюрьму и дал...

Началось хождение по инстанциям, где Васильева должна была доказывать, что это все фальсификация, что она — не верблюд... Лишь год спустя Верховный суд России восстановил Ольгу в звании судьи, однако муки ее на этом вовсе не закончились. Верховный суд остался в Москве, а ей предстояло возвратиться в Екатеринбург, где она была совершенно беззащитна. И как только Ольга вернулась домой и привезла решение Верховного суда, вручив его Кризскому, тот все равно не допустил ее до работы и написал официальное представление на нее в областную квалификационную коллегия судей (орган судейского сообщества), что, несмотря на восстановление, Васильева «на путь исправления не встала» (формулировка, традиционно используемая в характеристиках на заключенных — своеобразный символ тюремной лексики, и если применять эту формулировку для

характеристики не заключенного, тем более судьи, это звучит крайне издевательски и может быть использовано только для унижения).

Но к требованиям Кризского присоединился и Овчарук — и квалификационная коллегия вынесла решение: «больше не рекомендовать» Васильеву к назначению в судьи (судьи в России должны время от времени подтверждать свои полномочия, как бы переназначаться, а значит, получать вновь «рекомендации» квалификационных коллегий в своих республиках и областях, и это — пропуск к переназначению указом президента).

Естественно, никто в этой карманной квалификационной коллегии, находящейся в полном ведении и распоряжении председателя областного суда (Овчарука), даже не стал разбираться, в том какие факты — в подтверждение своих доводов Кризский предоставил... А это были те же самые факты «вины» Васильевой перед судебной системой — заявления заключенных на судебных бланках, которые только что отменил Верховный суд как несостоятельные!

Ольга Васильева — человек мужественный и принципиальный. Она, конечно, вновь обратилась в Верховный суд, настаивает на восстановлении справедливости... Но на это выматывающее, выхолащивающее дело уходят годы жизни... В течение которых Васильева лишена возможности работать.

И еще: можно ли требовать от большинства того же пути, который выбрала Ольга Васильева?... Нет. Многие екатеринбургские судьи говорили мне, умоляя никогда и ни при каких обстоятельствах не упоминать их фамилий: «Нам легче штамповать решения, которых от нас требует Овчарук, чем оказаться на месте Васильевой». И — рассказывали в доказательство множество историй о том, что случилось с их коллегами, когда они пытались противодействовать мафии. Вот только одна из них — история екатеринбургского судьи Александра Довгия.

Довгий «провинился» только в том же, в чем и Васильева. Однажды он всего лишь не выполнил требование Кризского и не выпустил из тюрьмы

очередного его протезе. Через несколько дней судья был жестоко избит на улице железными прутьями. Милиция отказалась даже искать нападавших, хотя, если подобное случается с судьями, милиция, как правило, очень активна. А Довгий надолго угодил в больницу, вышел оттуда инвалидом, и хоть и вернулся на работу, но теперь рассматривает только дела о разводах — просит других дел ему даже не давать...

«При существующем положении вещей, когда профессионализм низводится до предрассудка перед способностью не иметь своего суждения, когда люди, не могущие обойтись без большевистских методов, допущены к осуществлению функций государства в сфере правосудия, помахивают добродетельным перстом и не видят ничего предосудительного в возможности требовать вынесения конкретного решения и в вызове судей на партхозактив (квалификационная коллегия) либо в возможности казнить и миловать от нашего имени нашими же руками...». Это написал молодой и очень перспективный судья, который также просил навсегда «забыть» его имя, после того как он подвергся давлению Овчарука и Кризского, аналогичному тому, которому подверглась Васильева. Но не справился с этим давлением, не нашел сил бороться — а просто решил уйти. Написал эти строки в письме на имя Кризского — и попросился в отставку... Указав в заявлении: «Вопрос прошу рассмотреть без моего присутствия». И навсегда уехал из Екатеринбурга.

Надо сказать, этот молодой судья и не мыслил увольняться. Просто в один «прекрасный день» случилось то, что должно было случиться: к нему пришло дело о бандитских махинациях очередных мафиозных групп, и Кризский потребовал закрыть это дело немедленно. Молодой судья попросил время на размышление, ему стали угрожать «неизвестные» — анонимными звонками домой, подброшенными записками... Его «неожиданно» избили в подъезде дома — несильно, предупредительно, и это опять были «неизвестные», которых не «нашли»...

Молодой судья тут же написал заявление с просьбой об отставке. Тут же его дело было передано другому судье. Накануне заседания этот «другой» получил телефонограмму из областного суда за подписью самого Овчарука, чтобы тот прекратил производство по этому делу. На следующий день дело было закрыто... Суд по заказу свершился.

Сергей Казанцев, судья Кировского районного суда Екатеринбурга, вынес решение, чтобы некоего Упорова, совершившего разбой и грабеж, заключить в тюрьму как социально опасного человека до рассмотрения дела по существу в суде. После этого судья Казанцев перешел к рассмотрению следующего дела — находился в совещательной комнате и писал приговор (по российскому законодательству в этот момент никто не имеет права беспокоить судью), но Казанцеву прямо в совещательную комнату позвонил Овчарук и потребовал в категорической форме, чтобы тот немедленно изменил меру пресечения Упорову и выпустил его из тюрьмы. Казанцев ответил: «Нет». На что Овчарук заявил, что Казанцев будет уволен.

И Казанцев был уволен.

Подобных историй в Екатеринбурге много. Они похожи друг на друга, как близнецы. В результате оставшиеся работать судьи — тоже как близнецы. Они, прежде всего, полностью управляемы, готовы проштамповать любое решение, лишь бы не было неприятностей с начальством. Сопротивление сведено к нулю. Царство двойной морали под лозунгом диктатуры закона. И разве это судьи, в которых нуждается народ?

Именно так и получилось в истории с захватом «Уралхиммаша» — когда на руках у сторон оказались противоположные решения по одному и тому же поводу и на основании одного и того же закона. В условиях, когда годами жестоко подавлялась любая судебная инициатива, а поощрялась рабская идеология у судей плюс опыт работы в подневольных советских судах — ну, о каких смелых и справедливых решениях тут можно говорить? Все, кто мог противодействовать и

смело говорить «нет», давно не у дел. Все, кто умел немедленно откозырять в поощрении беззаконию, действуют и растут по служебной лестнице.

Очень хорошие

За каждым «успехом» Федулева стоит особая дружба с судебским корпусом Урала. Он дружит с судьями — и они дружат с ним. Получается все очень взаимно. Самые известные в этом смысле фамилии — господа Рязанцев и Балашов. Рязанцев — скромный судья Качканарского городского суда (Качканарский суд — в подчинении Овчарука), и именно он штамповал нужные Федулеву решения по Качканарскому ГОКу, утверждая сделки фирмы-однодневки о скупке по дешевке акций и продаже их по 100-процентному номиналу и способствуя тем самым решению судьбы предприятия мирового значения. Второй — Балашов, тоже очень скромный, работает в Кировском районном суде города Екатеринбурга — и это он выносил постановления в пользу Федулева по «Уралхиммашу» и некоторым другим важным для его успешной жизнедеятельности вопросам. Вот как это получалось. Опять же — далее механизм.

Судья Балашов — тот самый человек, который фактически нажал на спусковой крючок во время развития событий на «Уралхиммаше». Приняв в пятницу вечером иск в поддержку интересов Федулева на заводе, уже в понедельник утром — с невиданной для отечественного судопроизводства скоростью — Балашов выдал «нужное» Федулеву решение. При этом Балашов не озаботился ничем — ни вызовом свидетелей, ни сбором дополнительных сведений, ни допросом третьих лиц... Что от него и требовал Федулев — Балашов просто проштамповал.

Стоит заметить, что Балашов — действительно законник. Он лишь умело использовал лазейки нашего законодательства — скорый суд, к которому он прибегнул, вполне допустим. Вынесенное им определение — так называемое «в обеспечение исковых требований». Это когда истцы пишут ходатайство с просьбой

обеспечить их требования, ссылаясь на то, что противная сторона якобы стала принимать некие управленческие решения и шаги, ведущие к разбазариванию собственности. Сверхзадача такого иска — все оставить как есть. И суд, действительно, вправе вмешаться — запретить всякие управленческие действия до того, как будет разрешен спор по существу: кому что принадлежит.

Таким образом, своим спринтерским определением по «Уралхиммашу» Балашов вроде бы никоим образом не разрешал спор о собственности, он лишь запретил издавать приказы и распоряжаться имуществом... Все внешне невинно. Мило и тихо... Но — удушающе. Под покровом закона получилось полное беззаконие.

Как известно, по российскому законодательству, если по какому-то спору уже состоялось решение иного суда — например арбитражного, — то новое решение по этому же спору другой суд выносить не может. Но игра есть игра: принимая «нужное» решение «в обеспечение иска», Балашов сделал вид, что ему неизвестна принципиальная подробность тяжбы вокруг «Уралхиммаша», что арбитражный суд уже состоялся... И внешне — опять все выглядело прилично. Балашов знал, как мотивировать: мол, нет в области единой информационной системы (а ее действительно нет), и в райсудах ничего не знают...

Естественно, это была чистой воды игра — Балашов все знал. И именно поэтому он решил не вникать в подробности: он мог вызвать хотя бы свидетелей — но их не вызвал, он мог потребовать документов — он их не потребовал, он мог отложить рассмотрение дела, хотя бы до выяснения всех обстоятельств, на несколько дней... Но — ничего. Потому что так хотел Федулев. И Балашов вынес заказанное ему решение, размахивая которым на «Уралхиммаш» тут же, спустя пару часов после вынесения, когда чернила еще не высохли на подписи судьи, Федулев уже влетел на «Уралхиммаш» с вооруженными бригадами...

И «Уралхиммаш» пал.

ОЧЕНЬ ВАЖНАЯ ДЕТАЛЬ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА. Если сегодня суд играет на чьем-то поле, если откровенно подыгрывает одной из сторон — закон на его стороне. Поскольку суд у нас якобы независим. И весь вопрос только в том, чтобы судью поддержали «наверху». Если судейский «верх», который осуществляет у нас процессуальное руководство «низом», хочет того же — судейский «низ» может действовать, как ему заблагорассудится. После погрома на «Уралхиммаше» Балашова вызвал к себе для дачи объяснений председатель районного суда Валерий Байдуков, его непосредственный начальник, — и Балашов ему сообщил, что «такого решения» хотели в областном суде, все согласовано с Овчаруком... И вопрос о поведении Балашова был тут же снят с повестки дня.

А как же недоуменная публика? На сей раз, в связи с наглым захватом «Уралхиммаша», екатеринбургская общественность задавала очень много вопросов, ведь на комбинате — многотысячный коллектив, у всех — семьи... Байдуков объяснял все просто, и вроде бы они гуманисты: мол, мы, суд, понимаем, людям дорога каждая минута, когда имущество может уплыть в неизвестном направлении — поэтому мы, в интересах граждан и собственников, оперативно приняли решение...

Кстати, Байдуков, который все это объяснял, — председатель областного совета судей. Корпоративная, так сказать, совесть. Дело Ольги Васильевой, естественно, проходило через него несколько раз, и всякий раз Байдуков его проштамповывал в нужном Овчаруку ключе... Совет судей — это тоже так называемый орган судейского сообщества, как и квалификационные коллегии судей. Корпоративная совесть, так сказать. В Екатеринбурге и совет судей, и квалификационные коллегии — полностью подконтрольные воле Ивана Овчарука организации. В их ряды попадают только угодные Овчаруку люди, и, поэтому, какие представления Овчарук туда вносит, такие выводы там и делают. Валерий Байдуков — председатель областного совета судей и председатель Кировского районного суда Екатеринбурга — человек насмерть испуганный и пугающийся собственной тени. Нет ощущения, что он хоть кого-то способен защитить. Если у

него и есть свое мнение, то оно — исключительно гипотетическое. Он может порассуждать теоретически — о районном суде как «основном звене судебной системы в России» — и замолкает всякий раз, когда надо оперировать фактами или обсудить действия Овчарука.

Небольшое, но необходимое отступление: в российских районных судах общей юрисдикции рассматривается 95 процентов всех уголовных и гражданских дел, и в этом смысле районные суды, действительно, основное звено судебной системы страны. Однако в реальности это — фикция. Районный суд — на редкость управляем и зависим. Главная причина такого положения вещей — в нежелании судейских «верхов», областных и республиканских судов, проводить судебную реформу, упуская тем самым бразды правления над «низами», районными судами. Районные суды наделены у нас лишь конституционной независимостью, и не важно, что Конституция в России — прямого действия, все равно — районным судам не дали процессуальной независимости.

Что это такое — процессуальная независимость, без которой нет реальной? Закон предписывает вышестоящим судам (областным) осуществлять процессуальное руководство нижестоящими (районными и городскими) — то есть направлять их судебную практику. Процессуальное руководство состоит в том, что районные (городские) суды выносят решения, а вышестоящие суды (областные) оценивают эти решения: правильно? неправильно? И так формируется судебная практика, в которой процессуальная зависимость перерастает в организационную и карьерную. Неудобный нижестоящий судья — уязвим как младенец. И зависим полностью. «Верх» имеет право критиковать и уничтожать «низ», как ему заблагорассудится — и никакой ответственности за это по закону не несет. Областной суд, отменяя решение районного, не говорит, КАК надо и КАК правильно. Он просто утверждает: «Неправильно».

Таким образом, областной суд не должен брать на себя никакой ответственности за решение, зато он обязан вести статистику, сколько дел и от каких районных судей оказались в последствии НЕПРАВИЛЬНЫМИ. В конечном

счете именно эта статистика выливается в премиальные для судей, в разнообразные льготы или лишение их, в отпуска в летние месяцы или в зимние — для «плохих» судей, в продвижение в очереди на квартиру (этим распоряжается областной суд, а зарплаты у судей таковы, что сами они купить квартиру не могут), в утверждение на следующий срок полномочий или неутверждение и т.д....

Именно так районные, «основные» по Конституции, судьи оказались в большей, чем при советской системе, зависимости от своего руководства, председателей областных судов. При этом существование подобной иерархии — вроде бы не может быть, согласно той же Конституции. По ней все судьи — равны и независимы хотя бы потому, что все назначаются указом президента?..

В жизни — не все. Они, действительно, равны, когда назначаются. И совершенно не равны, когда лишаются работы. Если председатель областного суда желает расправиться с районными судьями — у него все козыри на руках. Но если председатель областного суда не устраивает районных судей — это их личное дело, способствовать снятию его они не могут, нет рычагов.

Именно законы и правила судейского общежития — какими они сложились после падения СССР и наступления демократии — позволили Овчаруку стать тем, кем он стал: санитаром судебного поля Урала вылавливающим тех судей, кто в принципе может принять непредсказуемое решение. Судебная система никак юридически не защищена от своеволия зарвавшихся начальников. Все обязательства только морального характера. Система функционировала бы со знаком «+» для общества только в одном случае — если бы на месте Овчарука был человек других морально-нравственных качеств. Согласитесь, это никакая не система...

Впрочем, вернемся к районному судье Балашову. Мог ли он поступить иначе в федулевском деле? И как он ДОЛЖЕН БЫЛ поступить? Если бы решил быть объективным и непредвзятым? Была у него такая возможность? Конечно — в этом случае он просто отложил рассмотрение иска. И у него есть на это право.

Надо сказать, что, готовя захват «Уралхиммаша», Федулев и те, кто с ним, предварительно обежали многие районные суды Екатеринбурга и везде попробовали судей «на вшивость»: согласятся или нет?

СОГЛАСИЛИСЬ ВСЕ — поступить, как Балашов. ВСЕГО ОДИН районный суд в Екатеринбурге — Чкаловский — отказал Федулеву в скором разбирательстве. И сразу после этого отказу председателю Чкаловского суда Сергею Кияйкину Иван Овчарук предложил уехать работать в Магадан, крайнюю северо-восточную точку страны. В российской традиции «ехать в Магадан» — значит быть сосланным в Магадан. И этот судья-отказник — выросший в Екатеринбурге человек, патриот города и Урала, сам химмашевец в прошлом, закончивший когда-то в юности техникум химического машиностроения, работавший на этом комбинате — гордости всей страны, — Кияйкин был счастлив отправиться как можно дальше от малой родины...

Только бы не погибнуть. И чтобы семью не тронули...

Вернемся к Балашову, судье по заказу. Он — федулевский «товарищ по борьбе» со стажем, верный страж. Принимать судебные решения в обеспечение интересов Федулева — дело для него налаженное. Вот, к примеру, балашовское решение, вынесенное 28 февраля 2000 года. Суть судебного рассмотрения была тогда такова. Как-то Федулев решил продать свое главное ЗАО (закрытое акционерное общество) — «Уралэлектромаш».

Это ЗАО, несмотря на название — никакой не завод, а просто фирма, занимающаяся операциями с федулевскими акциями. В активах «Уралэлектромаша» как раз и находились акции Качканарского ГОКа и «Уралхиммаша».

Итак, однажды Федулев продал свое фондовое ЗАО другому владельцу и получил за него некую сумму. Имея на это все права. Однако аферист — он и есть аферист. Спустя какое-то время уже вступившие в право владения покупатели

«Уралэлектромаша» выяснили, что хотя деньги они и заплатили, но доступа к документам ЗАО не получили! Почему? Это просто Федулев им ничего не передал — вроде бы продал, но фактически оставил все акции себе. Покупатели поняли, что они обмануты, и, естественно, прижали Федулева к стенке. А он им и говорит: «Я передумал — желаю все вернуть себе назад». Ему парируют: «Как это — «назад»? Ты же уже деньги получил? Верни деньги — и только тогда будет «назад!»». Но Федулев в ответ: «До свидания. Денег не отдам. Документов у вас нет. Вы — никто. Пошли вон». «Уралхиммашевский» пакет акций оказался в этом же положении. Выйдя из московской тюрьмы и желая себе вернуть то, за что он уже получил несколько миллионов долларов, Федулев сказал: «ничего не знаю, регистрации положенной не было, сделка недействительна». И — к судье Балашову — а тот штампует выгодные для Федулева решения. Получается решение: Федулев прав, пакеты акций, которые он продал, — на самом деле его, покупатель должен вернуть их Федулову без возврата им денег.

Все, что описано, не преувеличение. Так и было. Чтобы понять суть произведенных Федулевым афер, нужно знать, что наше законодательство пока несовершенно. Что и использовал Федулев. Суть несовершенства в следующем: любое предприятие — ЗАО, ОАО — когда выпускает акции, то требуется, естественно, зарегистрировать их выпуск. Сначала в нашей стране никто, конечно, не знал, как это делать: в СССР не было акций и фондового рынка. После падения СССР соответствующие правительственные органы также очень долго не могли сориентироваться — объяснить и вообще определить порядок, как регистрировать акции. В результате многие акции во многих АО оставались незарегистрированными. При этом сделки с ними совершались и совершаются — движение на рынке не останавливалось.

И как тут быть? Естественно, предполагалось, по умолчанию, что просто надо быть честным с партнерами. Федулев же — другого поля ягода, он — мошенник и вымогатель. Задумав аферу, он сначала заключил договор на продажу акций ЗАО «Уралэлектромаш», а только потом написал заявление о регистрации их в соответствующий государственный орган (ФКЦБ — Федеральная комиссия по

ценным бумагам, была такая). Когда акции там зарегистрировали — спустя довольно большое количество времени, потому что не было порядка такой регистрации и все тонуло в согласованиях и неувязках, — вот тут-то Федулев и сообщил покупателям: договор на продажу «Уралэлектромаша» был заключен раньше регистрации акций, составляющих его собственность...

И на чистом глазу: «Значит, все — мое! Я продал, когда пакет акций не был еще зарегистрирован... Поэтому возвращайте все назад». А деньги? «Деньги — тоже мои... Ошиблись — вы. И должны платить за свою ошибку». И суд — штампует, штампует и штампует то, что выгодно именно Федулеву.

Вот такая история — одна из многих афер Федулева, рядовая, в общем-то, его мошенническая операция, основанная на плохом российском законодательстве. Ведь что такое система законодательства? Это когда одни и те же понятия в одних и тех же законах одинаково значат. А у нас этого нет! Происходит следующее: разные бизнес-команды готовят разные законы. У каждой команды — свои цели. Каждая лоббирует тот закон, который ей в этот конкретный период жизни выгоден! Значит ли это, что Федулев настолько умен — умнее остальных, что знает все эти детали и на них играет? Нет, конечно. Федулев просто оказался настолько богат — вследствие вышеописанной жизни, что имеет возможность нанять самых сильных юристов, которые знают эти лазейки и всегда могут подсказать, кого и как обойти. И еще — повторяю — он сумел создать олигархическую (а попросту — мафиозную) пирамиду, при которой чтобы он ни сделал, все уже повязаны в единую цепочку. Федулев — Россель — Козицын, который преемник Росселя... Все они не могут друг без друга. Россель — без Козицына, потому что Козицын — то же самое для Росселя, чем был Путин для Ельцина: способ сохранить финансовую стабильность собственной семьи и после ухода из губернаторского кресла...

Однако сейчас интереснее: как же поступил суд? На чьей стороне он выступил — наш независимый и справедливый? Ответ вроде бы ясен: в любом случае суд не может быть на стороне мошенника...

А вот как вышел из ситуации судья Балашов, прекрасно понимавший, какие «белые пятна» есть в законодательстве, — Балашов принял решение в пользу Федулева: забрать у добросовестных приобретателей то, что они добросовестно купили, и отдать Федулеву. Любопытная деталь: и в данном случае все судопроизводство произошло по той же самой схеме, что и в деле «Уралхиммаша»: иск был предъявлен накануне вечером, а уже на следующее утро рассмотрен по существу. Многотомное запутаннейшее дело, где без специальных экспертов — знатоков тонкостей отечественного фондового рынка — шагу не ступить, Балашов, без всяких служебных последствий для себя, рассмотрел с ходу, с лету... И не потому, конечно, что Балашов — умнее всех умных...

А дальше — завертелось. История с высылкой судьи в Магадан — самая безобидная... Иск по спорным акциям ЗАО «Уралэлектромаш» стал прологом к кровавым событиям на «Уралхиммаше», первую судебную точку в которых, как мы помним, поставил все тот же Балашов.

Другой покладистый судья, «следующий Балашов», — носит фамилию Рязанцев и работает в Качканарском городском суде. Он делает то же, что и Балашов, в обеспечение интересов Федулева, но только в Качканаре, во всем, что касается Качканарского горно-обогатительного комбината.

28 января 2000 года, напомним, Урал всколыхнуло известие о наглом вооруженном захвате Качканарского ГОКа силами олигарха Федулева. Для города Качканара комбинат — градообразующее предприятие. Из 50-тысячного населения, включая младенцев и пенсионеров, на нем работают 10 тысяч. Это значит: от того, что будет на комбинате, как он будет работать, зависит судьба всего города.

Чем ответила судебная власть на трагедию захвата? 1 февраля 2000 года судья Качканарского городского суда Рязанцев рассмотрел иск о том, что случилось на ГОКе 28 января. И... не нашел никаких нарушений закона при проведении заседания совета директоров под дулами автоматов...

При этом судебное заседание прошло по той же схеме, что и у Балашова: без всякой досудебной подготовки, быстро, без привлечения к спору тех, чьи права оказались попораны. И, конечно, на следующий же день после подачи иска.

15 февраля — спустя 14 суток после решения Качканарского суда, а это невероятная для отечественной кассационной иерархии скорость (обычный срок рассмотрения кассаций в России — полгода) — судебная коллегия по гражданским делам Свердловского областного суда (епархия Ивана Овчарука) проштамповала решение господина Рязанцева. И опять же — без всякого рассмотрения. Областной суд «не нашел нарушений закона» в развитии качканарских событий.

Но на этом измывательства над Фемидой тоже не закончились. 15 февраля, в день, когда стало ясным, что «решил» областной суд, Качканарский городской суд, опять в лице судьи Рязанцева, еще раз, дабы не случилось осечки с захватом собственности, штампует свое собственное предыдущее решение. Каким образом? Он просто запрещает, кому бы то ни было еще, проводить общее собрание акционеров Качканарского ГОКа.

Это решение — только для закрепления успеха захватчиков. Надо сказать, что городской суд общей юрисдикции на сей раз вообще не имел на него ни малейшего права согласно законодательству. Более того, Качканарский суд вынес меру, вообще не предусмотренную ГПК — Гражданско-процессуальным кодексом. В кодексе подобного нет — запрета на совершение действий третьим лицам, не участвующим в споре.

Но кого из законников Свердловской области это волнует?.. Никого. Был ли дисквалифицирован господин Рязанцев за незаконные действия? Отлучен от профессии? Нет. Сильные у власти — и это главное. Суды штампуют решения в пользу сильных, даже не вникая в проверку подлинности того, что Федулев — собственник. В то, к примеру, что 19 процентов акций Качканарского ГОКа, которыми бравировал Федулев, как своими собственными, — на самом деле надувательство, их, по сути, нет. На эти акции давно был наложен арест — в

рамках расследования, которое вел в Москве Следственный комитет МВД против Федулева. Помните, его ненадолго сажали в Москве в тюрьму за мошенничество с одной столичной фирмой?.. Так вот, мошенничество ведь состояло в том, что Федулев дважды, разным фирмам и лицам, продал этот самый пакет ГОКа в 19 процентов, в обеспечение которого судья Рязанцев и председатель Овчарук так спешили потерять остатки своего судейского лица!

Дальше, после февраля 2000 года, конечно, много чего случилось — Верховный суд пытался опротестовывать февральскую беспредельщину Свердловского областного суда. И не один раз. Но ничего в реальной жизни все равно не поменялось. Федулев остался на ГОКе. Те, кого он выживал, ушли и скрываются за границей. А судебная практика Качканарского городского и Свердловского областного судов «обогатилась» еще массой косвенных дел о фактическом признании Качканарского ГОКа банкротом — это Федулев стал проворачивать обычную свою аферу с банкротством полученных им предприятий, заставляя подконтрольные себе суды штамповать нужные ему решения.

Таким образом, судебная власть Свердловской области, находясь на службе уральского криминалитета, способствовала совершению ряда умышленных сделок, совокупность которых повлекла неплатежеспособность предприятия. Между прочим, уголовно наказуемое деяние. Но кто в этом будет разбираться?.. Путин, придя к власти, напротив, солидаризировался именно с такими, как Федулев и Россель, объявив, что передела собственности не допустит, и это означало: кто захватил, тот и прав, ни у кого ничего не отберут. 14 июля 2000 года, вскоре после первого избрания, Путин прилетел в Екатеринбург. Он участвовал в торжественной церемонии закладки первого камня в строительство стана «5000» на Нижнетагильском металлургическом комбинате, крупнейшем в мире. А на НТМК — те же действующие лица и исполнители, что и на Качканаре. Федулев там — тоже в красном углу. А строительство стана «5000» — крупнейший инвестиционный проект Эдуарда Росселя. Спектакль «Закладка камня президентом» стал превосходным пиаром для продолжения федулевской криминальной экспансии. Что и случилось. Именно «под Путина» сюда поплыли

новые деньги... Федулев и Россель в ответ за все «благодения» теперь — активные путинские сторонники и обеспечивают функционирование уральского отделения путинской партии «Единая Россия», они уже заявили, что поддержат Путина в его избрании на следующий срок весной 2004 года...

Остается добавить, что внешне у нас в стране все отлично и предельно демократично. Провозглашен принцип полной независимости судебной власти и уголовно наказуемого запрета на любое вмешательство в отправление правосудия. Действует федеральный закон «О статусе судей» — передовой и обеспечивающий будто бы независимость судьи. Однако реальная жизнь такова, что все конституционные демократические принципы подвергнуты самому циничному надругательству. Они могут быть низложены, и никто не понесет никакого наказания. Получается, что сильнее законов — независимость от них. Судебное обслуживание населения зависит от того, к какому ты классу принадлежишь. Высший — VIP-уровень — занят мафией и олигархией.

А как же те, кто не VIP? На нет и суда нет.

...Раз есть капитализм, который мы строим, — значит, есть собственность. Если есть собственность, всегда найдется тот, кто будет ее хотеть. И другой — кто не пожелает отдать. Весь вопрос — только в методах. В правилах, по которым играют в государстве. Пока живем по законам Пашки Федулева, бывшего мелкого екатеринбургского вымогателя и мошенника, ныне — уральского олигарха, — наше государство коррумпировано.

Под занавес — только одна картинка. 2003 год. Март. Екатеринбург. Провинциальная жизнь — медленная, тут все будто замороженное. Но уже несколько дней подряд, с 25 по 28 марта, на центральной площади проходит постоянный митинг. Это — правозащитники Свердловской области: Международный центр по правам человека, Общественный комитет защиты прав заключенных, Объединение общественных организаций «Союз — Территория Народной Власти». Они собирают подписи с требованием немедленной отставки

Ивана Овчарука. Участники акции скандируют, что Овчарук, связанный давними узами «сотрудничества» с криминальными авторитетами Урала, — одновременно и главный организатор судебного произвола на Урале, и противник проведения судебной реформы. Овчарук, говорят они всем, кто хочет слышать, продолжает выдавливать любые формы демократии и стоит насмерть против введения суда присяжных, заявляя, что суды присяжных «не соответствуют интересам жителей Свердловской области». И все это — ради одного: чтобы ничем не была ограничена созданная им коррумпированная система судопроизводства на благо криминального мира Урала.

Тот же март. Но уже не Екатеринбург, а Москва. Иван Овчарук опять утвержден президентом в должности председателя Свердловского областного суда... Кто будет спорить, что мафия не бессмертна?..

Провинциальные истории обо всем

Часть 1.

Иркутский дедушка

...Зима третьего года правления Путина (2002-2003) была у нас очень холодная. Критическая зима. Конечно, мы северная страна — Сибирь, медведи, меха и все такое прочее, поэтому вроде бы должны быть готовы к холодам...

Но у нас всегда все как снег на голову — неожиданно, и холода в том числе, и поэтому эта страшная история все-таки случилась.

В Иркутске, глубинном сибирском городе, жил один очень старый человек — за восемьдесят, простой пенсионер, из тех, к кому даже «скорая помощь» отказывается приезжать — потому что слишком старые, просто и незамысловато отвечая на вызов по телефону: «А что вы хотите? Конечно, плохо себя чувствует... Возраст». Так вот, этот один очень и очень старый иркутянин, к тому же, живший в

одиночестве, ветеран Второй мировой войны, так сказать, воин-освободитель, орденосец и инвалид на попечении государства, один из тех, кому президент Путин присылает поздравительные письма ко Дню Победы 9 Мая, желая ему счастья и здоровья, и старики наши, ветераны, совершенно не избалованные вниманием государства, плачут над этими стандартными письмами с президентским факсимиле — так вот, в январе месяце 2003 года этот иркутский дедушка был обнаружен примерзшим к полу собственной квартиры. Он умер от переохлаждения, упал и примерз к тому месту, где упал. Ветеран по фамилии Иванов. Самой распространенной русской фамилии — Ивановых у нас сотни тысяч.

Ветеран Иванов примерз к полу потому, что его квартира не отапливалась. Вообще. Хотя и должна отапливаться. Как и все квартиры многоэтажного дома, где он жил. Как и все дома в его городе Иркутске зимой третьего года правления Путина.

Почему именно так? Объяснения просты: сначала трубы отопления прохудились по всей России — потому что служили с советских времен, а советские времена минули уж, слава Богу, больше десяти лет назад. Потом трубы долго текли и текли, и отвечающие за это коммунальные службы ничего не предпринимают (у нас коммунальные службы — централизованные, государственные, монополисты этого рынка услуг, и других просто нет. Каждый месяц мы должны им платить ни за что: то есть за техническое обслуживание, которого нет, немалые, в соответствии с реальными доходами, деньги. Но они почти не обращают на нас, плательщиков, внимания, и продолжают игнорировать свою работу, традиционно требуя повышения тарифов, и правительство уступает, и нас обязывают платить им больше, но коммунальщики до того привыкли к ничегонеделанью, что не работают все равно).

Так вот, наконец, давно текущие и хронически не ремонтируемые «монопольные» трубы полопались, и тут, прямо зимой, в жестокие морозы, выяснилось, что заменить эти трубы нечем... Денег у коммунальщиков на смену

нет, те, что мы им платим, неизвестно на что потрачены. Все коммунальные сети, служившие еще со времен Советского Союза, в конце концов сгнили (чего, впрочем, и следовало ожидать), а поменять оказалось просто не на что (чего, естественно, никто не ожидал — мы ведь страна, производящая тысячи километров разнообразных труб)... «В стране нет денег на это», — возвещали члены путинского правительства, разводили руками и делали вид, что они тут ни при чем... «Как это — «нет денег»?» — хило парировали политики, обычно делающие публичный вид, что они защищают права человека... И все. На том и разошлись. Никакого грандиозного скандала — с отставкой правительства, с уходом соответствующего министра с должности, на худой конец, — не случилось.

Ну и что, что люди круглые сутки ходят по своим квартирам, спят и едят в шубах и валенках?.. Бывает, надо потерпеть — летом отремонтируют...

Президент публично пожурил премьера. Представители оппозиционных партий произнесли несколько сильных речей, о которых тут же забыли. И они сами, и все остальные...

И все потекло по-прежнему. Умершего старика иркутские коммунальщики отковырнули ломом от ледяного пола и тихо схоронили в ледяной сибирской земле. Траура в стране не объявили. Даже в Иркутской области.

Президент сделал вид, что это не его страна и не его электорат — на похороны и вовсе отделался молчанием. И страна «съела» это молчание. И Путин, чтобы усилить свои позиции, еще и перенес акценты: выступил с жесткой речью, что во всем виноваты — в преследующей нас бедности террористы и война, и это приоритет государства — уничтожить «международный терроризм» в Чечне...

В остальном жизнь в стране опять понеслась «положительная» — так у нас теперь все по-советски происходит, когда ничто не должно сильно печалить гражданина, толпа не должна задумываться о несовершенстве разворачивающейся перед ее глазами реальной действительности...

Вскоре наступила весна. Выглянуло солнышко. И некоторое неудобство от случившегося как-то само собой забылось, стерлось... Весной Путин стал готовиться к своим перевыборам 2004 года. И тут не должно быть места грусти от поражений — только радость побед. Поэтому, с весны начиная, в стране объявили много праздников — небывало много праздников. Включая время Великого Поста.

Чем ближе было лето, тем меньше стало разговоров о полном коллапсе теплоснабжения, случившемся этой зимой в России, — граждан призывали в массовом порядке радоваться подготовке к 300-летию Санкт-Петербурга и гордиться роскошью отремонтированных царских дворцов, где не стыдно будет ослепить великолепием мировую элиту... И так все и случилось.

Путин пригласил всех мировых лидеров в Санкт-Петербург, и город изнасиловали перекраской фасадов. Об иркутском старике, как, впрочем, и о питерских стариках, никто и не вспоминал. Включая Путина. Будто и не он президент в стране, где старики примерзают к полу оттого, что их квартиры не отапливаются.

«Вот если бы он умер в Москве...» — поговаривали столичные аналитики, подразумевая, что тогда уж точно был бы огромный скандал, власть предприняла бы меры, поменяли бы трубы к следующей зиме... А тут...

Шредер, Буш, Ширак, Блэр и много других ВИП-персон прикатили в нашу Северную столицу и фактически короновали Путина как ровню себе — их принимали так шикарно, как только было позволительно расстрелянному последнему императору... Шредер, Буш, Ширак, Блэр и другие ВИП-персоны сделали вид, что Путин — им полнейшая ровня, и об иркутском старике Иванове, как и о миллионах бедствующих российских пенсионеров, еле-еле сводящих концы с концами, конечно же, опять никто не вспомнил...

Тем не менее, зимой 2002—2003 года, под стук ломов в квартире пенсионера, наступил час пик времен правления Путина, которого почти не

заметили. Почему? Путин поставил свою власть исключительно на олигархические глиняные подпорки — народу в этой схеме места не оказалось. Он дружит с одними олигархами — и воюет с другими, и именно это называется у нас высшим государственным управлением, когда главное — миллиардеры, между которыми поделены нефтяные и газовые запасы...

Но не народ. Провинция и столица России живут, как планета Земля и светило Солнце. Солнце — это все, тепло, жизнь, свет (Москва). Земля — это сопутствующий Солнцу товар. Разные орбиты, разные пути, разные обитатели.

Часть 2.

Камчатка — полуостров отчаянного выживания

Камчатка — это самый край нашей русской земли. Из Москвы сюда лететь больше десяти часов, самолеты на линии до Петропавловска-Камчатского — малокомфортабельные, и поэтому очень хорошо в полете думается и о необъятности нашей непростой Родины, и о том, что в Москве проживает лишь крошечная группка наших людей, и эта группка играет в какие-то большие политические игры, свергает и водружает идолов и, главное, уверена, что именно она управляет огромной страной...

Камчатка — хорошее место для того, чтобы понять, насколько далека российская провинция от столицы. И расстояние тут ни при чем. Провинция не просто живет по-другому — она дышит иначе. Но настоящая Россия — именно там.

Капитан Дикий

...На Камчатке моряков, как рыбаков, и еще больше. Несмотря на массовые сокращения в армии, пока тут сохраняется прежний расклад: за кого голосует камчатский флот, тот и выиграл.

Как и положено в приморских городах, повсюду черно-синяя гамма — бушлаты, матроски, бескозырки... Только вот одного не заметно — это былого флотского шика. Если бушлаты, то ношенные, если матроски — стиранные-перестиранные, бескозырки — линялые.

Алексей Дикий — командир атомного подводного противолодочного крейсера «Вилючинск». И Дикий — наша флотская элита. И его «Вилючинск» — тоже. Крейсер состоит на вооружении Камчатской флотилии Тихоокеанского флота.

Дикий получил блестящее образование в Ленинграде — нынешнем Санкт-Петербурге. Потом Дикий, как очень талантливый офицер, также блестяще прошагав по служебной лестнице, в 34 года от роду уже стал уникальным специалистом-подводником, цена которому, по мировой военной иерархии, тысячи долларов за каждый следующий месяц службы. Теперь капитан первого ранга Дикий влачит жалкое существование. По-другому это не назовешь. Будто он то ли хронически бездомный. То ли неудачник.

Его дом — это жуткое офицерское общежитие с облезлыми лестничными пролетами, полупустое и страшноватое, как Гарлем прошлых времен, каким его показывали в американском кино про гангстеров. Все, кто мог, уехал отсюда на Большую землю, бросив военную карьеру ко всем чертям. Окна многих квартир зияют пустотой — людей там больше нет. Холодно, голодно, неудобно. Люди бежали прежде всего от нищеты. Капитан Дикий рассказывает, как с другими высшими флотскими офицерами ходит в хорошую погоду на рыбалку — чтобы семья могла сытно и вкусно поесть.

На кухонном столе в его квартире — то, чем Родина платит за верную безупречную службу: месячный паек капитана. Только что Дикий принес его домой в казенной простыне с подкладки.

Паек состоит из двух пачек лущеного гороха, двух килограммов гречки и риса в бумажных пакетах, двух банок консервированного горошка, дешевле которого не бывает, также двух консервных банок тихоокеанской селедки, бутылки растительного масла...

— И все?

— Да. Все. — Дикий не плачется, просто констатирует без всяких комментариев. Он — крепкий и очень настоящий человек. Точнее, он — очень русский. Лишения — его стихия, он служит Родине, а не вождю какого-то конкретного временного периода. Если бы он допускал иные мысли, его давно бы тут не было. А так капитан допускает, что все может случиться — в том числе и голод, а такой паек ему, командиру атомной подлодки, означает именно это — голод.

Эти банки — на семью капитана, состоящую из трех человек. У Дикого — жена Лариса, по специальности радиохимик. Она закончила престижный столичный МИФИ — Московский инженерно-физический институт, выпускников которого компьютерные фирмы Силиконовой Долины в Калифорнии, как рассказывают, переманивают прямо со студенческой скамьи.

Но Лариса, живя с мужем в закрытом военном городке Тихоокеанского флота, не работает. Потому что никто — ни штаб Военно-морских сил, ни далекое Министерство обороны — этими «детальями» жизни своих офицеров совершенно не интересуется. Подбор армейских трудовых резервов таков, что штабы в упор не видят золота под ногами. У Ларисы даже нет возможности пойти учительницей в школу для детей подводников — все места заняты, на них очередь, безработица для невоенных тут 90 процентов.

Третий член семьи капитана Дикого — дочка Алиса, ученица второго класса. Ей тоже трудно позавидовать. В военном городке нет ничего, что могло бы помочь развиваться способностям как этой девочки, так и других детей. Ни

спортивных залов, ни танцевальных площадок, ни компьютеров... Все, на что претендуют гарнизонные дети, разделяющие участь своих отцов-офицеров, — это унылый грязный двор и дом с видеомagneтофоном и набором мультфильмов.

Действительно, Камчатка — край нашего света. Предел государственного бездушия. Самые совершенные технологии уничтожения человека, с одной стороны, и пещерный уровень жизни для тех, кто ими управляет, с другой. Вся жизнь построена только на личном энтузиазме и любви к Родине. Ни денег, ни славы, ни будущего.

Место, где живет Дикий, называется Рыбачье — это в часе езды на машине от Петропавловска-Камчатского, столицы Камчатского полуострова. Рыбачье — самый знаменитый, быть может, даже во всем мире, закрытый военный городок на 20 тысяч человек. А также — символ и флагман российского ядерного флота. Городок напичкан самыми современными видами оружия, здесь располагается ядерный щит России с Востока, и живут те, кто его поддерживает в целостности и сохранности.

Подводная лодка капитана Дикого — одна из главных составляющих, которые обеспечивают боеготовность этого ядерного щита. Отсюда и сам Дикий — главная его составляющая... Субмарина «Вилючинск» — совершенный технический организм, каких нет на вооружении ни у кого другого в мире. Лодка способна уничтожать в бою и целые надводные соединения, и лучшие подводные лодки мировых держав, в том числе американские. Под началом у Дикого — уникальное ракетно-ядерное оружие и внушительный торпедный боезапас. Пока с такой лодкой все в порядке — Россию никто не способен серьезно обидеть, по крайней мере, со стороны Тихого океана.

А вот самого Дикого может обидеть всякий. И первый, кто это делает, — государство, которому он служит. Но капитан «Вилючинска» думает в подобном направлении редко. Как и многие другие офицеры, он весьма искусно выживает при тотальном безденежье. Заработные платы — низкие, и те бывают нерегулярно,

часто случаются задержки выплат до полугода; и в тот момент, когда мы говорим, денег тут не видели уже пять месяцев подряд.

Так вот, Дикий выживает следующим образом: когда нет денег, он предпочитает отказываться от обедов на корабле (а офицеров там обязательно кормят) и носит домой то, что ему положено одному, в виде так называемого сухого пайка. И делит на троих. Других возможностей прокормить семьи нет. В результате Дикий — человек-тень. Он худ сверх меры и бледен, лицо его имеет нездоровый серый тон — и ясно, почему: капитан главной составляющей ядерного щита России не может пожаловаться на сытость.

Естественно, сказывается и долгое постоянное пребывание в зоне радиации. Если в прошлые годы это особым образом оплачивалось, что превращало подводников в весьма завидных мужей, то теперь все не так — невесты в сторону морских офицеров не смотрят.

«И все-таки нищета — не самое страшное, — говорит Дикий, человек-аскет. Романтик-бессребреник. Офицер до мозга костей. Почти святой в наши годы тотального пересчета всех ценностей на циничный язык доллара. — Нищету можно пережить, если имеешь перед собой ясную цель и понятные боевые задачи. Наша настоящая беда совсем в другом — в бедственном положении ядерного флота страны, в бесперспективности. Похоже, в Москве не до конца понимают, что с нашим оружием шутки плохи. Через 10 лет здесь, в Рыбачьем, если сохранится нынешнее финансирование, или не будет ничего, или на наши пирсы придет НАТО».

От безысходности происходящего перед его глазами, Дикий собрался учиться дальше — поступать в Академию Генерального штаба, чтобы написать диссертацию о состоянии национальной безопасности России в конце двадцатого — начале двадцать первого века. Его цель — в финале исследования суметь научно обосновать ответ на вопрос, его тревожащий: кому нужно было развалить эту самую национальную безопасность?

Пока все его выводы — не в пользу столицы. Однако агрессии или озлобленности по поводу происходящего у капитана нет. Ход мысли примерно таков: да, ужасно, что Москва ведет себя таким образом, но делать нам нечего, надо выстоять, потому что мы умнее и сильнее тех, кто наверху.

Жизненная позиция Дикого делает его быт не принадлежащим ему самому. Командиру нельзя ничего из того, что доступно всякому другому. Готовность явки на лодку — 5 минут после поступления приказа, это значит, никаких и никуда отлучек, он всегда должен быть на связи. Ни за ягодами, ни за грибами, ни на рыбалку, ни просто пошататься бесцельно, куда глаза глядят, с друзьями... Жизнь на посту, который ты принял, а сдать некому. Надо быть с офицерами, чтобы они не падали духом в столь трудное время. Надо успеть в казармы, чтобы вовремя узнать, что творится с матросами. В общем, надо абсолютно все, и даже больше.

В результате получается следующее: если ты просто армейский офицер и тоже живешь, как нищий, как и капитан Дикий, но у тебя есть возможность — что и происходит сегодня сплошь и рядом, — где-то подрабатывать после службы и тем кормить свою семью, покупать одежду и даже форму (не удивляйтесь: большинство офицеров, действительно должны покупать обмундирование самостоятельно), — то у капитана Дикого для этого нет ни времени, ни возможностей. В оставшиеся от службы короткие часы он обязан — именно обязан — отдохнуть, выспаться, привести свои нервы в полный порядок, а ведь они не могут не расшататься при такой-то жизни, чтобы идти на свою ядерную лодку не во взвинченном состоянии. Это категорически запрещено — слишком непоправимыми могут быть последствия бытовой неврастении.

— Я должен быть на службе спокойным и уравновешенным, — объясняет Дикий. — Будто с курорта. Будто быт налажен. И даже вопроса такого нет передо мною: чем накормить жену и дочку завтра...

— Что значит «должен»? По-моему, вы неверно ставите вопрос. Вы служите государству, и, значит, это прежде всего государство ДОЛЖНО вам

создать подходящие условия, при которых вы придете на службу спокойным и уравновешенным. Разве не так?

Дикий снисходительно улыбается, и я не могу понять, к кому же он больше снисходителен, этот странный человек особой закалки: ко мне, задающей подобные вопросы, или к государству, плюющему на тех, кто ему служит?.. В конце концов, выходит, что ко мне...

— Нет у государства сейчас такой возможности, — наконец говорит капитан. — Ну, нет — и все тут. Что толку требовать, чего нет? Я — человек, мыслящий реально. И от природы не злобный. Все фантазеры и злые отсюда давно сбежали. Уволились с флота.

— И все-таки я не понимаю, почему не уволились лично вы? Вы — ядерщик, имеете инженерную специальность. Уверена, нашли бы себе пристойную работу...

— Нельзя уволиться. Потому что нельзя бросить лодку. Я — командир, а не матрос. Меня нечем заменить. Если уйду — буду чувствовать себя предателем.

— Но перед кем? Государство и так вас предало...

— Пройдет время, и государство образумится. А пока надо терпеть. И ждать. И сохранить ядерный флот. Вот именно я его и сохраняю. Даже если Министерство обороны ведет предательскую политику. Я служу стране, я защищаю людей, а не государственный аппарат.

Вот вам и портрет российского офицера-подводника нашего времени — сидит себе человек на краю нашей земли и, верный воинской присяге, ежедневно закрывает собою амбразуру. В условиях, когда закрыть эту амбразуру больше нечем.

Чтобы суметь выполнить свои обязанности в условиях глубокого финансового нездоровья, охватившего войска, от командира требуется полная отдача. Капитан Дикий уходит из дома ровно в 7.20 и возвращается в 22.40. И так каждый день: по 10 и более часов он на борту. Другого выхода просто нет — флот на глазах разваливается, и с техникой, стоящей без ремонта, в любой момент может что-то случиться, в том числе и большая беда. Единственное, что здесь неизменно с прошлых времен, это поднятие флага. Ритуал проходит ежедневно в 8.00. Что бы ни произошло — хоть тайфун, хоть пурга, хоть авария, хоть смена правительства.

Кстати, Дикий именно ХОДИТ до причалов, где стоит его «Вилючинск». Пешком — это занимает ровно 40 минут. Ходит он туда не потому, что заботится о своем здоровье. Во-первых, у него, конечно, нет личного автомобиля, потому что нет денег на него. А во-вторых, служебного транспорта тоже нет, точнее, он на приколе. Вторая флотилия, к которой приписана подлодка «Вилючинск», — как и вся Камчатка, в тисках энергетического кризиса, и поэтому ни машин, ни автобусов до причалов не подают. Просто нет достаточного количества бензина у военных. Да что там бензин в стране, направо-налево торгующей нефтью! Без хлеба бы не остаться. Гарнизон, где служит Дикий, вечно должен местному хлебозаводу... А тот вечно отпускает хлеб на лодки в долг...

Представляете картину? Люди, обслуживающие ядерный щит страны, претендующей на звание великой державы, — эти люди питаются подаянием...

Мне, например, стыдно. А президенту? Когда он заседает на «восьмерках»?

Ну да ладно... Все офицеры в Рыбачьем ходят на работу пешком по утрам. И вот по дороге на пирсы и в штаб офицерский корпус обычно гудит, как рассерженный улей. Обсуждают наболевшее: сколько можно терпеть? В какую пропасть мы летим?..

Горячим политическим дискуссиям способствует открывающийся офицерам вид. Если двигаться, к примеру, по направлению к пирсу № 5, где

пришвартован «Вилючинск», то можно созерцать остров Хлебалкин. Там находится мертвый судоремонтный завод. Еще два-три года назад на Хлебалкинском заводе одновременно проходили профилактический ремонт по 15-16 субмарин. Теперь там спокойная водная гладь и ни одного «больного» судна.

Офицерам объявляют: и здесь действует жесточайший режим экономии. И подводники созерцают умирающие доки по два раза в день: когда идут на работу и когда возвращаются обратно.

— Жуткая картина, — говорит Дикий. — Мы-то понимаем, что это значит... За все придется платить. Нашу технику ОБЯЗАНЫ ремонтировать. Чудес не надо ждать — тут не бывает долгожителей, ни разу не обращающихся к врачам. Это надо понимать. Аварии неизбежны.

Одних офицеров Рыбачьего весь этот флотский распад вдрызг расхолаживает. Других развращает — всякого навидались в гарнизоне в последнее время. И самоубийства были, и ничем не мотивированные поступки случались.

— Но мне кажется, нынешняя обстановка офицеров все-таки скорее ожесточает, — рассказывает Дикий. — Поэтому мне так важно, чтобы все были на поднятии флага ровно в восемь утра. Экипаж должен увидеть глаза своего командира. И прочитать в них — все в порядке, все спокойно, служба продолжается. Несмотря ни на что. Вопреки всему.

«Офицерский выпендрей! Высокие слова для романтических барышень! И только!..» — наверняка отмахнутся многие, прочтя эти строки. И будут отчасти правы — действительно, это и есть высокие слова. Но положение таково, что еще не уволившиеся с разваливающегося Тихоокеанского флота офицеры продолжают сегодня выполнять свои сложнейшие обязанности только потому, что относятся к высоким словам, как к своему якорю. Они имеют идеалы и принципы — и поэтому служат. Ничего другого у них не осталось. Им очень трудно — многие на пределе.

Хотя бы потому, что знали другую жизнь и на нее рассчитывали: шли в подводники из-за престижа, яркой военной карьеры, больших зарплат.

...Жизнь, конечно, не кино и не книжка, и поэтому высокое в Рыбачьем отлично соседствует со смешным и очень даже бытовым.

- Послушайте, но так же жить нельзя, как ваш муж! Хоть иногда, но человек должен принадлежать самому себе! — это говорю я.

И Лариса Дикая, красавица-хохотушка родом из украинского Житомира, — женщина, пожертвовавшая своей судьбой, живущая впроголодь, и все это, ради исполнения долга ее мужем — весело и задиристо смеется мне в ответ:

— А мне лично очень нравится такой образ жизни. Зато я всегда знаю, где мой муж! Никуда от меня он не скроется! И никаких мук ревности!

Дикий в этот момент рядом с нами. Он смущенно улыбается, почти как школьник-подросток, которому объяснилась в любви первая школьная красавица. Капитан, оказывается, застенчив и краснеет. А мне хочется плакать... Я вижу и понимаю, что груз огромной ответственности, лежащей на командире ядерной подводной лодки, совершенно не совместим не только с бытом и образом жизни Дикого, но и с его возрастом и внешним видом.

Капитан первого ранга выглядит — особенно дома, без формы — ну совсем как мальчишка-отличник: худой и грустный. По московским меркам, где молодые люди созревают по-прежнему поздно, — это так и есть. Дикому — ведь только 34 года, напомним.

— А военной выслуги при этом у вас — уже 32 года! Да вы на пенсию можете спокойно идти.

— В общем, могу... — опять смущается капитан.

— Вы что же, в два годика пришли на флот? Объясните... Как дворянский сын, которого зачисляли в полк с рождения и к совершеннолетию у того уже был приличный стаж и погоны? — настаиваю я.

Алексей опять в ответ улыбается — видно, то, что он сейчас скажет, ему очень приятно. Действительно, отец капитана — морской офицер. Теперь, конечно, в отставке. А сам Алексей вырос в Севастополе, на черноморской военной базе.

— Что же касается 32-летней выслуги при 34 моих годах... — начинает.

Но его тут же прерывает бойкая жена:

— Это означает только одно — он всю службу провел на самом сложном участке, на подводном флоте, в непосредственной близости от реакторов и ядерного оружия. Год тут — за три.

— Вам не кажется, что только за это одно вас государство уже давно должно было озолотить? — не унимаюсь я. — Вам не обидно делить свой обед на троих? Будто вы — студент?

— Нет. Не обидно, — отвечает спокойно и уверенно. — Стучать кортиками о мостовую (*символ забастовочного движения в России.* — Прим. авт.) нам, подводникам, бессмысленно. В нашем закрытом городе все живут так же, как я. Мы выживаем, потому что помогаем выживать друг другу. Только и делаем, что постоянно занимаем-перезанимаем друг у друга денег и еды.

— Пришлют кому-то родственники посылку со съестным, тут же эта семья пир горой устраивает, — говорит Лариса. — Так и ходим по гостям, по кругу. Подкармливаемся. Так и живем.

— А вам родители тоже с Украины что-то присылают?

— Конечно. И тогда всех наших таких же голодных друзей кормим мы.

И — смеется...

И вправду: гвозди бы делать из этих людей, как писал один наш поэт...

Интересная вещь: проходят годы, от падения коммунистической партии нас отделяет уже очень много времени, а некоторые прошлые реалии остаются девственно нетронутыми. И первейшая из них — патологическое неуважение к людям. Причем в первую очередь к тем, кто трудится самоотверженно и истово, невзирая ни на что. К тем, кто по-настоящему влюблен в дело, которому служит. Власть так и не научилась говорить «спасибо» преданным стране людям. Работаешь? Что ж, работай дальше, пока не сдохнешь или не останется сил терпеть. И на этом фоне власть только и делает, что нагнетает день ото дня, переламывая лучших из лучших.

С настойчивостью маньяка делая ставку на худших?

Нет никаких сомнений, что коммунизм был полностью проигрышной лотереей для нашей страны. Но то, что сейчас, — тем паче.

...Разговор о высоком с капитаном Диким мы продолжаем на центральном пункте управления подлодкой «Вилючинск». Город, естественно, полностью закрыт для посторонних и любопытных. К засекреченным пирсам нет хода даже офицерским женам. Но для меня военная разведка неожиданно сделала исключение — и дала разрешение побывать на лодке у Дикого.

Хищный боевой нрав «Вилючинска» становится очевиден еще с берега. На корме, белым по черному, — впечатляющая графика: оскалившаяся акуля морда, и флотский художник явно переусердствовал в устрашении, пририсовал морскому страшилищу зубов столько, сколько вряд ли встречается в природе. Акулье изображение на корме «Вилючинска» не случайно — от рождения лодка

называлась просто «Касаткой» и была переименована совсем недавно. Почему, никто из офицеров не понимает, но говорит:

— Пусть будет так.

Ознакомительная прогулка по «Вилючинску» убеждает в главном — в том, ради чего, собственно, меня, наверное, сюда и пустили. Я брожу рядом с жерлом очень страшного вулкана, который, не дай бог, раскочегарить не так, как положено. Реактор плюс ракеты — гремучая смесь! Сверхнапичканность лодки ядерным оружием в условиях системного экономического кризиса и находящейся в смятении армии — ну что может быть еще страшнее?..

По ходу экскурсии Дикий продолжает настаивать на своем — а в идеологии он явный педант: служба не терпит никаких компромиссов, что бы вокруг ни происходило. Он категорически отвергает так называемую «идею преступного приказа», которая начиная с 1991 года упорно гуляет по частям и соединениям. И говорит: если только дашь слабину, не выполнишь всего одну инструкцию или приказ, который на свой страх и риск считаешь глупым или не ко времени, как тут же все начнет обваливаться — сработает принцип домино. Поскольку армия — это та же пирамида, где допускать «домино» никак невозможно.

Любопытное наблюдение: и Дикий, и остальные участвующие в нашем разговоре — а это все боевые офицеры, мундиры которых украшают наградные колодки за героические многомесячные подводные походы, — эти люди четко разделяют два понятия. Есть Родина, которой они служат. И есть Москва, с которой они в конфронтации. И говорят — это два разных государства: Россия и ее столица.

Офицеры откровенны: все, что творится в управлении Вооруженными силами, им непонятно взглядом с Камчатки. Почему Минобороны упорно не оплачивает ремонт атомного подводного флота, прекрасно зная, что своими силами произвести его на месте не только невозможно, но и категорически запрещено?

Почему безжалостно списывают 10-14-летние лодки, которым еще ходить и ходить? Зачем, в конце концов, планомерно превращать в сущее решето свой собственный ядерный щит, который создавался усилиями всего народа? Причем теперь, когда реальная угроза с моря существует: прежде всего, она состоит в постоянном присутствии рядом с российской территорией большого числа китайских атомных подводных лодок?!

В путешествии по «Вилючинску» меня сопровождает не только Дикий, но и самый главный тут человек — вице-адмирал Камчатки Валерий Дорогин (*недавно он расстался с военной карьерой и стал депутатом Государственной Думы.* — Прим. авт.). Дорогин — командующий группировкой сил и войск на северо-востоке страны.

Свои вопросы, ничуть не стесняясь старшего по званию вице-адмирала, офицеры задают прямо в его присутствии. Не чувствуется никакой иерархической давленности или особого барьера чиновничества, присущего военной среде.

Во многом это так потому, что Дорогин — плоть от плоти Рыбачьего. Скрывать друг от друга офицерам и командующему нечего — Дорогин отслужил здесь же, в закрытом военном городке, почти 20 лет. Долгое время был, как и Дикий, командиром на атомной подводной лодке. А теперь в Рыбачьем служит его старший сын Денис Дорогин. И так же, как все, по утрам идет пешком на пирс. И так же, как все, наблюдает развал. И так же, как все, сидит без средств к существованию. И ждет, когда кто-нибудь подкормит...

Группировка сил и войск на северо-востоке, куда, помимо Камчатки, входят Чукотка и Магаданская область, возродилась как структурное образование в связи с тотальными сокращениями в Вооруженных силах. Подобные воинские образования существовали до революции 1917 года и потом, при большевиках, в 30-е годы.

В группировке какой-то род войск, конечно, должен доминировать. На Камчатке — по месту нахождения ядерного щита, это, понятно, моряки-подводники. А потому командовать над остальными поставили вице-адмирала. Так под его началом оказались сухопутные силы и береговые войска, а также авиация и противовоздушная оборона. Сначала там были заметны недовольные, и наблюдалось брожение умов, но потом все вроде бы успокоилось. Во многом это заслуга лично Дорогина — он местная камчатская легенда.

Вице-адмирал на флоте провел 33 года. А полная военная выслуга составляет у него 48 лет — потому что только на подводных лодках он отслужил 21 год.

Впрочем, легенда о Дорогине базируется не на его боевом прошлом. Ее основа — настоящее. Живет он в Петропавловске-Камчатском, до недавних пор его заработная плата — заработная плата человека, который отвечает за военную обстановку на огромной территории и является вторым человеком после губернаторов сразу трех крупнейших областей России, — 3600 рублей. Чуть больше ста долларов...

Реально, как у нас говорят — на руки, вместе с пенсией, которую Дорогин давно заработал, у вице-адмирала набегает до 5 тысяч рублей за месяц. Для сравнения — водитель городского автобуса в Петропавловске-Камчатском получает в месяц 6 тысяч...

Живет Дорогин в служебной квартире на улице Морской. И там точно так же, как у остальных офицеров, нет горячей воды. Холодно, ветрено, неуютно.

— Ну, так купите простейший водонагреватель!

— Не на что. Получим деньги — купим.

Дороже всего остального у Дорогина — репутация. Основа жизни — аскеза. Квартира, конечно, не пустая, но никак не адмиральская. Самые ценные вещи сосредоточены в кабинете вице-адмирала. Это — морские вещички со списанных кораблей, некогда служивших на Дальнем Востоке. Главное увлечение жизни — военно-морская история.

— А как же загородный дом? Дача? Нет же в России адмиралов без адмиральских дач! Не поверю, что у вас ее нет...

— Есть, конечно, — отвечает Дорогин. — Но ох уж эта дача! Завтра поедем посмотреть. А то не поверите.

Завтра наступает, и я вижу клочок земли, где посажены картошка и огурцы, на окраине Петропавловска-Камчатского — этими овощами будет питаться адмиральская семья зимой. На кирпичиках посреди огорода стоит железный вагончик — списанная рабочая бытовка. В общем-то, позор — исходя из столичных представлений об уровне жизни военачальников.

Но Камчатка — не Москва. Тут все проще и потому добрее. Рыбаки подарили мне мешок с только что выловленной красной рыбой — кижучем. Я отдала мешок Галине, жене вице-адмирала, — мне готовить рыбу негде. При этом испытывала неудобство — думала, наверное, у жены военного начальника Камчатки такой красной рыбы видимо-невидимо, потоком домой несут!

Но случилось странное: Галина была так благодарна, что расплакалась. В ее бедной жизни красная рыба — большое богатство. И ужин Галина приготовила, и гостей сумела принять, и заготовки — соленья из рыбы сделала. К тому же удача улыбнулась! В нескольких рыбинах и вовсе оказалось «золото» — красная икра.

Галина Дорогина рассказывает, что хоть и прожили они, жены старших офицеров, тут, на Камчатке, всю жизнь, а ничего экзотически-камчатского, по сути, не видели.

— Вся жизнь прошла в сборах, походах, кратких встречах и долгих проходах, — говорит.

Галина, тем не менее, ни о чем сегодня не жалеет, в том числе и о своих фактически загубленных годах.

— Знаете, а если серьезно, то ничего, в общем-то, не изменилось для офицерских жен. Если 20 лет назад я целый день должна была стоять в очереди за десятком яиц, и мне писали номер этой очереди на ладошке, и нам тоже было голодно и холодно. То же и теперь — с одной лишь разницей, что совсем нет денег, яйца в магазине есть, но у офицеров нет денег, чтобы их купить.

Мышление ее мужа, вице-адмирала Дорогина, — идеологический конгломерат всего со всем. Сплав коммунизма с капитализмом. Наверное, по-другому и быть не может, когда человеку больше пятидесяти лет, почти всю жизнь он провел в условиях Советского Союза, был комсомольцем и коммунистом, а теперь живет в рыночных реалиях. И с этой стороны Дорогин, безусловно, — носитель прошлых взглядов, старой идеологии, ушедшей вроде бы в небытие вместе с СССР. Но, с другой стороны, вице-адмирал вполне понимает демократические устремления и почему они стали необходимы.

Но в каком из этих двух измерений и идеологических полюсов действительно располагается его душа и чувствует себя уютно? Это понять трудно. Но попробую.

Дорогин на Камчатке отвечает за все — от подводных лодок до состояния Музея боевой славы. Вот лишь один эпизод из жизни. В составе группировки — 22-я Чапаевская мотострелковая дивизия. Чапаевская — потому что эта та самая, которую в 1918 году сформировал в Поволжье сам Василий Иванович Чапаев, герой Гражданской войны. Где воевала его подруга, большевичка Анка, героиня сотен анекдотов.

После Второй мировой войны Чапаевскую дивизию перебазировали на Дальний Восток, и теперь она известна на Камчатке тем, что в 1-й ее роте имеется кровать Ильича. Действительно, солдатская кровать имени Владимира Ильича Ленина, вождя мирового пролетариата. С 1922 года Владимир Ильич — почетный красноармеец Чапаевской дивизии, и, значит, ему положено койко-место. Так с 1922 года повелось, что, куда бы дивизия ни передислоцировалась, кровать Ильича путешествовала вместе со всеми военными обозами.

И сегодня эта кровать красуется на видном месте в казарме. Аккуратно застелена, по стенам — уголок Ленина с рисунками на тему «Как Володя был хорошим учеником». На все это хозяйство заведен исторический формуляр, который хранится в секретной части Чапаевской дивизии.

Командир 1-й роты капитан Игорь Шаповал, 26 лет от роду, считает, что присутствие ленинского духа подтягивает солдат, не дает им распуститься.

— Вы серьезно?

— Да. Вот они видят аккуратно застеленную кровать, и сами стремятся к тому же.

Мне, например, смешно, но я оглядываюсь и понимаю, что в высоком идеологическом предназначении «кроватьки Ильича» точно так же, как капитан Шаповал, убежден и вице-адмирал Дорогин.

Сначала у солдат-новобранцев недоумение, а потом — уважение, — говорит Дорогин. — Когда в Москве победила демократия, кровать Ильича пытались свергнуть на Камчатке. Но нам все-таки удалось ее отстоять. Не то что у вас — памятник Дзержинскому на Лубянке.

Дорогин уверен, что ничего не надо искусственно менять — история ровно такая, как она есть, и не надо было иметь слишком много ума, чтобы снести

памятник Дзержинскому. И еще он уверен, что раз мемориальный ленинский уголок установили в Чапаевской дивизии специальным решением Совета народных комиссаров, то требуется, по крайней мере, постановление российского правительства, подписанное премьер-министром, дабы кровать отправили в утиль.

Мы говорим о том, на каком примере на Камчатке воспитывать солдат сейчас. Точка зрения нынешнего командира Чапаевской дивизии подполковника Валерия Олейникова:

На примере тех, кто воевал в Чечне и Афганистане.

Предыдущий командир 1-й «ленинской» роты как раз «чеченец» — тогда старший лейтенант Юрий Бучнев получил Героя России за бои в Грозном.

Мы продолжаем говорить о примерах дальше. Воспитание Чечней вряд ли может быть положительным... Дорогин в дискуссию не вступает — помалкивает. И, слава Богу, Дорогин — высший офицер, он служит стране, и его политические взгляды, по большому счету, никому не интересны. Поэтому Дорогин и не старается их высказывать. А вот о будущем размышляет охотно — идеология идеологией, а сокращение в войсках идет. Офицеры чувствуют себя как на пороховой бочке.

— Мы готовы, что государство в любой момент может расправиться с теми, кто верно ему служил, — считает начальник штаба дивизии Александр Шевченко. И остальные офицеры согласны с ним, и Дорогин тоже. Ни у кого из претендентов на увольнение нет приличных чину и званию гражданских специальностей и, конечно, нет жилья. Уйдут из армии — лишатся угла, потому что сейчас все живут в служебных квартирах. Игорь Шаповал — инженер по эксплуатации колесной и гусеничной военной техники. Шевченко — мастер по холодной обработке металлов. Так что после офицерства — путь им чинить тракторы. И в ларьки металлоремонта — ключи гражданам точить. Шевченко

дорожку частного предпринимательства уже протоптал — два года из трех, что учился в Москве в Артиллерийской академии, подрабатывал сторожем в цветочном подвале сутки через трое в связке с другими слушателями-офицерами.

В Москве, считают на Камчатке, в Министерстве обороны, не понимают, что офицер в принципе должен заниматься только одним своим военным делом и не размениваться на «левую» работу.

— В наших условиях втянуть человека в незаконные действия проще простого, — говорит вице-адмирал. — Мне тоже предлагали 2 тысячи долларов в конверте. Это был человек, которого прислал мой друг. Он облек взятку в приличную форму: «Тебе же нужны деньги на лечение жены». И действительно, в тот момент это было именно так. От меня требовалось, чтобы я завизировал договор на не выгодных для армии условиях о продаже списанной латуни. Не по 700 долларов за тонну, а по 450. Собственно, моя подпись была последней в ряду других военных руководителей. Я бы мог человека с конвертом просто выгнать, но я позвал прокурора. Думал, может, другим будет пример. И они не будут брать взятки.

Конечно, Дорогин — в каком-то смысле ходячая добродетель. Он, как и многие другие офицеры, служит не за деньги, а за интерес. Такие тут, на краю земли, только и остались — очень сильные духом. Всех остальных страна растеряла на той дороге, которой идет. Увы.

Насколько хватит терпения таким людям, как Дикий и Дорогин, тоже не знает никто. В том числе и они сами — флот сегодня держится на старшем и среднем поколении морских офицеров. Младших почти нет — не приезжают сюда. А если и приезжают, не могут смириться с тем, что им выпало отдавать все силы службе, а взамен ничего не получать. Тогда с кем останется флот еще через какое-то время?

— Патриотизм? — цинично улыбается молодой капитан второго ранга из Рыбачьего, офицер с подводной лодки «Омск». — Патриотизм — это то, что тоже стоит денег. И пора прекращать эту ерунду — игру в бессребренничество. На ноги становиться надо, а не болтаться по жизни, как Дикий. Он — командир, а все в дешевых кроссовках, и пьет такой же дешевый коньяк. То, что сейчас творится на флоте, — беспредел. И на это надо отвечать беспределом.

— А что это значит — отвечать беспределом?

Под «ответным беспределом» молодой офицер понимает способ выживания, когда все средства хороши. Он говорит, что все его ровесники потихоньку торгуют из-под полы чем могут. И еще в зависимости от того, у кого какие личные связи.

— Мне, например, — говорит он гордо, — рыбу и икру уже приносят домой. А еще два года назад я ее на ворованный спирт менял, и меня за это не уважали...

— Материальное обеспечение становится для молодых офицеров главным в нашей службе, — грустит вице-адмирал Дорогин. По его мнению, мысли об «ответном беспределе» для любого, состоящего на военной службе, так же смертельны, как обсуждение приказа командира.

Часть 3.

Бабушки и «новые русские»

Две бабушки — Мария Васильевна Савина, бывшая передовая доярка, и Зинаида Васильевна Феношина, такая же передовая в прошлом телятница, стояли посреди леса, гневно трясли задранными вверх палками в адрес всюю рыкающего бульдозера и кричали на всю округу что есть мочи:

— Вон отсюда, вон! Да сколько же это будет продолжаться!

Из-за старинных деревьев объявились хмурые охранники, встали кругом — мол, уходите по-хорошему, ведь можем и стрельбу начать, — и Николай Лаврентьевич Абрамов, ветеринар на пенсии, а теперь сельский староста, заваривший всю эту кашу, развел руками:

— Это чтобы нас же с нашей земли... Ничего не остается — будем стоять насмерть.

Арена боевых действий — окраина поселка Первомайское Наро-Фоминского района Московской области. Эпицентр событий — охраняемая государством территория бывшей усадьбы помещиков Бергов, возведенной в 1904 году, а сейчас — памятника природы и культуры.

Немного успокоившись, старики грустно качают головами:

— Вот в «зеленые» на старости лет записались. А куда деваться? Только мы сами можем отвоевать свой парк у этой нечисти. Больше никому.

«Нечистью» они называют «новых русских», нанявших безжалостных рабочих-варваров для возведения 34 домов прямо там, где почти сто лет стоял старинный берговский лесопарк. Мария Васильевна и Зинаида Васильевна — члены специальной экологической группы, созданной сельским сходом Первомайского для организации активной защиты от губителей окружающей среды.

Мало обращая внимания на «зеленых» активистов, среди ценнейших вековых деревьев продолжают с ревом рулить грузовики и рычать тракторы. Час — и вот уже и просека прорублена. Тут будет центральный «проспект» будущего коттеджного поселка. Повсюду валяются трубы, арматура, бетонные плиты. Строительные работы — в самом разгаре, и, действительно, ведутся они самым жестоким для природы образом. Уже пошло под нож 130 кубометров элитных пород леса. Куда ни глянь, кедры и ели с зарубками — это значит, они

приготовлены «на убой». Техника нагло курочит окружающую среду, выворачивает с глубины пласты глины, безжалостно упрятавая вглубь десятилетиями складывающуюся экосистему подлеска.

— Вы слышали о веймутовой сосне? — спрашивает Татьяна Дуденус, глава экологической группы, научный сотрудник одного из подмосковных медицинских институтов. — На территории нашего реликтового лесопарка росло пять ее экземпляров, и они были единственными на все Подмосковье — помещики Берги увлекались разведением редких сортов деревьев. Сейчас спилены уже три таких веймутовых сосны — просто потому, что именно там, где они росли, застройщики захотели проложить улицу нового поселка!.. В опасности и другие ценные виды — сибирская пихта и лиственница, белый тополь, западная туя (единственный экземпляр в Московской области)... Только за три дня мы лишились почти 60 деревьев. Ладно бы уничтожали не лучшие экземпляры или болеющие! Но принцип у них иной — наметили построить дорогу там, где удобно, — все вырубали. Решили возводить коттедж там, где хочется, — сделали поляну. Невзирая на ценность уничтожаемых деревьев. При этом все, что здесь растет, — это леса так называемой первой группы. Трогать их запрещено законом. Чтобы добиться права на вырубку, необходимо доказать «исключительность обстоятельств» и подкрепить их заключением государственной экологической экспертизы. А дальше по каждому такому гектару должно существовать специальное решение федерального правительства.

Когда решалась судьба лесопарка Берга, ничего этого сделано не было. И сельские «зеленые» подали иски в Наро-Фоминский суд — чтобы найти управу на наглых нуворишей и чтобы еще до начала разбирательства судья Елена Голубева, получившая вести это дело, хотя бы приостановила строительные работы. Иначе, зачем потом — после вырубки — положительное решение?

Однако сейчас в России — время олигархов. Все ветви власти понимают только язык их шуршащих денежных знаков. Судья даже и не подумала остановить

строительные работы в Первомайском, а потом, когда они начались, намеренно не назначала заседания...

Все ценное и вырубил...

...Из толпы охранников выделяется Валерий Кулаковский. Он — заместитель руководителя предприятия «Промжилстрой». Это предприятие еще называет себя кооперативом индивидуальных застройщиков. Кулаковский советует не связываться — говорит, что тут задействованы интересы весьма влиятельных людей из Москвы — они тут будут жить. Что быстро подтверждается — как оказалось, «кооператив» сумел получить берговские гектары (по закону — «национальное достояние») в собственность! И это совершенно не соответствует действующему законодательству.

Впрочем, на пламенные речи экологов Кулаковский лишь разводит руками, пытаясь объяснить и свою позицию:

— Мы очень устали от постоянных митингов жителей поселка. Но что мне теперь прикажете делать, если я уже столько денег сюда вбухал, землю купил, строюсь... Кто мне все вернет?

Кулаковский говорит: они тоже отступать не собираются.

И не отступили. Берговский лесопарк существовать перестал. Победил тот, у кого больше прав. Кулак — основа нынешней российской власти. Ее опора — олигархи. Остальные — пыль под ногами. Или — под гусеницами тракторов... Вырубка лучших лесов в пользу олигархов и их компаний идет по всей стране. Под то, что хотят олигархи, принимаются правительственные постановления, нарушаются законы, произносят речи лучшие адвокаты страны.

Незадолго до того, когда «зеленые» бабушки держали отчаянную оборону вокруг своего старинного лесопарка, в Верховном суде России в Москве

принципиально решался все тот же вопрос — правда, во всероссийском масштабе. Там рассматривалось так называемое «лесное дело».

— Помните об интересах собственников — земля ими уже освоена, дома построены! А вы хотите все вернуть обратно... — говорил в Верховном суде, почти точно повторяя главную идею Кулаковского, адвокат.

Позиция экологов-юристов Ольги Алексеевой и Веры Мищенко, которые защищали интересы всего общества против капризов «новых русских», была иная:

— Право на жизнь и собственное национальное достояние — у ВСЕХ граждан страны. И чье-то личное право на собственность с этим несоизмеримо! Если мы — граждане России, то обязаны сегодня заботиться о том, чтобы следующим поколениям досталось, по крайней мере, не меньше, чем нынешним. Да и можно ли вообще всерьез размышлять о правах на собственность, полученную незаконным путем?..

Суть «лесного» дела такова: российские экологи, ведомые инициатором судебного процесса — столичным Институтом эколого-правовых проблем «Экоюрис», потребовали отмены 22 распоряжений кабинета министров, в соответствии с которыми происходил так называемый «перевод лесов первой группы в нелесные земли», а попросту вырубка более 34 тысяч гектаров элитных лесов нашей страны.

Лесной фонд России делится на три группы. К первой отнесены особо значимые леса, как для людей, так и для всей природы — сверхценные породы, места обитания редких птиц и зверей, заповедники и парки, городские и пригородные «зеленые зоны». Поэтому, согласно Лесному кодексу РФ, первая группа признана национальным достоянием страны (берговский парк — из этого ряда).

Формальный инициатор аферы с «переводом» и последующей вырубкой — как ни странно, Федеральная служба лесного хозяйства РФ (Рослесхоз). Именно он имеет право подавать премьеру на подпись документы об изменении правового статуса лесов. Так вот, в тех 22 оспариваемых экологами распоряжениях отсутствовала положенная в подобных случаях государственная экологическая экспертиза, в результате чего национальное достояние стало заложником сиюминутных интересов — на месте порубок выстроены автозаправочные станции, гаражи, промбазы, мелкооптовые рынки, полигоны бытовых отходов и, конечно, коттеджные поселки.

Экологи считают, что последний вариант — даже лучший из всех возможных. Однако только в том случае, если люди стремятся быть бережными к великолепному лесу, окружающему их дома, а не рубят их под корень ради удобства прокладки канализации...

Пока длилось «лесное» дело и судьи никуда не спешили, еще почти 950 гектаров элитных лесов были «приговорены» к ликвидации — в соответствии с новыми распоряжениями председателя правительства. Самые большие потери понесли Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа, где деревья уничтожали для удобства нефтегазовых компаний. Среди пострадавших — и Московская область. То, что происходило в Наро-Фоминском районе — прямой итог намеренной судебной волокиты.

Пока «контора писала» и никто не брал на себя смелость поставить законную точку, борьба за леса приобрела жестокие формы. В Первомайском, например, пролилась кровь. Когда экологическая группа по просьбе прокуратуры отправилась снимать на видеокамеру результаты варварской деятельности строителей, к месту событий были стянуты усиленные наряды милиции. Началась драка, камера была разбита, экологов побили... А ведь они — старики...

— Мы, конечно, не хотим воевать. Но нам некуда деваться, — объясняет случившееся сельский староста Первомайского Николай Абрамов. — Усадьба —

последнее место в поселке, куда мы могли ходить гулять. Здесь обычно — и старики, и мамы с колясками. На территории находятся школа на 300 учеников и детский садик. Ведь все остальное вокруг уже застроено коттеджами новых русских.

Старики-экологи понимают, что воюют, прежде всего, с большими деньгами — такими, каких сами никогда не видели. Зато слышали — от собственного главы администрации Первомайского сельского округа Александра Захарова. На сельском сходе он прямо так и заявил людям, что слишком большие деньги задействованы, чтобы была возможность отступить. Вот что написал глава Экологического союза Московской области Игорь Куликов областному прокурору Михаилу Авдюкову: «Глава администрации публично заявил членам экологической группы, избранной сходом, что их адреса и фамилии он передал мафии, которая с ними расправится, если они не прекратят свою общественную деятельность».

Александр Захаров — без сомнения, одна из центральных фигур в этой некрасивой истории. Будь он тверд — ни один дачник не вступил бы на территорию берговской усадьбы. Ведь под документами, в конечном счете позволившими вырубку лесопарка в Первомайском вопреки и закону, и решению сельского схода, стоит именно его подпись.

Схема тут известная: сначала наверх, в Москву, идут бумаги с просьбой «перевести лесные земли в нелесные в лесах первой группы», потом, через некоторое время, они оформляются в распоряжение, ожидающее подписи премьера. Ну а позже конкретную вырубку во исполнение распоряжения главы кабинета министров уже позволяют местное лесничество и глава сельской администрации. То бишь — Захаров.

Законы у нас в России, в общем-то, хорошие — но вот жить по ним желающих немного. И поэтому берговский лесопарк свое вековое существование

прекратил. Скромная сельская экологическая группа не добилась ничего, и единственное, что теперь может: это водить хороводы вокруг пеньков.

«Норд-Ост». Новейшая история уничтожения

8 февраля 2003 года. Москва, 1-я Дубровская улица – известная теперь всему миру просто как Дубровка. В театральном здании, изображения которого только за три месяца до этого обошли все газеты, журналы и телеканалы мира, – бурный праздничный аншлаг. Фраки, вечерние платья, в сборе весь политический бомонд, охи, вздохи, поцелуи, объятия, члены правительства, депутаты, лидеры парламентских фракций и партий, роскошный фуршет...

Отмечают окончательную победу над «международным терроризмом» в нашей отдельно взятой столице – пропутинские политики уверяют, что победой является реанимация мюзикла «Норд-Ост» на террористических руинах. А 8 февраля - первое его представление после того, как 23 октября 2002 года, во время очередного вечернего спектакля, никем не охраняемое здание вместе с артистами и зрителями захватили и удерживали 57 часов несколько десятков террористов, прибывших из Чечни, чтобы таким образом принудить президента Путина к остановке второй чеченской войны и выводу войск из республики.

Не принудили. Никто ничего не вывел. Война как продолжалась, так и продолжается – без перерывов на сомнения в правильности ее методов. Изменилось только одно: ранним утром 26 октября произошла газовая атака против всех находившихся в здании людей (около восьмисот человек); и террористов, и заложников, применили засекреченный военный газ, тип которого, а значит, и свойства – теперь это уже точно известно - выбирал лично президент, и за газовой атакой последовал штурм силами специальных антитеррористических подразделений, в ходе которого все без исключения захватчики были ликвидированы вместе с еще почти двумя сотнями заложников, многие умерли без всякой медицинской помощи (тип газа засекретили даже от врачей, которые

должны были спасать), но уже 26-го к вечеру президент не моргнув глазом объявил, что это победа России над «силами международного терроризма»...

...8 февраля на празднике о многочисленных жертвах этого «спасения»-уничтожения почти не вспоминали – в обществе уже очень заметно опрошение нравов, насаждаемое нынешним президентом. Просто гремела типичная модная московская тусовка, когда многие, казалось, вскоре забыли, по какому поводу поднимают бокалы. Пели, плясали, ели, было много пьяных и говорили большие глупости, тем более циничные, что дело происходило прямо на братской могиле, даром что реконструированной ударными темпами. Все члены семей погибших в «Норд-Осте» заложников прийти на праздник категорически отказались, посчитав это кощунством. Президент тоже быть не смог, но прислал поздравительный адрес.

С чем поздравил? С тем, что никто нас не сломит. Адрес был выдержан в типичной советской риторике и сталинских подходах: людей, конечно, жалко, но интересы общества выше... Продюсеры горячо поблагодарили президента за понимание их коммерческих проблем и признались, что «зрители не пожалеют», если придут - мюзикл получил «новое творческое дыхание»...

Дальше – об обратной стороне этой медали. О тех, жизнями которых президент упрочил свое членство в международной антитеррористической коалиции, еще раз самоутвердившись. О том, как живут те, чью жизнь «Норд-Ост» не вдохновил, а, напротив, раскрошил и разломил. На «до» и «после». А также о тех, чью жизнь, единственную и неповторимую, он сломал навсегда. О жертвах, о которых наша нынешняя государственная машина старается забыть как можно скорее, и нас к этому всеми силами склоняет. Об этнических чистках после теракта. **О новой государственной идеологии, смертельно опасной для человека.** Путин говорил о ней неоднократно. И в его исполнении она звучит так: за ценой мы не постоим, не ждите. Даже если цена будет очень большой.

История первая.

Пятый

Московский мальчик Ярослав Фадеев - № 1 в официальном списке погибших при штурме. Как известно, государственная версия теракта такова: те четверо из заложников, которые скончались от огнестрельных ранений, были застрелены террористами, и только террористами, а штурмовавший театр спецназ ФСБ, родной службы Путина, не ошибается, и поэтому никого из заложников не убил.

Однако от фактов никуда не деться: в голове у Ярослава пуля, но при этом он не входит в официальный список «четверых, застреленных террористами», Ярослав – пятый с пулей. В графе «причина смерти» в официальной справке о случившемся, выданной его маме Ирине для похорон, – прочерк. Просто пустое место.

...18 ноября 2002 года Ярославу, десятикласснику московской школы, исполнилось бы шестнадцать лет. Ожидался большой семейный праздник и подарки – как у всех. Однако, стоя над гробом теперь уже навсегда пятнадцатилетнего мальчика и прощаясь, его дедушка, – московский врач, сказал: «Ну что, так и не побрились мы с тобой ни разу?..».

...Они пошли на мюзикл вчетвером: две родные сестры, Ирина Владимировна Фадеева и Виктория Владимировна Кругликова, со своими детьми, Ярославом и Анастасией. Ира – мама Ярослава, Вика - 19-летней Насти. Ира, Вика и Настя выжили – а Ярослав, единственный Ирин сын, единственный Викин племянник и единственный Настин двоюродный брат, погиб. При обстоятельствах, юридически так и не выясненных.

После штурма и газовой атаки Ира, Вика и Настя попали в больницу – их вынесли без сознания, а вот Ярослав потерялся. Вообще. Он не значился ни в одном из списков. Какая-либо точная официальная информация отсутствовала полностью, «горячая линия», телефон которой власти объявили по телевизору и

радио, не функционировала, родственники заложников метались по Москве. Вместе со всеми были и друзья этой семьи, они прочесывали Москву, разбив ее морги и больницы на сектора проверки...

Наконец в «холодильнике» на Хользуновом переулке они нашли труп № 5714, внешне похожий на Ярослава. Но подтвердить, что это именно он, не смогли - в кармане его пиджака хоть и лежал паспорт на имя Фадеевой Ирины Владимировны, мамы, однако на страничке «дети» значилось совсем не то, что могло доказать, что это тот, кого они ищут: «муж. Фадеев Ярослав Олегович, 18.11.1988». А год рождения настоящего Ярослава - 1986-й...

- Когда мы находились ТАМ, - объяснит позже Ира, - я, действительно, положила сыну свой паспорт в карман брюк. На всякий случай. Потому что у него с собой не было никаких документов. Я рассуждала так: ростом он очень высокий, выглядит лет на восемнадцать, и я так боялась, что если бы чеченцы вдруг стали выпускать детей и подростков, то Ярослав в их число не попал из-за роста... И тогда, прямо в зале, тихонечко, опустившись под кресла, я сама вписала в свой же паспорт данные Ярослава, изменив год его рождения так, будто он подросток...

...Сергей, друг Ирины, приехал 27 октября к ней в больницу и сказал, что труп № 5714 найден - и о паспорте в брюках, и о схожести с Ярославом. Ира все поняла и сбежала из больницы – прямо через забор, в чем была, несмотря на мороз.

Дело в том, что выжившие заложники, перевезенные после штурма в больницы, и там оказались заложниками. По приказу спецслужб им было запрещено самостоятельно и по желанию уходить домой, они не имели права звонить и общаться с родными. Сергей проник в больницу, дав взятки всем, кто попадался на пути: медсестрам, охранникам, санитаркам, милиционерам, наша тотальная коррупция открывает даже наглухо задраенные двери.

И Ира сбежала... Из больницы - прямо в морг. Там ей показали фотографию на компьютере – она опознала Ярослава. Попросила привезти тело, тщательно

ощупала его - и нашла два пулевых отверстия на голове. Входное и выходное. Оба были заделаны воском. Но какая мать, даже на ощупь, не отличит воск от тела собственного сына?.. Сергей, сопровождавший Иру, был очень удивлен тем, что выглядела она совершенно спокойной, не рыдала, не билась в истерике – рассуждала здраво и без эмоций.

- Действительно, я была очень рада, что наконец нашла его, – рассказывает Ирина. - Я же, лежа в больнице, все к тому моменту уже передумала и все варианты перебрала. И своего поведения тоже - на случай гибели сына. В морге, поняв, что это действительно Ярослав, и, значит, моя жизнь закончилась, я просто делала то, как решила заранее. Спокойно попросила всех выйти из зала, куда привезли его тело из холодильника. Сказала, что хочу побыть с сыном наедине. Я так придумала специально. Ведь перед смертью я сыну кое-что пообещала... Когда мы ТАМ сидели, он мне сказал в конце последних суток, ночью, за несколько часов до газа: «Мам, я, наверное, не выдержу, уже сил нет... Мам, если что случится, как все ЭТО будет?». А я ему ответила: «Не бойся ничего. Мы и здесь вместе всегда были, и там будем вместе...». А он мне: «Мам, а как я тебя там узнаю?». И я ему: «Так я же тебя за руку держу все время, вот и попадем туда вместе, держась за руки. Не потеряемся. Ты только не разжимай руку, держи меня крепко...». И что же в итоге получилось? Что я его обманула! А ведь мы никогда в жизни не разлучались. Никогда. Я поэтому и была так спокойна: и здесь, живые, были вдвоем, и там, мертвые, окажемся вдвоем... И вот когда я осталась с ним одна в морге, я ему сказала: «Ну вот, не волнуйся, я тебя нашла, и я к тебе сейчас успею». Никогда такого не было, чтобы мы в жизни разлучались, и я ему врала. Всегда и везде вместе. Вот почему я была так спокойна тогда... Я вышла через боковую дверь, чтобы не встретиться с друзьями, которые меня ждали, и попросила служителей выпустить через черный ход. Оказавшись на улице, поймала попутную машину, доехала до ближайшего моста через Москва-реку и прыгнула с него в воду. Но... Даже не утонула. Там были льдины - а я попала мимо льдин. Плавать не умею – а вода держит. Понимаю, что не тону, и думаю: «Ну, хоть бы ногу свело судорогой», - но и этого не произошло. И люди, как назло, подоспели и

вытащили... Спросили: «Откуда ты? Что ты тут плаваешь?». А я им говорю: «Я из морга. Но не сдавайте меня никуда». Дала телефон, по которому позвонить, и за мной приехал Сергей... Я, конечно, держусь изо всех сил, но я мертвая. Я не знаю, как он там без меня.

...Очнувшись 26-го, после штурма, уже в больнице, Ира поняла, что лежит под одеялом абсолютно голая. Все остальные заложницы рядом - в своей одежде, а она – нет, только иконка зажата в руке. Когда смогла говорить, то стала просить у медсестер вернуть ей хоть что-то из ее одежды, но те объяснили: все, в чем ее привезли из «Норд-Оста», по приказу сотрудников спецслужб уничтожено, так как было залито кровью.

Но почему?.. И чья это кровь? И откуда она, если официально там был только газ? А отключилась Ира, сжимая сына в объятиях?.. И значит, тот, чья кровь, был расстрелян так, что кровь не могла не хлынуть на нее... Значит, это кровь Ярослава!

- Эта последняя ночь сначала была беспокойная, - вспоминает Ира. – Террористы нервничали. Но потом «Моцарт» (так мы его звали) - Мовсар Бараев, их главный, объявил, что до 11 утра сидите спокойно, появилась надежда. Чеченцы стали разбрасывать соки. Они их нам кидали. Не разрешали вставать с места, а если кому что-то требовалось, следовало поднять руку. И тогда тебе кидали сок или воду. Когда начался штурм, и мы увидели, как террористы забегали по сцене, я сказала сестре: «Прикрой Настю курткой», - а сама крепко обняла Ярослава. Я, в общем-то, не поняла, что пошел газ, - я просто увидела, как террористы занервничали. Ярослав был выше меня, и поэтому получилось, что это он как бы меня накрыл собою, когда я его обняла... Потом отключилась... А уже в морге увидела: входное отверстие – именно с внешней от меня стороны. Выходит, я им закрылась. Пуля прошла через него и не попала в меня. Он спас меня... Хотя это я только и делала все 57 часов в заложниках, как мечтала его спасти.

Но чья была пуля?.. Террористов? Или «своя»?.. Проводилась ли баллистическая экспертиза? Каковы ее результаты?.. И брали ли кровь с одежды на биохимический анализ с целью установить, чья она?

Никому в семье так и не известны ответы на эти вопросы. Все материалы по делу строго засекречены. Даже от матери. В морге, в книге учета, хоть и было вписано, что причина смерти – «огнестрельное ранение», но запись была сделана карандашом. Позже и эту книгу засекретили, и теперь никто не знает, стерли карандашную запись или оставили... «Стерли, конечно», - уверена семья.

- Сначала я думала на одну из чеченок. Пока мы ТАМ сидели, - рассказывает Ира, - она была все время рядом с нами. Она видела, что я, чуть опасность, шум, крики - хватаю сына и крепко держу его. Я сама виновата, что привлекла ее внимание, и она зацепила нас взглядом. Все время за нами следила, как мне казалось. А однажды встала рядом и сказала мне, пристально смотря на Ярослава: «А вот мой остался там». То есть в Чечне. После этого ничего плохого с нами не произошло, но мне все время казалось, что отовсюду она следит за нами. Так что, может, она и выстрелила в Ярослава?.. Я и сейчас спать не могу: вижу ее глаза перед собой – узкую полоску лица.

...Позже друзья объяснят Ире: нет, это не так, входное отверстие на теле Ярослава, если судить по его размеру, - не от пистолета. А у чеченок ведь были только пистолеты.

И значит, вопрос тот же: все-таки, чья пуля? Кто ее выпустил?..

- Выходит, «наши», – говорит Ира. - Конечно, у нас были очень неудобные места... С точки зрения положения заложников – прямо у дверей. Нам не повезло... Кто входил, сразу же тут наш 11-й ряд. Когда в зал ворвались террористы, они первыми делом увидели именно нас. Но и когда «наши» появились, мы опять были первыми на дороге.

Впрочем, Ира может анализировать, что и как было, сколько ей угодно. Ее точка зрения и догадки власти не волнуют. Государственная установка: четверо «огнестрелов», и ни одним больше. Ярослав – пятый, значит, вне официальной линии. Поэтому в свидетельстве о смерти Ярослава – трусливая пустота на том месте, где должна быть указана «причина смерти». Собственно, Ярослав даже официально и не признан потерпевшим по уголовному делу № 229133 – это номер так называемого «дела «Норд-Оста», которое расследует следственная бригада Московской городской прокуратуры. Будто он и не был заложником...

- Меня убивает, что Ярослав жил, а теперь власти делают вид, что такого человека вовсе не было... – считает Ира.

Более того: как только Ира поделилась с некоторыми журналистами своими догадками, сомнениями и вопросами, ее тут же вызвали в прокуратуру, где ведут дело «Норд-Оста». Следователь был зол и начал с места в карьер: «Вы что это скандал устраиваете? Вы что, не знаете, что он НЕ МОЖЕТ быть с пулей?».

А дальше – хорошенько припугнул несчастную мать, и без того находящуюся в тяжелейшем моральном состоянии. «Или вы пишете сейчас заявление, что ничего журналистам не говорили и это они сами все придумали, и тогда мы привлекаем их к уголовной ответственности за клевету на спецслужбы – или мы разроем могилу вашего сына без вашего разрешения и проведем эксгумацию!»

Ира на подлый шантаж не поддалась – заявления не написала. Попрошталась после четырехчасовой (!) «обработки» в прокуратуре и поехала напрямик на кладбище. Сторожить. Был поздний ноябрь – в Москве это самая настоящая зима. Ира пролежала на могиле, охраняя ее, несколько часов – думая, что вот-вот пожалуют мародеры из прокуратуры и потревожат покой Ярослава... И опять ее спасли от смерти друзья, стали искать по городу, когда ночью она не вернулась домой, – проверили, среди прочего, может, на могиле она...

...Ира верит: самое главное теперь, чтобы Ярослав услышал их и понял, как семья его ценит, и хотя жизнь у него не получилась и его настигла такая страшная смерть, он должен знать, что семья понимает, до какой степени мужественно он вел себя в последние часы, каким взрослым оказался, несмотря на неполные шестнадцать лет. Ведь мальчик слыл скромным и домашним, закончил музыкальную школу, пока другие ходили с пивом по улицам и тренировались в сквернословии... И очень страдал от этого - хотел быть «крутым», в понимании подростка, конечно, то есть решительным, смелым, стойким...

У него была одна важная тетрадка – дневник, из тех, что есть в его возрасте почти у каждого из нас, и там он отвечал на некоторые главные для себя вопросы. Ира прочитала тетрадку уже после «Норд-Оста». Например, такое: какие черты характера в себе тебе нравятся, а какие – нет? Ярослав написал: «Ненавижу, что я такой трус, стеснительный и нерешительный». Так вот, перед смертью все изменилось. «А чтобы ты хотел в себе воспитать?» - следующий вопрос. Ответ Ярослава: «Я хотел бы быть крутым». У него были в школе друзья, но это те ребята, которые в школе не считаются крутыми и девочкам не нравятся. Дома он себя еще мог проявить, был с юмором, смелый, решительный. А как на улицу – начинались проблемы.

- Но, видите, как себя проявил... Самым лучшим образом, – Говорит Ира.

Все обычно внутри человека. Человек часто просто не знает, как проявить себя, и нужно найти то место, где приложить свои силы, продемонстрировать их. А внутри про себя человек все знает... И Ярослав, конечно, знал... Ира теперь это понимает, но ей очень мешает недосказанность – что при жизни она, хоть и мать, но недосказала сыну, как восхищена им...

- Меня, например, считают сильным человеком, - рассказывает Вика, тетя Ярослава, тоже заложница. – Но ТАМ я очень растерялась. Мы, три женщины, оказались рядом с ним, самым младшим из нас, но именно он нас поддерживал, как совершенно взрослый мужчина, - а не мы его, ребенка. У дочки моей нервы совсем

сдали, она была сломлена и кричала: «Мама, я жить хочу, мама, я не хочу умирать...». А он был спокоен и мужествен, Настю успокаивал, нас поддерживал, пытался брать все на себя – как положено мужчине... Был, например, такой случай: одна из чеченок увидела, что мы детей между собой посадили, пытаемся сохранить... На случай штурма: если штурм начнется, думали с Ирой - их собой накроем. Чеченка тогда встала между нами, свою руку с гранатой положив прямо на Настино бедро. Я говорю: «Может, вы отойдете?», а она на Настю смотрит и произносит следующее: «Не бойся, раз я рядом стою, вам не больно будет, вы сразу умрете, а вот кто дальше сидит, тому будет больно...». Потом чеченка ушла, а Настя мне говорит: «Мам, пусть она останется с нами, попроси, она же сказала, что нам будет не больно». Настя была сломлена. Я-то понимала, что если чеченка стоит рядом, шанса вообще никакого, а без нее - хоть какой-то. Но если бы нужно было бы все повторить – еще столько же в страхе просидеть, чтобы всем остаться живыми, - просидели бы. В этой обстановке Ярослав сохранял спокойствие и разум. Это меня очень удивляло – он у нас считался маленьким в семье, ребенком... Еще был случай: нас террористы пугали, что если никто не придет на переговоры, то начнут расстреливать, и в первую очередь работников милиции и военнослужащих. Естественно, многие тогда повыбрасывали на пол военные билеты, но террористы их поднимали и со сцены выкрикивали фамилии. И вот звучит: «Виктория Владимировна, 1960-го года рождения...». Это я. У меня только фамилия другая – они выкликали не мою. Ситуация была очень плохая, никто не отозвался, террористы стали искать по рядам, нашли меня. Ира говорит: «Мы пойдем вместе», - террористы требовали, чтобы сотрудники правоохранительных органов уходили с ними, и все думали, что на расстрел. Я Ире ответила, что кто-то из нас должен выжить - родители останутся совсем одни, ведь вся семья тут... Потом террористы нашли ту Викторию Владимировну, которую искали, но пока все было неясно, Ярослав пересел ко мне, взял за руку и говорит: «Тетя Вика, вы не бойтесь, если что, с вами пойду я, и простите меня за все, простите...». А я ему: «Да ты что... Все будет хорошо». Он закрыл меня и продолжал: «Тетя Вика, и не думайте, я до конца останусь с вами». Вел себя, как взрослый мужчина. Даже не знаю, откуда в нем такой дух взялся. Мы его маленьким считали...

Большую часть времени Ярослав-заложник молчал, и внешне был спокоен.

- А сердце у него колотилось очень сильно! – вспоминает Ира. - Мимо проходил врач – среди заложников были врачи, и им разрешали помогать нам, я его попросила что-нибудь от сильного сердцебиения. Ему дали таблетку, и вскоре все нормализовалось. Когда же штурм был уже близко, я ему таблетку глицина положила под язык – нашла в сумочке. Я еще потом много думала, что этой таблеткой он подавился и задохнулся.

- Ира, ты дала ему глицин часа за три до штурма... – мягко парирует Вика.

А Сергей вздыхает:

- Да у них ТАМ не было чувства времени...

Вика подхватывает:

- Страшно было, очень страшно. Они нам давали слушать по радио, что о нас говорят... Так мы поняли, что президент молчит, а Жириновский заявил, что нечего на этот теракт время в Думе тратить – обсуждать не надо, потому что все надувательство и в здании – не взрывчатка, а сахарный песок... А террористы нам: «Вот что о вас говорят... Ну, мы вам сейчас покажем, какой тут у нас сахарный песок...». Страшно было.

Когда первые сутки прожили, казалось, что мы можем и неделю здесь просидеть, только чтоб живыми остаться – и власти что-то придумали без штурма. Трудно нам было - сложно сохранять спокойствие... Но Ярослав выдержал - вел себя, как настоящий мужчина.

...Ирина жизнь сейчас полностью изменилась. Она не работает, уволилась по собственному желанию - не может каждый день ходить туда, где была раньше, при Ярославе. Потому что и на работе все – Ярослав. Там очень хороший коллектив,

все знали обо всех многое, и они, например, вместе справляли каждый сданный Ярославом экзамен, каждую полученную пятерку...

- Там все знали, что моя настоящая жизнь – это Ярослав. Моя жизнь была настолько им заполнена, что меня если и воспринимали, то только через него. – Ира, конечно, плачет. - Да и сама я себя так воспринимала. Только через него.

Сейчас она не может ходить и по Москве - все улочки тут исхожены вместе с сыном, и куда ни повернешь, везде воспоминания о нем.

- Еду по Арбату, и лучше бы провалиться... Там стояла с Ярославом, здесь ходили в кино, сидели после в кафе... Я теперь боюсь из дома выходить... Боюсь куда-то попасть, где мы были - а мы были с ним везде. Вернее, нет места в Москве, где я бы была не с ним. Мы часто ездили просто так: я подхватываю его на машине после работы, и мы просто включим музыку и едем по городу. Часто заходили в один магазинчик, что-то вкусненькое купить... Когда был день его шестнадцатилетия – без него уже, я заехала в этот магазинчик, - чтобы он знал, что я ему продолжаю покупать то, что он любит... Вот – билеты. На ночной поезд в Питер. В ночь на пятницу, с 25 на 26 октября, как раз когда он погиб, мы должны были ехать в Питер на теннисный турнир. Вдвоем. Я давно хотела с ним на поезде куда-то съездить, потому что у меня все время было чувство, что мы мало разговариваем. А в поезде, где мы только вдвоем, наговорились бы... Не получилось.

- А почему вы говорите, что не могли наговориться?

- Не знаю. Странное чувство: хоть и много говорили, все равно казалось именно так. Мне хотелось говорить и говорить с ним. Каждые каникулы куда-то ездили, и только вместе. В последнее время мне иногда казалось, что его тяготит моя любовь, он мне этого, конечно, не говорил, а с бабушкой, моей мамой, как-то поделился. Ему уже становилось многовато меня. А я теперь еду по Москве и вижу рекламный плакат у дороги: «Мама, я так тебя люблю». И мне эта реклама прямо в

глаза бьет... Я очень стараюсь жить, потому что у меня родители есть, и они очень тяжело переживают – они Ярослава растили. Но я не могу выжить... Я держусь из всех сил, но пока мертвая.

Ей все вокруг пытаются помочь, поддержать – она не обделена вниманием близких, но все равно очень тяжело. И даже священник, к которому она пошла облегчить душу, услышав все, не выдержал – отказался продолжать разговор: «Простите, но слишком тяжело».

- Я пошла спросить совета у священника, как же мне быть? Ведь это я Ярослава выгнала на «Норд-Ост» - моя была инициатива, он сам не очень хотел, – говорит Ира, на фотографиях до теракта – красивая, уверенная в себе, пышущая счастьем и, похоже, склонная к полноте очень молодая женщина, теперь – осунувшаяся, худенькая, с отчаянием в потухших глазах, далеко не юная, растерянная, всегда в черном пальто, черном берете, черных туфлях и колготках, вечно продрогшая, и потому никогда не снимающая в комнате пальто.

- Мы с Ярославом очень много ходили в театр. В этот вечер у нас были билеты на совсем другой спектакль в другом театре, – продолжает Ира. – Мы уже оделись, Вика с Настей зашли за нами, и тут, стоя в прихожей, мы поняли, что билеты просрочены – мы не проверили заранее, а они были на вчерашний день. Ярослав обрадовался – он хотел остаться дома, а я настояла: «Давайте пойдем на «Норд-Ост», рядышком!» - мы живем по соседству с Дубровкой. Вот так, потащила - а потом не закрыла собой... Он меня закрыл... А я ведь в школу даже ходила - защищать его друзей от хулиганов, когда кого-то обижали, – а его самого в последний миг не спасла. Страшно, когда для своего сына не можешь сделать главного. ТАМ я очень отчетливо поняла, что даже если встану и скажу: «Убейте меня вместо него», и меня даже убьют, это бы не означало, что его оставят в живых. Знаете, какой это ужас? Последнее, что он мне сказал: «Мам, я так хочу тебя запомнить, если что-то случится...». Посмотрел на меня внимательно и попрощался.

- Вы ТАМ постоянно такие разговоры вели?

- Нет. Но почему-то случилось так, что это и был наш последний разговор. Знаете, пока у меня был Ярослав, я вставала по утрам самой счастливой женщиной на свете. И засыпала с тем же чувством. Мне казалось даже: все вокруг завидуют, что у меня такой замечательный сын. У всех людей много проблем в жизни, и у меня, конечно, тоже. Но он закрывал все мои проблемы. Я думаю теперь, что нельзя было быть такой счастливой. Пятнадцать лет его жизни я была самой счастливой. Наверное, так я думаю теперь: эти пятнадцать лет его жизни, по интенсивности наших чувств – были предназначены на всю жизнь, а я их сразу спалила, подряд. Все дни с утра до вечера я была счастливой – потому что у меня есть Ярослав. Я каждый день сама себе завидовала. Иду с работы и сама понимаю, что меня прямо распирает от счастья, что он есть. Я его за руку возьму, хоть за пальчик схвачу, когда через дорогу перебегаем. А он стал взрослеть и мне говорил: «Ну, ты, мам, уж совсем». Он меня, конечно, уже начал немного стесняться – возраст был такой, но на самом деле, он меня никогда ничем не обидел. Конечно, я понимаю, каждая мама так может о своем сыне сказать, но моего ведь теперь нет... И я не знаю, что может быть страшней. И еще я не знаю, как он там без меня. Как я думала раньше? «Как мне повезло! Он родился, и я, наконец, получилась целая». И вот он погиб - и я одна: либо надо было нас обоих забирать - либо никого. Я без него еще не умею... Я такую счастливую жизнь рядом с ним прожила, и такой тяжкий конец ему устроила. И к шестнадцатилетию подарила ему могильную оградку.

Как же она плачет...

- Но это же не вы подарили...

- Война это... Война идет, – все повторяет и повторяет Вика. – Вот и по нам прошла...

И я понимаю, что это, конечно, очень частная жизнь передо мной – личная жизнь двоих - но перед смертью переходящая в общественную. Таковы обстоятельства в России: президент неумолим и ведет войну.

История вторая.

№ 2551 - «неизвестный»

Перед тем как рассказать эту историю – необходимая преамбула. Она – и о том, какая жизнь в стране после «Норд-Оста», и о состоянии российской судебной системы при Путине.

Дело в том, что суд никогда не был у нас особенно уж независимым, как это можно было бы ожидать, исходя из нашей Конституции. Однако именно теперь судебная система бодро мутирует в разряд абсолютно зависимой от исполнительной власти, достигая апогея своей «позвоночности». Таким словом у нас называют явление, когда судьи выносят решения «по звонкам» - в зависимости от того, какое решение продиктовали им по телефону представители исполнительной власти. «Позвоночность» - явление обыденное в России. А неожиданная независимость какого-то судьи-одиночки массовым сознанием причисляется к подвигу.

Жертвы «Норд-Оста», как их у нас теперь называют – то есть семьи, потерявшие при штурме родных, а также сами заложники, ставшие инвалидами в результате газовой атаки 26 октября – стали обращаться с судебными исками к государству о возмещении нанесенного им морального вреда, называя ответчиком московское правительство. Жертвы заявили, что они уверены: чиновники московского правительства, не желая ссориться с Путиным и ФСБ, просто-напросто не организовали оказание своевременной квалифицированной помощи пострадавшим, и их ответственность усугубляется еще и тем, что столичный мэр Юрий Лужков, глава исполнительной власти города, был одним из тех немногих персон, кто непосредственно склонял президента к принятию решения о применении химического оружия против граждан.

Первые иски поступили в Тверской межмуниципальный суд Москвы (районный, самый низший судебный уровень) в ноябре 2002 года. К моменту начала рассмотрения первых трех исков по существу – 17 января 2003 года, федеральной судьей Мариной Горбачевой, их было уже 61, сумма требуемой компенсации составила рублевый эквивалент 60 миллионов долларов, а истцы заявляли, что это цена «государственной лжи», потому что прежде всего они «хотят знать правду, почему погибли их близкие», правду, которую нигде не могут добиться, так как ФСБ засекретила все, связанное с октябрьским терактом. А так как затрагивалась ФСБ – служба, которую Путин, выходец из нее, опекает и патронирует, - подготовка к судебным слушаниям проходила на фоне оголтелой пропаганды, поднятой государственными СМИ против истцов. Власти публично обвиняли их в наглом мародерстве бюджета страны, в том, что они «хотят деньги пенсионеров и детей-сирот», и в том, что пытаются нажиться на смерти своих близких. На адвоката Игоря Трунова, согласившегося защищать «норд-остовцев» (на фоне того, что ВСЕ ЗНАМЕНИТЫЕ московские адвокаты, боясь гнева Кремля, ОТКАЗАЛИСЬ), - на Трунова в прессе вылили ушаты помоев, обвинив его во всех смертных грехах.

Короче, власти отбивались от «норд-остовских» исков нагло, с напором, со всем доступным им мощным пиаром.

Будто бы не они... А их... Убили.

В результате, 23 января судья Горбачева, как и положено нашим «позвоночным» судьям, оперевшись на подчеркнуто формальный предлог (в федеральном законе «О борьбе с терроризмом» якобы разночтения и противоречия в разных его статьях: судя по одной, можно считать, что государство не обязано возмещать ущерб жертвам терактов), - Горбачева отказала первым трем истцам в их требованиях. Да не просто отказала, а сделала это так же нагло, с напором и бесовестно, как и власти, которые ее об этом попросили, превратив заседания по «норд-остовским» искам в череду недопустимых оскорблений истцов и унижений их.

Вот как это было – короткие наброски с заседания 23 января, чтобы читатель понимал, как это бывает.

- Карпов, сядьте! Я сказала: сядьте!

- Я тоже хочу высту...

Судья Горбачева на полуслове, криком, перебивает истца Сергея Карпова - отца задохнувшегося от газа Александра Карпова, известного московского певца, поэта и переводчика:

- Сядьте, Карпов! Иначе удалю! Вы прогуляли стадию исследования документов...

- Я не прогулял! Мне же просто не прислали повестку!

- А я говорю: вы прогуляли! Сядьте! Или я вас удалю!

- Я хочу подать...

- Ничего я у вас не приму!

У судьи - истеричное лицо, пустые глаза и базарные интонации, срывающиеся на короткий каркающий клекот. Одновременно с криком в сторону истца она вычищает грязь из-под своих ногтей. Смотреть на это невыносимо. Но экзекуция Сергея Карпова продолжается:

- Карпов, больше не тяните руку!

- Я прошу, наконец, разъяснить мне мои права!

- Никто вам ничего разъяснять не будет!

Давно не метенный зал судебных заседаний полон народу. Журналисты, которым запрещено пользоваться диктофонами (почему, собственно? Какие госсекреты тут?). Жертвы с растерзанными душами – с ними и заговорить-то страшно, потому что почти сразу плачут. Их родные и друзья, пришедшие поддержать, если вдруг начнутся обмороки и сердечные приступы – но дама в судейской мантии продолжает взвинчивать атмосферу до сотого градуса хамства.

- Храмцова Вэ И, Храмцова И Эф, Храмцов! Есть реплики? Нет? – Судья именно так и зовет истцов, без затей: «Вэ И», «И Эф», «Тэ И»... Будто полуграмотная.

- Есть реплики, – отзывается высокий и худой молодой мужчина.

- Храмцов! Говорите! – Дама произносит это «говорите» тоном «вот вам рубль милостыни, и заткнитесь».

Александр Храмцов, похоронивший отца - артиста оркестра мюзикла, трубача, начинает говорить, и почти сразу в его голосе слезы:

- Мой папа объездил с оркестрами и выступлениями весь мир. Представлял всюду нашу страну и город. Потеря невозполнимая. Неужели вы этого не чувствуете? Это же вы проворонили террористов, вы - Москва. Они спокойно тут разгуливали. Да, за штурм вы, конечно, не отвечали. Но почему в 13-ю больницу привезли 400 человек, а там персонала – всего 50, и они не могли успеть подойти ко всем? Они умирали, не дождавшись помощи... И папа так умер...

У дамы в мантии, восседающей в судейском кресле, - совершенно отсутствующий вид. Нет и следа, что она слушает. И даже слова о причинах смерти музыканта Федора Храмцова ее не трогают. Она лениво перекладывает бумажки с места на место, чтобы хоть чем-то убить время, ей скучно и грустно, еще – изредка смотрит в окно, охорашивается, поправляет воротничок, опять краем глаза скользит по темному стеклу, почесывает ухо, наверное, сережка чешется.

А сын продолжает. Естественно, обернувшись к троице ответчиков за боковым столом – это «представители Москвы», сотрудники юридических управлений столичного правительства. А куда еще смотреть Александру Храмцову? Не на судью же, которая разглядывает свой маникюр?..

- Почему не допустили к зданию хотя бы студентов-медиков, если врачей не хватало? Хотя бы в автобусы, на которых перевозили заложников? Они бы присматривали за «нашими» по пути в больницы... Ведь они там умирали, потому что лежали навзничь!

- Храмцов! – перебивает Горбачева нервно, перехватив взгляд истца. – Куда это вы смотрите? На меня положено смотреть!

- Хорошо... – Александр поворачивает голову обратно в направлении судейского кресла. – Они ехали и задыхались... Ехали и задыхались...

Саша плачет. Да и как это все выдержать?

За его спиной плачет мать, Валентина Храмцова, – вдова трубача. Она, вся в черном, сидит на первом ряду, сразу за трибункой для свидетелей, где стоит Саша, – Горбачева не может не видеть ее. Рядом с Валентиной – Ольга Миловидова, уткнулась лицом в платок, ее плечи вздымаются вверх двумя островерхими горбиками, но она все-таки сдерживает рыдания, только чтобы не издать ни звука – все истцы знают: судью нельзя злить, иначе она вообще может всех выгнать, и надо будет стоять несколько часов за дверью, а это очень тяжело. Ольга – беременная на седьмом месяце, в «Норд-Осте» у нее погибла старшая четырнадцатилетняя дочка Нина, она была зрительницей – Ольга сама купила девочке билет, и та пошла 23 октября на «этот проклятый спектакль», как говорит сегодня Ольга. «Почему вы нас унижаете? - вскрикивает Татьяна Карпова, мать погибшего Александра Карпова и жена Сергея. – За что?». Зоя Чернецова, мать задохнувшегося от газа московского студента Данилы Чернецова двадцати одного года от роду, подрабатывавшего в «Норд-Осте» по вечерам капельдинером, встает

и выходит прочь, и уже из-за двери слышен ее громкий отчаянный плач вперемешку со словами: «Я ждала внуков... *(юная вдова ее сына была беременна и у нее случился выкидыш на девятый день после похорон Данилы.* – Прим. авт.) А дождалась судебного процесса, где меня мордой об стол...».

Судебная культура в стране отсутствует, как платье у голого короля. Вкупе с истинной судебной властью. Ведь вот что получилось тут, с судьей Горбачевой: хорошо, тебя ангажировали те, кто считает, что это они тебя содержат, а вовсе не мы, граждане, и ты, под страхом лишения привилегий и сословных льгот (у наших судей их немало, и они, действительно, делают их быт куда более привлекательным, чем жизнь рядового гражданина с низким достатком), ничего не можешь сделать для несчастных пострадавших, как только отказать им во всех без исключения их требованиях... Хорошо, пусть так... Допустим...

Но зачем же хамить? Измываться? Оскорблять? А потому – добивать и без того добитых?.. Ведь кто такая судья Горбачева? Столь рьяно стоящая на страже московской казны? Вроде бы ответ прост: она - представитель одной из ветвей власти, которую мы и содержим на те налоги, которые платим в казну. То есть живет судья исключительно на наши деньги - это мы оплачиваем ее профессиональные услуги, а не она - наши. Так почему же никакого уважения к плательщику? И не для того же, в самом деле, мы содержим судью Горбачеву, чтобы, вместо благодарности и уважения к нам, она нас же и оскорбляет... Как ей вздумается. И когда ей вздумается...

Вы думаете, об этом писали в государственных СМИ? И говорили в подобном тоне о «норд-остовских» судах на гостелеканалах? Нет, конечно. День за днем СМИ доводили до сведения граждан: официальная поддержка властей – у судьи Горбачевой, она – права, она – на страже государственных интересов, которые превыше личных.

Такова наша новая отечественная идеология. Путинская идеология. И тут никуда не деться от правды жизни: она была впервые опробована на Чечне.

Именно тогда, при восшествии Путина на кремлевский престол, под грохот бомбардировок времен начала второй чеченской войны, - наше общество в первый раз совершило трагическую и абсолютно безнравственную, от традиционного нежелания задумываться, ошибку: оно игнорировало реальное положение дел в Чечне, то, что бомбят не лагеря террористов, а города и села, что гибнут сотни безвинных, - и вот тогда большинство находящихся в Чечне людей чувствовали (и продолжают чувствовать) свою полнейшую и кромешную безысходность. Когда, забрав с концами их детей, отцов, братьев незнамо куда и по необъявленному поводу, военная и гражданская власти говорили (и говорят) там семьям: «Утритесь. Все. Не ищите. Этого требуют высшие интересы войны с терроризмом». Говорят и бьются, когда осиротевшие матери взрываются: «Ответьте же, почему сыновей убили?».

Общество молчало три года. Почти молчало. В подавляющем большинстве снисходительно взирая на все, что именно таким образом творилось в Чечне, и цинично игнорируя мнения тех, кто предрекал нам бумеранг, поскольку власть, привыкшая себя вести таким образом в одном регионе, не захочет останавливаться и станет испытывать терпение так же и тех, кто совсем не в Чечне...

Все то же самое опять. «Норд-остовцам» (жертвам теракта и семьям погибших) фактически говорят: «Утритесь. Забудьте. Так надо. Высшие интересы выше ваших личных». То есть по отношению к жертвам власть ведет себя точно так же, как три с лишним года подряд ведет себя по отношению к мирному населению в Чечне. Быть может, несколько лучше: на 50 и 100 тысяч рублей лучше, ведь на сей раз она выдавила из себя хотя бы компенсации на похороны. Ну а в Чечне и этого-то нет.

А общество? Наш народ? В целом сострадания нет - сострадания как общественного движения и публичного, заметного порыва, который власть не смогла бы пропустить мимо ушей. Все как раз напротив: развращенное общество опять хочет себе комфорта и покоя ценою чужих жизней. И бегом несется прочь от трагедии «Норд-Оста», желая скорее поверить государственной мозгопромывочной

машине (так проще), чем сути и даже соседу, попавшему в такой ужасный переплет.

...Спустя час после выступления Саши Храмцова судья Горбачева скороговоркой прочитала решение в пользу московского правительства. Все покинули зал, в нем остались только «победители»: Юрий Булгаков, юрист департамента финансов города Москвы, Андрей Расторгуев и Марат Гафуров, советники правового управления столичного правительства.

- Что, празднуете? – сорвалось с языка.

- Нет, – вдруг грустно заговорили все трое сразу. - Мы же люди. Мы все понимаем... Это позор, что наше государство так себя ведет по отношению к ним.

- Так почему же?.. Вы?.. Не уйдете со своей позорной работы?

Промолчали. Московский вечер принял нас в свои темные руки. Одних проводив в теплые дома, наполненные смехом родных и любовью близких. Других – в гулкие квартиры, навсегда опустевшие 23 октября. Последним, сгорбившись, уходил седоголовый немолодой человек с выразительными глазами – все заседание он ни во что не вмешивался, просидел тихо, сдержанно, в углу...

- Как вас зовут? – догнала его.

- Тукай Валиевич Хазиев.

- Вы – сам заложник?

- Нет. У меня сын погиб...

- Мы можем встретиться?

Тукай Валиевич неохотно дал телефон...

- Не знаю, как жена?.. Поймите, даже лишний раз говорить на эту тему ей непросто... Ну, хорошо, позвоните через недельку, я ее подготовлю...

И это не просто слова - московская семья Хазиевых действительно прошла через настоящий отечественный ад. Она не просто похоронила 27-летнего Тимура, артиста оркестра «Норд-Оста» - сына, внука, отца, мужа, брата. Она хлебнула при этом сполна самого страшного и главного – той самой господствующей идеологии, которая и стала в итоге настоящей убийцей Тимура. Не думайте, что тут есть хоть какое-то преувеличение.

...- Ну, неужели Путину трудно было пойти хоть на какой-то компромисс с чеченцами? С террористами? – все повторяет и повторяет Тукай Валиевич, отец теперь без сына. – Кому было нужно это его «упорство»?.. Нам, например, не нужно... А мы ведь тоже граждане.

Тукай Валиевич – один, кто в этом доме на Волгоградском проспекте в Москве не плачет, говоря подобные слова. Роза Абдуловна, жена его, Таня, юная вдова Тимура, 87-летняя бабушка не могут сдерживать себя, думая о том, что теперь навсегда с ними. Вокруг взрослых, как маленькая ракета, носится светловолосая Сонечка, трехлетняя дочка Тимура, - ее третий день рождения Тимур уже не праздновал, потому что он был после «Норд-Оста».

Накрывают на стол, Сонечка влезает на стул с ногами – по-другому ей не достать, - берет самую большую чашку и... «Это папе. Она папина! Не занимать!» - чеканит слова твердо и бескомпромиссно. Бабушка Роза ей однажды объяснила, что папа теперь на небе, как и ее, бабушкин, папа, и что он не сможет больше приходить, но ребенок мал и никак не поймет, почему, собственно, «не может», если она, его любимая Сонечка, так его ждет...

- Я верил в силу государства, – говорит Тукай Валиевич. – Почти до самого конца этих трех суток захвата верил. Думал, спецслужбы что-то придумают, договорятся, пообещают, тумана наведут – и все разрешится... Не ожидал, честно говоря, что сделают так, как посоветовал Жириновский за сутки до штурма – напомним, он сказал, нужно просто потравить всех газом, часа два, мол, поспят, встанут и побегут... Не проснулись. И не побежали.

...Вся жизнь москвича Тимура Хазиева оказалась связана как с музыкой, так и с Домом культуры Шарикоподшипникового завода на 1-й Дубровской улице – сюда он ходил с детства, в музыкальную студию «Ли́ра», здесь и смерть нашел, поступив в оркестр мюзикла, арендовавшего именно этот ДК для представлений.

У родителей – Тукая и Розы — раньше была поблизости комната в коммунальной квартире, и два их сына – Эльдар (старший) и Тимур (младший) учились в ДК игре на аккордеоне. Педагоги советовали Тимуру продолжать занятия – талантливый был мальчик, и когда после десятого класса пришло время выбирать, то он, за год (!) пройдя почти самостоятельно, лишь с помощью своего педагога по аккордеону, курс музыкальной школы по ударным инструментам, поступил сначала в училище духового искусства, четыре курса которого также осилил за три года, а потом и в Академию музыки имени Гнесиных – знаменитую Гнесинку, о чем так мечтал.

Педагог звал его «рафинад» - имея в виду, что рафинированный, утонченный, интеллигентный, палочки барабанные держал по-особенному, аристократично...

Однако, параллельно с Гнесинкой, Тимур много работал – в духовом и симфоническом оркестрах Министерства обороны. Успел съездить с военным оркестром на гастроли в Норвегию, должен был играть и в Испании, но поездка была намечена на жизнь, которая планировалась после 23 октября.

- Вот, приготовила его форму... И фрак концертный, – твердо, чтобы не распускаться, говорит Роза Абдуловна, открывая шкаф. – Все никак не заберут... Из Министерства обороны.

Сонечка, пролетая мимо нас, тут же хватается фуражку с блестящей кокардой, водружает себе на голову и скачет по комнате: «Папина! Папина!». Таня, не в силах выдержать сцену, уходит прочь.

...Когда и Гнесинка была позади, Тимур предложили поиграть еще и в оркестре «Норд-Оста». Это была его третья по счету работа, но он согласился. Потому что уже был женат, рос маленький ребенок, Таня пошла воспитательницей в детский садик (с соответствующей зарплатой, хоть и после Академии ритмического искусства, будучи актрисой и режиссером) – все ради Сонечки.

Можно, конечно, не верить ни во что - ни в мистику, ни в предчувствия. Но...

- За месяц до теракта Тимур перестал спать, – рассказывает Таня. – Я проснусь под утро, а он сидит. Спрашиваю: «Ложись, ну что ты маешься?». А он: «Тревожно мне что-то...».

В семье считали, что Тимур просто очень устал. Его день начинался рано-рано: он вез Сонечку с Таней в детский садик на машине. Оттуда сразу заезжал к родителям: позаниматься, его инструменты стояли тут – последнее время разрабатывал левую руку и радовался, что у него «все пошло», и еще пара лет, говорил Тане, и он станет классным ударником. Позанимавшись, опять вскакивал в машину и ехал на репетицию военного оркестра, а уж оттуда, в перерыве привезя дочку с женой домой из детского садика, отправлялся на «норд-остовский» спектакль. Возвращался домой ближе к полуночи, и с раннего утра все начиналось заново. Говорят: он производил впечатление человека, который очень спешит жить. Почему? Ведь только 27?.. На этот вопрос теперь никто не ответит. Как и на другой: почему 23 октября Тимур оказался в «Норд-Осте»? Ведь - опять мистика...

- Это была среда, – рассказывает Таня. – Мы так установили дома, что среда – наш семейный свободный вечер. По средам в «Норд-Осте» обычно играл другой ударник, но именно в этот день он вдруг упросил Тимура подменить, потому что его девушка категорически потребовала в этот вечер быть с ней – спасла своего парня... А мой подменил – безотказный был человек - и погиб.

...- Поймите, не хочется же, чтобы вещи родного человека где-то валялись. Ведь так? – спрашивает Роза Абдуловна. – Вот мы и поехали ТУДА... *(в здание на Дубровке. – Прим. авт.)* Конечно, ни мобильного телефона – Тимур только-только стал вставать на ноги и купил его, ни новых его вещей.

...ТАМ, рядом с вещами, у Розы Абдуловны, конечно, случилась истерика – родителям отдали лишь его старую куртку с отпечатком армейской бутсы на спине и футболку. Больше ничего.

Мы очень стали простые – опростились за последние годы. А также опустились. Сильно заметно это – и все заметнее, по мере того как война на Кавказе продолжается, превращая многие табу в обычный быт. Убить? Нормально... Ограбить? Ну и что такого?.. Трофеи? Закон. За преступления не осуждают не только в суде, но и в обществе. Все дозволено, что обычно было запрещено... Ведь, казалось, вся страна в эти страшные октябрьские дни захвата заложников в едином порыве - думала, как помочь, молилась, надеялась и ждала...

И - ничего не могла сделать: спецслужбы никого никуда не пропускали, уверяя, что все у них под контролем... И как теперь смириться, что часть этих «особо допущенных» в то же самое время просто выбирала себе трофеи? Поновее? И по размерчику?.. Ведь так это выглядит со стороны – только так. И семьям погибших уже никогда не избавиться от памяти этих своих октябрьских чувств. Даже если им всем возьмут да и выдадут по миллиону долларов компенсации за понесенный моральный вред. Память останется навсегда.

...Впрочем, судя по футболке, Тимур в ней где-то на улице валялся. Роза Абдуловна так и не смогла отстирать эту нашу знаменитую московскую уличную грязь – полубензин, полумасло...

У Тимура, когда он в последний раз ушел на работу, в карманах было десять разных удостоверений личности с фотографиями – то, что он артист оркестра «Норд-Ост», что артист оркестра Министерства обороны, паспорт, водительские права... И в придачу – записная книжка с телефонами всех друзей и родственников...

Но в итоге 28 октября семья получила его тело с резиновой биркой, привязанной к руке, на которой значилось:

«№ 2551

Хамиев

Неизвест.».

- Как это могло произойти? – Спрашивает Роза Абдуловна. – Почему «Хамиев»? И почему если уж «Хамиев», то «неизвест.»? И почему мы его ТАК искали? Открой телефонную книжку, набери любой номер, спроси: «Кто такой Тимур Хазиев? Знаете такого?» И тут же бы дали наш телефон...

Мать Тимура имеет в виду день после штурма - длинный день 26 октября, который семье Хазиевых тоже теперь не забыть никогда.

- С утра до четырех вечера его фамилии не было нигде, ни в одном списке заложников, которые оглашали власти, - рассказывает Тукай Валиевич. – Когда мы уже объездили все морги и больницы, вдруг появляется... Небольшой список, человек на двадцать, и в нем Тимур, и там значится, что он жив, находится в 7-й больнице. Я позвонил жене, сказал: «Все в порядке». Мы от радости плакали, друзья нас поздравляли... Мы с Татьяной скорее поехали в больницу.

Но у ворот ее стоял охранник и никого не пускал – говорил, что запрет прокуратуры. Таня плакала. И охранник, сжалившись, шепнул Тукаю Валиевичу, что это плохо, что «ваш» здесь – значит, безнадега... Таня услышала и стала просить, чтобы пропустили внутрь, - охранник пожалел во второй раз и открыл ворота.

Внутри больничных коридоров было пусто, а потом им навстречу вышел милиционер с автоматом на пузе.

- Знаете, ну прямо человек без души, – говорит Таня. - Ни слова: «Крепитесь, держитесь». Прямо мне в лоб: «Он умер. Идите отсюда». Я, конечно, кричала минут двадцать. И тут сбежались врачи: «Кто вас сюда пустил?».

Когда Таня пришла в себя, стала просить разрешения попрощаться с Тимуром. До вскрытия. Ей отказали. Она все просила и просила. Милиционер парировал: «К Путину идите за разрешением». Появились те самые сотрудники прокуратуры, троица: «Ну, куда спешите? Еще успеете крышку гроба закрыть!». И еще: «Фамилия? Хазиев? Чеченец?».

Вот в этом и оказалась главная проблема Тимура Хазиева. Его татарскую фамилию правоохранители «на глазок» приняли за чеченскую, и все дальше пошло автоматически, в соответствии с господствующей идеологией.

Семья уверена теперь: причина смерти Тимура в том, что, приняв его за чеченца, ему намеренно не оказывали помощь. Когда мужчины Хазиевы забирали тело Тимура из морга, на груди было крупно написано: «9.30», время смерти, наступившей в 7-й больнице. И больше ничего на теле - ни одного следа от капельницы, либо укола, либо вентиляции легких... «Сверху» была установка чеченцев уничтожать, и Тимур, как «чеченцу», реанимация не полагалась. Четыре с лишним часа после штурма он просто лежал и умирал - установки о спасении не поступало... Тимура убила государственная идеология...

- Мы ничего не стоим в нашей стране. Мы – человеческий мусор. Вот и вся история о моем Тимурке, – последние Танины слова.

...Когда 26 октября Таня и Тукай Валиевич стояли под больничными воротами, в квартиру, где жили молодые Хазиевы, попытались пройти человек двадцать: и в форме, и в гражданке. Соседка выскочила и еле отбила: ей объяснили, что «по сигналу» из больницы, якобы тут проживал чеченец...

Что теперь делать семье Хазиевых? Утереться и умолкнуть?

- Когда мы, истцы, говорили обо всем этом в Тверском суде, – вспоминает Тукай Валиевич, – Горбачева делала вид, что не понимает, о чем мы. Она уверена: помогали всем без исключения.

Естественно, у Хазиевых на руках – справки о смерти, в которых отсутствует «причина смерти». Там пустое место. Ни намек, что вообще был теракт – то есть, в дополнение к госидеологии-убийце, против Тимура и его семьи работает госсистема юридического вымарывания вещественных доказательств.

- Но вы, наверное, спросили сотрудников прокуратуры, почему в графе «причина смерти» - прочерк?

- Конечно, 28 октября. И они объяснили, что это просто формальность, чтобы нам можно было быстро подготовиться к похоронам, а потом, мол, когда будут известны результаты вскрытия, «обязательно впишут»...

- Вписали?

- Нет. Конечно.

Это типичный ответ: у нас не ждут правды от власти, власть – источник в лучшем случае неприятностей, и это несмотря на все официально высокие

рейтинги власти. Недавно в администрации президента создан специальный департамент по формированию «правильного» имиджа страны и президента за рубежом. Концепция улучшения данного имиджа – чтобы негатив о стране и Путине не слишком проникал за границу, и Россия хорошо смотрелась глазами иностранцев. Вот было бы здорово, чтобы, наконец, там же, при администрации, появился специальный департамент, сотрудники которого были в ответе за неуклонное улучшение имиджа страны и президента в глазах собственных граждан...

- Неужели Путин не мог уступить? Сказать: «Войну заканчиваю»? И наши были бы сейчас живы?.. – Все повторяет и повторяет Тукай Валиевич. - Я хочу знать, кто виноват в нашей трагедии. И больше ничего я не хочу.

...Из последних их семейных новостей: недавно Таня завела Кирюшу и Фросю. Черепаху и кота. Чтобы было, к кому возвращаться. Сонечка, хоть и не понимает, что случилось с папой, – маленькая еще, а домой, где папы нет, идти после садика не хочет... Еще: недавно позвонили из реанимированного «Норд-Оста», предложили билеты на мюзикл, который с 8 февраля вновь поет и пляшет. Отказались, конечно, но там сказали, что в любой момент... Сомнительная затея: изображать счастье на месте братской могилы. Какие же мы простые... Такие простые, что тошнит.

История третья.

Сираджи, яхта и все-все-все

Чеченцам теперь может позавидовать разве что сумасшедший – тем чеченцам, которые живут в нашей стране. И раньше-то было несладко, но в последнее время, после теракта, машина государственной мести крутится на последней, пятой, этнической скорости. Погромы и чистки под эгидой милиции стали рутиной. В один миг рушатся жизни, люди теряют жилье, работу и опору под ногами... А причина только одна: ты, он, она - чеченцы. Их жизнь в Москве и многих других городах не просто невыносима - с наркотиками, подброшенными в карманы, с

патронами, вложенными в руки, и одновременным же отправлением на несколько лет в тюрьму - эта жизнь превратилась в кошмар изгоя наяву, в беспросветный тупик, по которому сколько ни топай туда-сюда, все равно никуда не придешь. И эти будни касаются всех - от семилетнего мальчика до восьмидесятилетнего старца.

... - Когда ОНИ заговорили по-чеченски, прервав второй акт, я поняла, что все очень серьезно. И будет совсем плохо. Я это сразу как-то очень четко поняла... - Яха Несерхаева, 43-летняя москвичка, по профессии и месту работы экономист, чеченка, родившаяся в Грозном, но давно перебравшаяся в столицу, 23 октября пошла посмотреть мюзикл «Норд-Ост». Давняя подруга Галя из северного города Ухты купила билеты на 13-й ряд партера и вытащила ее из дома. Яха – не любительница мюзиклов, но Галя очень просила составить ей компанию.

- А вы ИМ сказали, что вы – чеченка?

- Нет. Я боялась. Я не знала, как лучше: сказать или не сказать. Могли бы и застрелить за то, что чеченка на мюзикле.

Яха газа не увидела – хотя многие из заложников заметили белые клубы неизвестно чего. Яха просто услышала со своего места, как другие закричали: «Газ пустили!» И через несколько секунд отключилась.

Она пришла в себя только в больнице – тоже в 13-й, куда привезли тогда многих, например Ирину Фадееву, героиню первой истории, среди прочих. Яху очень сильно рвало, она мало что понимала, но вскоре перед ней появился следователь.

- Он спросил мое имя, фамилию, где живу и родилась, как попала на «Норд-Ост»... Потом пришли две женщины и забрали мою одежду на экспертизу, сняли отпечатки пальцев. Следователь пришел к вечеру и сказал: «У меня плохие новости». Первое, о чем я подумала, было, что подруга, с которой я ходила на

мюзикл, умерла. Но он: «Вы задерживаетесь за пособничество террористам». Это был шок. Но я встала и сама пошла за следователем – в больничных тапочках и халате. Сначала на двое суток меня привезли в 20-ю больницу (*специальная больница закрытого, тюремного типа.* – Прим. авт.), где никто ни о чем не спрашивал, и лечения тоже не было. Собственно, меня вообще не лечили... В конце вторых суток в 20-й больнице опять пришел следователь – меня сфотографировали и записали образец голоса. Через несколько минут после этого визита принесли какое-то пальто и мужские ботинки, надели наручники, сказали: «Вам надо лечиться в другой больнице». Посадили в милицейскую машину, привезли минут на десять в прокуратуру, а потом – в тюрьму, в «Марьино» (*название московского женского изолятора временного содержания* – Прим. авт.). Вот так - в ботинках на босу ногу на три размера больше, в грязном мужском пальто, немытую и нечесаную неделю, меня привели в камеру. Надзирательница только и сказала: «Ну, чума болотная...».

- Вас в изоляторе допрашивали часто?

- Меня вообще не допрашивали. Я просто сидела и просила охранницу о встрече со следователем...

Яха говорит тихо, медленно, без всяких эмоций. Она вообще кажется маловменяемой. Если бы точно не знать, что Яха живая, можно подумать, что она мертва. Глаза расширены – смотрят в одну точку. Лицо неподвижно. На фотографии в паспорте – будто совсем иная женщина, другое выражение лица, там гордычка и красotka.

Впрочем, время от времени Яха все-таки пытается улыбнуться, но за две недели, проведенные в тюрьме, ее мышцы забыли, как складываться в улыбку. Она ведь там думала, что все, уже конец, и ее ничто не спасет, положение – хуже некуда по нашим временам. К тому же милиционеры, перевозившие ее из 20-й больницы в «Марьино» – и единственные, кто с ней разговаривал о ее будущем,

пока ехали, - они-то ей и сообщили, что «она ответит за всех», поскольку террористов уничтожили, «она одна осталась»...

Но под занавес был хеппи-энд. Ведь так и положено в мюзиклах.

Друзья Яхи Несерхаевой, забившие тревогу, срочно нашли адвоката, тот сумел чудом пробить стену, казавшуюся абсолютно непробиваемой. И на десятки сутки Яху отпустили из тюрьмы. По нашим нынешним расистским временам следователи прокуратуры одного из округов столицы, работающие в составе следственно-оперативной группы по расследованию уголовного дела № 229133 (захват «Норд-Оста»), не найдя НИЧЕГО против Яхи, просто ОКАЗАЛИСЬ ЛЮДЬМИ – и не стали ничего придумывать, как многие другие их коллеги сегодня, когда им в руки попадают чеченцы, не принялись подтягивать обвинение к человеку, подбрасывать, издеваться, глумиться... То бишь, мстить чеченке только потому, что она - чеченка. И это теперь такая редкость среди нас...

Более того, объявив Яхе, что она свободна, еще и извинились перед ней, посадили в машину и отвезли домой. Спасибо старшему следователю, юристу первого класса В. Прихожих. А также сотрудникам ОВД «Богородское», которые выдали Малике, старшей сестре Яхи, срочно сорвавшейся из Грозного в Москву, чтобы помочь Яхе встать теперь на ноги, специальную бумагу, что она, Малика, может находиться в Москве, поскольку член ее семьи нуждается в постоянном уходе. Выдали, зная, что без этой бумаги чеченка в сегодняшней Москве не может выйти за порог – она будет сразу арестована...

...Аэлите Шидаевой - 31 год. Она – тоже чеченка, с начала нынешней войны живет с родителями и дочкой Хадижат в Москве. Аэлиту арестовали прямо на работе, в кафе у станции метро «Марьино». Она рассказывает свою историю спокойно и сдержанно, без слез и истерик, приветливо улыбаясь. И может даже показаться, что ничего особенного она не пережила. Правда, если не знать, что в тот момент, когда ее наконец вывели из отделения милиции «Марьинский парк» через семь часов бесконечных допросов, она тут же упала без сознания...

- Странно как-то было... Сначала один милиционер, как всегда, пообедал у нас в кафе – они у нас все обедают, отделение в ста метрах от нашей входной двери. И я никогда не скрывала от них, что чеченка, убежавшая из Грозного от войны. И этот милиционер поел и вышел... И тут же ворвались остальные – человек пятнадцать во главе с нашим участковым Васильевым, он меня тоже отлично знает. Всех поставили к стенке, обыскали, а меня забрали.

- А что «они» спрашивали?

- Какие у меня отношения с террористами? А я им объясняла: «Вы же все сами видели! Я была перед вашими глазами по 12 часов ежедневно, с 11 до 11!».

- А они?

- «С кем из террористов ты ходила в ресторан?»

- А я в Москве ни разу в ресторане и не была, у меня другой образ жизни. Мне говорили, что если я не сознаюсь в связях с террористами, то мне подкинут наркотики или оружие. Допрашивали по очереди. Мимо ходили какие-то мужики в форме и смотрели. Следователь тогда сказал, что если я не признаюсь в связях с террористами, то он отдаст меня этим ребятам «на съедение», а они только и ждут этого, потому что «у них все говорят».

Прямо в милиции Аэлите объявили, что с работы ее уже уволили. Следователь сказал, что они потребовали этого от хозяина кафе, иначе заведение закроют... А освободили ее только потому, что учительница русского языка Макка Шидаева, мама Аэлиты – ну, просто прирожденная правозащитница, она «поставила на уши всю Москву» (из лексики милиционеров отделения «Марьинский парк»). Макка позвонила на радиостанцию «Эхо Москвы», подключила знаменитого адвоката Абдулу Хамзаева и многих других, и, несмотря на то, что в отделении милиции продолжали талдычить, что Аэлиты «у них нет», все равно - под давлением вынуждены были ее освободить.

Аэлита сейчас не в шоке – нет, конечно. Она все понимает, только говорит, что надо уезжать из Москвы.

- Обратно в Чечню?

- Нет. За границу.

Макка – против этого. Нет, она не против, чтобы дочь увезла внучку – Хадижат надо учиться, вопреки всем бараевцам и супер-бдительной к чеченским девочкам московской милиции. Макка - против своего собственного отъезда, она не может себе представить, как станет жить не в России... Но точно так же не может понять, чего хочет эта Россия от Аэлиты, ее самой и Хадижат – трех поколений современных чеченских женщин? Взрослого – большая часть жизни которого прошла в СССР. Молодого – так и не пожившего всласть, только и знавшего, что бегать с места на место, от одной войны до другой. И совсем юного – всматривающегося пока, внимательно вслушивающегося во все то, что творится вокруг. И молчащего. Пока еще молчащего.

Классная руководительница Хадижат только что в явном смятении позвонила Аэлите и сказала: нужно принести справку, что Аэлита – мать-одиночка (а где взять такую справку?). А если справки не будет (все остальные документы в полном порядке), то она, учительница, «и не знает, что делать»... Хадижат выкидывают из школы, девочке-чеченке, которую привезла семья в Москву, чтобы выучить (со школами в Чечне туго), после 26 октября 2002 года нет места в пятом классе столичной школы № 931.

- А я даже не могу понять, - говорит Аэлита, - мое «материнское одиночество» – это «за» Хадижат или «против»? Кому тут доверять?..

...Абубакар Бакриев уже несколько лет занимал скромную техническую должность в организации, именуемой «Первый республиканский банк» - но теперь Абубакар совершенно свободен от всяких обязательств. И это случилось очень

просто и буднично. Абубакара позвал заместитель председателя организации по безопасности и сказал: «Пойми правильно, из-за вас у нас будут проблемы. Пиши заявление по собственному желанию».

Сначала Абубакар не слишком поверил. Но начальник добавил, что «они» просят написать заявление задним числом – например, 16 октября, чтобы получилось прилично и никто бы не смог укорить, что уволили Бакриева по этническому посленордостовскому цензу в связи с тем, что он чеченец...

Вот как: палачи убивают (а увольнение сегодня для чеченца – смерть, другой работы не найти) – и еще хотят и понимания... Особый акцент нашей с вами современности: подойти к жертве и этак, прямо ей: «Жертва, я тебя убью не потому, что я – плохой, меня просто заставили, но ты, жертва, должна так все представить, что я и не палач вовсе...».

В один с Абубакаром день из банка уволили дагестанца – тоже добровольно-принудительно и задним числом. Он был на скромной должности, но на всякий случай его «зачистили» - чтобы никаких лишних вопросов банку уже и по поводу вообще выходцев с Кавказа не оказалось.

- Первый республиканский банк зачищен, – говорит Абубакар. – Правоохранительные органы могут спать спокойно. Мне 54 года. Куда идти, не знаю. Уже трижды приходила домой милиция, смотрели, как я живу с тремя детьми. Вы делаете нас врагами. И должны понимать, что нам ничего не остается, чтобы требовать независимости... Потому что где-то же должна быть земля, на которой мы смогли бы жить спокойно. Дайте нам, пожалуйста, любое место на земле. И мы там начнем жить...

...Исита Чиргизова и Наташа Уматгариева - чеченки, живущие в центре временного размещения вынужденных переселенцев в поселке Серебряники в Тверской области. Мы познакомились в 14-м отделении милиции Москвы. Исита оттирала чернила после дактилоскопии. Наташа плакала не переставая. Их только

что отпустили – это свершилось чудо по нынешним временам, милиционеры сжалились.

Утром 13 ноября с женщинами случилась типичная современная чеченская история. Они приехали в Москву ранним поездом – за гуманитарной помощью в одну из правозащитных организаций. У этой станции, в двух шагах от входа в организацию, их и арестовали, потому что Наташа хромала – у нее открытая диабетическая язва на ноге, и значит, это подозрение на ранение, на то, что была боевичкой. А Исита – беременна на седьмом месяце, то есть живот уже очень заметен из-под куртки в том самом месте, где... были пояса у террористов-камикадзе. Только не смейтесь, но именно так объяснил причину задержания дежурный по 14-му отделению майор Любезнов, оказавшийся человеком вовсе не любезным и даже готовым, ради всеобщей антитеррористической безопасности страны, собственноручно ощупывать беременный живот чеченки, чтобы лично удостовериться в его «подлинности». Боже.

История с Иситой и Натасей закончилась хорошо – милиционеры лишь наговорили женщинам кучу гадостей про то, как «вы нас убиваете, а мы вас», да еще и не успел опозориться майор Любезнов, и к тому же удалось сделать две принципиальные в таких случаях вещи: во-первых, успеть перехватить женщин в отделении, пока их еще не увезли в СИЗО, и, во-вторых, убедить начальника 14-го ОВД Владимира Машкина (и он захотел быть убежденным), что люди иногда ходят за гуманитарной помощью и ходят они за ней именно потому, что бедны, лишены возможности работать и нет дома...

...Зара работала продавщицей овощей у станции метро «Речной вокзал». Хозяин рыночка подошел и сказал Заре: «С завтрашнего дня на работу выходи. Потому что чеченка». А Зара одна содержит семью – троих детей и мужа-туберкулезника. Ну, при чем тут, согласитесь, милиция?..

...Аслан Курбанов всю войну прожил в палаточном лагере в Ингушетии. Летом поехал поступать в институт в Саратов, потом перебрался в Москву, жил у

своей тети Зуры Мовсаровой, аспирантки Московского авиационно-технологического института, устроился работать и получил официальную регистрацию на право проживания в столице.

28 октября к ним домой пришли сотрудники уголовного розыска 172-го отделения милиции (район «Братеево»). Накануне Зура, по просьбе участкового, сама прошла процедуру дактилоскопии, и поэтому, когда милиционеры сказали, что Аслан всего лишь должен проехать с ними, чтобы снять отпечатки пальцев, никто в семье даже не насторожился. Аслан оделся и сел в милицейскую машину.

Через три часа Зура забеспокоилась: племянника все не было, и она пошла в отделение. Там ей сообщили, что Аслан арестован за то, что у него в кармане обнаружены наркотики. То есть, что выходит? Встал, оделся, положил в карман наркотики и поехал в милицию сдаваться?.. Аслан успел крикнуть Зуре из «обезьянника», что его завели в комнату, достали из-под стола анашу, сказали: «Это будет твое. Потому что мы чеченцам жизни не дадим. И всех вас так засадим».

А Артур вообще-то даже не курит... 30 октября в тюрьме «Матросская Тишина» он отметил свое 22-летие...

...25 октября утром в квартиру московских чеченцев Гелагоевых ворвались милиционеры. Алихану, хозяину квартиры, надели наручники и увезли. Марем, его жена, бросилась за помощью в милицию – отделение «Ростокино». Но там сказали: «Наши сотрудники никуда не выезжали». Марем позвонила на радиостанцию «Свобода». Сообщение о похищении Алихана Гелагоева прошло в эфир, и к вечеру его отпустили: что-то там сработало...

Аслан рассказал, что в машине, куда его посадили, ему на голову надели мешок и долго били, пока ехали на Петровку – так называется улица Москвы, где располагается центральное городское милицейское управление. И орал: «Вы нас

ненавидите, и мы вас ненавидим! Вы нас уничтожаете! И мы вас будем уничтожать!»).

Но на Петровке Алихана уже не били, а много часов уговаривали подписать признание в том, что он был идейным организатором теракта в «Норд-Осте». (Так, собственно, и происходило все в сталинские годы). Причем признание было заранее составлено – как и тогда, и требовалось только подмахнуть его.

Алихан отказался. Но в обмен на свободу его все-таки заставили расписаться в том, что он «добровольно явился в ГУВД (*главное управление внутренних дел.* – Прим. авт.) Москвы» и «претензий к сотрудникам не имеет»...

Расизм? Да. Ад? Конечно. Но еще и циничная имитация борьбы с терроризмом. Поэтому не верю ни в одну цифру, которую сегодня произносят милиционеры, рапортуя о ходе операции «Вихрь-Антитеррор»: мол, столько они поймали «пособников террористов». Эти цифры - липовые. Липовые милиционеры. Пишут липовые бумажки. На основании липовой работы.

А террористы-то в это время где? Что делают? А кто знает... У нашей милиции на них времени нет. Путин виноват в возврате в страну методов советского очковтирательства вместо работы.

...- Дознаватели в милиции меня успокаивали так, - рассказывает 36-летний Зелимхан Насаев, - «Ничего, три-четыре годика посидишь, и все. А может, и условно дадут. Подпиши, легче будет...».

Зелимхан живет в Москве уже несколько лет – его семья уехала от второй чеченской войны вслед за старшей сестрой Зелимхана Инной, давным-давно перебравшейся в столицу.

- Били в милиции?

- Конечно. В три ночи подняли и говорят: «Под пресс его». Через что-то твердое били по почкам и печени. Требовали, чтобы подписал признание. А я отказывался... Отвечал: «Прессуйте. Можете расстрелять, я на себя ничего не возьму». Все время говорили мне: «А зачем ты, чечен, сюда приехал? Твоя родина – Чечня. Вот и сиди там, со своей войной разбирайся». А я им: «Моя родина – Россия, и я – в своей столице». И они очень на это злились. Чтобы вывести меня из себя, один из милиционеров говорил: «Вот только что послал твою мать на три буквы».

Если бы знал тот оперуполномоченный в отделении «Нижегородская», кого он посылал на три буквы и шантажировал, и кого лупил и уламывал взять на себя преступление ради повышения его посленорд-остовской отчетности «борьбы с чеченским криминалом в столице»... А может, хорошо, что не знал...

Роза Магомедовна Насаева, между прочим, внучка, а Зелимхан, соответственно, правнук легендарной русской красавицы Марии-Марьям из семьи самих Романовых, родственницы императора Николая Второго, как-то влюбившейся без памяти в офицера царской армии чеченца Ваху, сбежавшей с ним на Кавказ, вопреки воле семьи принявшей там мусульманство и имя Марьям, родившей ему пятерых детей, прошедшей с ним депортацию в Казахстан, схоронившей его там, вернувшейся в Чечню и умершей там в 60-е годы на правах почти что чеченской святой... В общем, красивая и известная на Кавказе история о российско-чеченской любви и дружбе, но не о ней сейчас речь... Потому что от оголтелой сегодняшней московской милиции, решающей свои проблемы под маркой общей трагедии, Зелимхана не может спасти ничто, пусть в нем течет хоть десять, из разных стран, императорских кровей. С Зелимханом – хоть он и на кусочек Романов, поступили так же, как поступают с остальными чеченцами.

Есть такие места в Москве, куда совсем не тянет. Дыры, одним словом: на задворках заводов, внутри промышленных зон и под высоковольтными линиями. Вот там и ищи чеченцев, пытающихся выжить в столице. Шоссе Фрезер – одно из таких мест - неудобная полоска асфальта, уходящая от Рязанского проспекта куда-

то в промышленно-барачную, совсем не столичную даль, вдоль старых кирпичных пятиэтажек, с трудом похожих на жилье.

Собственно, они таковыми и не являются – согласно документам, тут цеха завода «Фрезер», которого, по сути, тоже давно не существует, он развалился вместе с перестройкой, его рабочие разбрелись, а заводское начальство живет тем, что собирает деньги с тех, кому сдает в аренду бывшие цеха и другие помещения. Вот в одном из таких бывших заводских помещений – грязном и разворованном, в 1997 году появились первые чеченские беженцы. Это были те, кто уходил от межвоенного начинающегося бандитского разгула в Чечне, главным образом члены семей оппозиции Масхадову и Басаеву. Руководство завода «Фрезер» разрешило им собственноручно восстановить «цеха», превратить их в жилье и платить дань за пользование напрямую руководству.

И до сих пор чеченцы там живут, и Насаевы – одни из них. Одна из 26 семей. Местная милиция знает всех отлично, никто тут ни от кого не бежит и не прячется, потому что ни у кого нет такого желания, да и бежать дальше им некуда...

Когда случился «Норд-Ост», милиция из отделения «Нижегородская» первым делом пришла сюда, разъяснив людям, что им сверху «спущен план» в виде 15 посаженных чеченцев «с каждой территории». Всех мужчин из 26 семей посадили в подогнанные автобусы и повезли на дактилоскопию.

Беда Зелимхана Насаева-Романова оказалась в том, что дома как раз-то его в этот момент и не оказалось, он повез очередную партию надомной работы (семья собирает дома ручки) и должен был взять детали для следующей порции...

Вскоре за потомком императорской семьи в бывший заводской барак приехали отдельно. Сказали: «На дактилоскопию». И Роза Магомедовна отпустила его спокойно. Волноваться семья стала несколько часов спустя, когда сын все никак не возвращался, и, наконец, мать и отец Насаевы, забеспокоившись, сами

отправились в милицию, где им сообщили типичное: «У вашего сына в кармане – запал с гранатой. Мы его задержали».

- Я закричала: «Вы не имеете права! Вы же сами его увезли! Он же с вами вышел из дома! И ничего в карманах у него не было! Вокруг было полно свидетелей!» - рассказывает Роза Магомедовна. – Но милиционеры мне ответили: «Чеченцы для нас не свидетели». Мне стало так обидно... А кто же тогда мы? Не граждане?

В ту ночь мать ушла ни с чем. А когда вернулась утром, ей добавили: «Еще ваш сын торгует анашой. Помочь ему нельзя».

– Меня привезли и завели в кабинет, – говорит Зелимхан. – И слышу: «Ты героином торгуешь». Старший из них пакетик держит в руке и произносит: «Это уже твое». Мои руки - в наручниках, мне пакетик кидают в карман, я начинаю возмущаться. Тогда они: «Ну, тогда еще запал от лимонки...». И вижу, уже этот запал старший тряпочкой протирает, чтобы не было «чужих» отпечатков, мне в руки его сует и протоколирует. Я опять в крик: мол, не имеете права! А они мне говорят: «У нас разрядка. Имеем. А если по-хорошему не согласишься помочь нам и взять дело на себя, то и твои родственники вслед за тобой пойдут, сейчас поедem к тебе с обыском и там найдем другую часть той же гранаты. Подписывай акт признания».

Зелимхан упорствовал и так ничего и не подписал. Били, обещали забить так, что ни одному адвокату «не покажем». Отпустили, потому что за Зелимхана заступились журналисты и депутат Думы Асламбек Аслаханов. Сидит теперь Зелимхан дома, в бараке, в глубокой депрессии – боится любого стука в дверь. Депрессия, собственно, главное качество всех чеченцев, которые живут рядом с нами. Нет ни одного оптимиста – ни среди молодых, ни среди старых. Не встречала. Все - апатичны и ждут от жизни самого плохого. Мечтают о загранице только потому, что там есть шанс затеряться в разноликой космополитичной толпе

и хранить главную свою тайну – национальность. Так глубоко, чтобы никто ее не тронул... До чего же мы все докатились...

- В стране – очередная милицейская античеченская вакханалия, – это точка зрения Светланы Ганнушкиной, главы общественного комитета помощи беженцам и вынужденным переселенцам «Гражданское содействие». Именно в этот комитет теперь идут за помощью люди - чеченцы, родственники тех, кого забрали, кого дактилоскопировали, кому подложили наркотики или патроны, кого выгнали с работы, кому пригрозили депортацией (господи, куда депортировать граждан России из столицы России?). Они идут к Ганнушкиной, потому что идти им больше некуда.

- Старт этой новой волне оголтелого государственного расизма, официально именуемого операцией «Вихрь-Антитеррор», - продолжает Светлана Алексеевна, - был дан сразу после штурма театрального комплекса на Дубровке. Чеченцев выкидывают отовсюду – главное, с работы и из квартир. Это сведение счетов с целым народом за действия конкретных лиц. Главный метод дискредитации по этническому признаку – фальсификация уголовных дел методом подброса наркотиков или патронов. Милиционеры выглядят «галантными», спрашивая жертв: «Тебе что? Наркотик? Или патрон?». Спасаются только те, у кого есть такие мамы, как Макка Шидаева. А у кого их нет?..

А мы что? Мы – народ?

...В чеченской семье – трое девочек. Одна поступила в музыкальную школу, две – нет, и родители попросили учительницу поступившей давать частные уроки на фортепиано двум непоступившим. На этой неделе учительница отказала в уроках. Директор музыкальной школы – в коллективе все, конечно, про все знали, запретила ей это делать, сказав, что так приказали из управления культуры, и если учительница будет продолжать ходить к чеченцам, то ею самой заинтересуются «в органах»...

Вот это уже мы... Мы - народ... Российский люд в большинстве своем соглашается с государственной ксенофобией и анти-расистскими акциями протеста на такой «антитеррор» не отвечает. Причина? Официальная пропаганда работает очень эффективно, и большинство разделяет убеждения Путина о коллективной ответственности народа за преступления, совершенные отдельными его представителями. Потому что это просто – разделять подобные примитивные убеждения.

В России, таким образом, совершенно неясно, несмотря на идущую несколько лет войну, теракты, катастрофы и потоки беженцев: а что же власть действительно хочет от чеченцев? Чтобы они все-таки жили в составе России? Или - нет?

Напоследок – совсем уж простая история: про обычных, живущих в России людей, подверженных государственной истерии...

...- Тебе часто в школе замечания делают?

- Часто... – вздыхает Сиражди.

- И за дело?

- За дело... – опять вздыхает.

- А за какое?

- Я бегу-бегу по коридору, кто-то об меня стучается, и я всегда сдачи даю, чтобы меня не обижали, а потом меня спрашивают: «Это ты ударил?», и я всегда честно отвечаю: «Я», а другие не отвечают, и получаю замечания...

- Может, и тебе тоже не отвечать? Проще будет?

- Нельзя, – уж совсем тяжело вздыхает. – Я не девчонка. Если сделал, говорю: «Сделал».

«А вы знаете, что он старается таким образом подставить подножку кому-то из наших детей, чтобы ребенок обязательно ударился виском... И умер...».

О боже... Это уже не он о самом себе, а взрослые о нем. Не о спецназовце, натасканном на уничтожение террористов. А о семилетнем чеченском мальчике Сиражди Дигаеве - наблюдения вслух одной очень взрослой женщины, члена родительского комитета 2 «б» класса 155-й московской школы, где мальчик учится.

«А вы знаете, мой ребенок жалуется, что у Сиражди вечно ничего нет, а у меня есть, и я должен давать...» - это другой член того же комитета, мама.

Жалуется? А что тут жаловаться? И ДОЛЖЕН ДАВАТЬ, когда у другого, рядом, чего-то нет...

«Он всем мешает. Вы поймите! Мой сын объяснил мне, почему он не записал домашнее задание в классе. Потому что Сиражди так мычал, что он ничего не слышал... Сиражди неуправляем. Как все чеченцы. Поймите!» – говорит еще одна родительница.

В наших разговорах мы идем все дальше и дальше. Сидя в пустом школьном классе. Второклассники разошлись по домам – родительский комитет решает, как вычистить из школы маленького чеченца и «чтобы наши дети не учились плохому у возможного будущего террориста».

Наверное, вы думаете, что это ирония? А это, между прочим, цитата...

«Вы поймите нас правильно! Хоть он и чеченец, но мы на нации не делим... Нет! Мы просто хотим оградить наших детей».

Но от чего?.. Однажды, в ноябре, родительский комитет 2-го «б» созвал классное собрание с целью предупредить папу и маму мальчика Сиражди, что в случае если они не примут к нему мер до Нового года, и он, «хоть и чеченец» (опять цитата), не станет себя вести до поставленного срока так, как это поведение понимает родительский комитет, то они обратятся в директору 155-й школы с требованием выгнать ребенка из школы.

«Ну, ответьте мне, ну почему они все в Москву лезут?» - наконец прет главное. Это одна из членов родительского комитета, уже спустя неделю-две, пытается объяснить, почему они ТАК решили.

А почему, собственно, и не в Москву?.. Кто сказал, что этот город чем-то отличается от других? И что здесь живут такие особенные люди, приближение других граждан России к которым плохо сказывается на их самочувствии?

«Почему это вы говорите, что ИМ трудно! – почти кричит еще одна родительница. – А кто спросил, как трудно нам! И почему нашим детям легче, чем ЕМУ?».

Почему? Сиражди – мальчик, который родился в 1995 году в Чечне. Его мама Зулай, беременная, бегала под обстрелами и бомбежками, о которых она никого не просила... Бегала, потому что другого выхода не существовало в начале первой чеченской войны. И сегодня Зулай очень непросто видеть, что хоть и переехали они в столицу уже в 96-м и ее младший сынок почти всю его жизнь москвич, а все равно при салютах и грозе он очень пугается, прячется и плачет и не может объяснить, почему...

«Ах, так ОНИ еще и не чувствуют себя дома? – Всплывает раздраженный голос еще одного члена родительского комитета. – Так ОНИ еще и со своим уставом в наш монастырь! Нет уж!».

Дело в том, что Альви, папа Сиражди, придя на то собрание, выслушав все, что ему хотели сказать, тоже взял слово и посмел поделиться своей болью, пытаясь объяснить, что не так все просто в их московской жизни, что, его, отца, на глазах у детей милиционер тут матом посылает и заходит в их комнату в сапогах, и он, отец, ничего не может с этим поделать, и дети все видят...

Еще Альви тогда говорил, что главное, ради чего их семья здесь, а не в Чечне, несмотря на то, что тут им так неуютно, – это чтобы выучить своих детей не в условиях войны. И что Зулай – педагог-математик, торгует здесь на рынке, не умея торговать, а по ночам они вместе крутят куриные рулеты, а утром несут на продажу... Вся их с Зулай жизнь - только ради детей, чтобы они получили хорошее столичное образование...

«Нет, смотри! Вот ведь лезут прямо в центр Москвы! И чтобы квартира была за 500 долларов!» - так откомментировал папин душевный крик родительский комитет.

«Мы не хотели, чтобы моя дочь (сын) учились с ТАКИМ в одном классе». - Услышали приговор папа и мама на том собрании. И обиделись, конечно. А вы бы не обиделись?

«А что — мы не имеем права хотеть?..» - восклицали члены родительского комитета.

Конечно, имеете. Только кто сказал, что вы – не скинхеды? Самые натуральные? Даром что не бритоголово-замаскированные?

Стоит напомнить одну старую историю, прошлого века. Она начиналась похоже. Вот только закончилась по-другому. Когда в одну европейскую страну вошли фашисты, всем евреям было велено нашить желтые звезды для простоты определяемости. И тогда желтые звезды нашили все горожане, чтобы спасти... И

евреев. И себя – от того, чтобы не превратиться в фашистов. И их король был вместе с ними...

У нас же в Москве теперь все наоборот. Когда власть вдарила по чеченцам, живущим рядом с нами, мы не нашили своих желтых звезд из солидарности с ними. И более того, занялись прямо противоположным: мы играем в «нацию победителей», мы выжигаем на их спинах «знаки отличия». Мы делаем так, чтобы чувство изгоя не покидало Сиражди никогда.

...Мальчик показывает мне свою тетрадку по русскому – я его об этом прошу. Там - весь джентльменский набор. То «2», то «3». Да и пишет Сиражди неаккуратно, о чем ему почти на каждом тетрадном развороте напоминает Елена Дмитриевна, его первая учительница, выводя слова наставлений своим натренированным каллиграфическим почерком (35 лет педагогического стажа, и все в начальной школе)...

Она, Елена Дмитриевна, не поддержала родительский комитет в его стремлении избавиться от чеченского мальчика. Но и не «нашила желтых звезд» - не запретила категорически. Хотя и могла это сделать, прекратив гонения семьи Дигаевых силами нашей пресловутой «общественности».

...Сиражди крутится волчком - вообще-то ему совсем не хочется показывать тетрадку по русскому, он все стремится ее всяким хитрым способом подменить на тетрадку по математике, потому что там у него дела куда лучше. Сиражди – обычный мальчик, неподседливый и моторный, и, главное, ему очень хочется выглядеть самым лучшим. А кто, собственно, сказал, что все должно быть по-другому?.. Скромненьким? Тише воды? Ниже травы? Как того хочет родительский комитет, раз Сиражди – «чеченец»?..

Впрочем, и тетрадь по математике ему быстро надоедает. Он обещает нарисовать «меч и человека», для чего на скорости – он все делает на скорости – удаляется. А вскоре уже несет альбом с нарисованными контурами какого-то

силача с крепкой мускулатурой из «Властелина колец». И меч «со светом»... Свет у Сиражди – это что-то этакое, слегка намалеванное желтым карандашом. А кто сказал, что есть каноны для изображения света?

«Вы знаете, мы ведь хотели ему только добра, - так сказали родители 2-го «б», поняв, что историей, которую они организовали против маленького чеченского мальчика под марку норд-остовских общественных настроений, заинтересовались журналисты. - Только добра...».

Но поверит ли в это «добро» Сиражди? Ведь он действительно дерется на переменах. И краски на уроке рисования в стену швыряет. И подножки одноклассникам ставит. И тем чаще это делает, чем больше ему доказывают, что во 2-м «б» он чужой...

Вот это и есть наши обычные будни после «Норд-Оста». Прошли месяцы, и постепенно выяснилось, что из ряда вон выходящая трагедия... Выгодна. Да-да, просто-напросто выгодна. И очень многим. И по самым разным причинам.

Начиная с президента с его природно-посконным цинизмом, который принялся откровенно состригать с этого ужаса со смертельным исходом лакомые международные дивиденды в собственную пользу, а также не брезговать и внутрироссийским пиаром на чужой крови.

И заканчивая школьными размолвками в небольшой школе и рядовыми милицейскими работниками, с удовольствием подтягивающими свою «антитеррористическую» отчетность к Новому году ради получения премиальных. Оголтелый античеченский шовинизм и погромы первых дней после «Норд-Оста» переплавились в прагматичный стойкий расизм.

...«Так нам брать в руки оружие?» - спрашивают одни мужчины, и слышно, как в бессилии скрипят их зубы. «Все-о-о, не мо-гу-у-у!» - Стонут другие и падают

головой в колени. Слабость, конечно. Которая им совсем не пристала – ведь на них смотрят их дети. Но что же делать?

Акакий Акакиевич Путин-2

Я много думала: ну, почему я так взъелась на Путина? За что так его невзлюбила, что даже книжку написала? Хотя я – ему не оппонент, не политический конкурент, а всего лишь одна из гражданок, живущих в России? Просто – 45-летняя москвичка и, значит, застала Советский Союз во всем его махровом коммунистическом гниении 70-80-х годов прошлого столетия – и очень не хочу попасть туда снова...

Заканчиваю писать книжку 6 мая 2004 года – специально именно 6 мая. Завтра все будет кончено. Никаких чудес в виде оспаривания результатов выборов 14 марта не случилось, оппозиция со всем согласилась и преклонила головы. И поэтому завтра – день инаугурации Путина-2, избранного к власти безумным числом голосов сограждан – больше 70 процентов, и даже если скостить процентов 20 на «пририсовку» (фальсификацию), то все равно будет вполне достаточно для президентства в России.

Осталось только несколько часов, наступит 7 мая 2004 года, и Путин, типичный подполковник советского КГБ, с узким и местечковым мировоззрением подполковника, с невзрачным обликом все того же подполковника, не подростшего даже до полковника, с манерами советского офицера тайной полиции, привыкшего профессионально подглядывать за своими же товарищами, мстительного (на инаугурацию не пригласили ни одного политического оппозиционера, ни одну партию, которая шагает даже чуть не в ногу с Путиным), маленького, типичного чеховского Акакия Акакиевича, - этот человек опять взойдет... на трон. На великий российский трон.

Брежнев нам был нехорош. Андропов кровав, хоть и с налетом демократии. Черненко глуп. Горбачев не нравился. Ельцин время от времени заставлял креститься в страхе за последствия его шагов...

И вот – итог. Завтра, 7 мая, их охранник двадцать пятого эшелона, которому место – стоять в оцеплении, когда проезжает ВИП-кортеж, этот Акакий Акакиевич Путин будет шагать по красным дорожкам тронных зал Кремля. Будто он и впрямь там хозяин. Вокруг будет мерцать натертое царское золото, челядь покорно улыбнется, соратники – все как на подбор бывшие мелкие чины КГБ, получившие важные посты только при Путине, приосанятся...

Таким же гоголем, наверное, вышагивал тут Ленин, приехавший в покоренный Кремль в 1918 году, после революции. Официальная коммунистическая история (а другой нет) говорит: вроде бы скромно вышагивал... А в самом деле нагло: вот он я, скромняга, и вы думали, что никто, - а все же добился, Россию сломал, как захотел, принудил присягнуть себе.

И наш нынешний соглядатай из КГБ, даже там звезд с неба не хватавший – так же шагает по Кремлю... Шагает – и мстит.

Однако открутим пленку несколько назад.

14 марта 2004 года Путин во второй раз стал президентом России с разгромным для других претендентов счетом. И в нашей стране, и во всем мире эту его президентскую вторичность, конечно, прогнозировали, особенно после 7 декабря 2003 года, когда на парламентских выборах была разгромлена вся демократическая и либеральная оппозиция, которая только имела в России. Поэтому результатам 14 марта в мире мало кто удивился. У нас были международные наблюдатели, но все было вяло... Сам день голосования представлял собой современный римейк советского авторитарно-бюрократического стиля «народного волеизъявления», о котором многие у нас еще не успели забыть. Среди них и я. Когда было так:

пришел – бросил в урну бюллетень неважно с какими фамилиями – результат известен заранее...

И? То, что помнили советский стиль, кого-то уберегло от инертности 14 марта 2004 года? Нет. Покорно приходили – бросали бюллетени, махнув рукой: «что мы сделаем», уверенные, что вернулся Советский Союз и «от нас ничего не зависит»...

14 марта я долго стояла на пороге избирательного участка на своей Долгоруковской улице в Москве – переименованной с приходом Ельцина из улицы Каляевской (Каляев – террорист царских времен, считавшийся революционером) в Долгоруковскую (Долгорукий – князь, чье имение тут было до большевиков, при Каляеве). Говорила с людьми, идущими голосовать и быстро возвращающимися после процедуры, – люди были равнодушны. Абсолютно равнодушны к процессу выборов Путина во второй раз. «Они» так хотят? Ну, пусть... Так говорило большинство. Меньшинство посмеивалось: «Наверное, Долгоруковскую опять переименуют в Каляевскую...».

Потому что советский реванш с приходом и укреплением Путина очевиден.

Надо сказать, это произошло не только от нашего разгильдяйства и апатии с усталостью от бесконечных революций. Это произошло под приветственные вопли Запада. Прежде всего, Берлускони – прямо-таки любовника и главного европейского адвоката Путина. Также Блэра, Шредера, Ширака, не обошлось и без заокеанского Буша-сына.

Ничто не стояло на пути нашего кагэбешника в Кремль. Ни Запад. Ни серьезная оппозиция внутри страны. И всю так называемую предвыборную кампанию – от 7 декабря 2003 года до 14 марта 2004 года – Путин откровенно издевался над публикой.

Главное издевательство - он отказался с кем-либо о чем-либо дебатировать. Он не пожелал объясняться ни по одному пункту собственной предыдущей

четырёхлетней политики. Он презирал не только представителей оппозиции, но и само слово «оппозиция». Он вообще никого ни к чему не призывал. Ни за что и никого не агитировал. Просто, как в советские времена, телевидение ежедневно демонстрировало его во всех политических ракурсах – вот он принимает чиновников высшего звена в кремлевском кабинете и дает им квалифицированные советы, как руководить тем министерством или ведомством, откуда пришел чиновник.

В публике, конечно, раздавались смешки: он ведет себя прямо как Сталин. Тот тоже был и «друг всех детей», и «главный свиновод», и «лучший шахтер», и «товарищ всех физкультурников», и «ведущий кинематографист»...

Но смешки оставались только смешками – эмоции уходили в песок. Никаких серьезных протестов по поводу отсутствия дебатов не существовало.

Естественно, без сопротивления Путин наглед. Это ведь неправда, что он ни с чем не считается, ни на что не реагирует и только, знай себе, гнет свою линию, чтобы удержаться у власти...

Очень даже обращает внимание. И считается. И пристально следит за нами, подконтрольным народом. И это так происходит именно потому, что он поступает по-чекистки. Это – типичное поведение сотрудника нашего КГБ. Сначала – вброс информации в общественное употребление через узкий круг лиц. В нашем современном случае – через столичный политический бомонд. Цель вброса - почувствовать, какая возможна реакция. Раз ее нет или она аморфная, медузообразная - значит, все отлично, можно давить свою линию дальше, вкидывать свои идеи или действовать, как считаешь необходимым, ни на кого не оглядываясь.

Короткое отступление: оно уже не о Путине, а о нас, публике российской. Путинцы – люди, продвигающие его, заинтересованные в его втором восшествии на престол, люди, сосредоточившиеся сейчас в администрации президента, которая в

действительности управляет страной, а не правительство (исполняет волю президента) и парламент (штампует законы, какие хочет президент), - они очень внимательно следят за общественной реакцией. Неправда, что им плевать. И то, что это так, означает слишком многое: ответственны за все происходящее - мы. Мы прежде всего – не Путин. Наша «кухонная» (лишь на кухне посудачить) реакция на Путина и его циничные измышательства над Россией – гарантия, что Путин все это проделал со страной в предыдущие четыре года. Социальная апатия, демонстрируемая обществом, – безмерна. И она - индульгенция Путину на следующие четыре года. Мы реагировали на его действия и речи не просто вяло – а со страхом. Мы демонстрировали чекистам, укоренившимся во власти, этот свой страх. И этим только усиливали их желания относиться к нам, как к быдлу. КГБ уважает только сильных – слабых сжирает. Нам ли этого не знать? И тем не менее мы – в целом - продемонстрировали себя слабаками и были съедены (подавлены). Страх для советского чекиста – мед. Нет лучше подарка ему, чем чувствовать, как трясутся поджилки толпы, которую требуется подчинить своей воле.

И мы сделали этот подарок. Газеты и телевидение были полны нашим страхом до краев. Оппозиционеры только и говорили, что об опасности лично для себя, если... То есть о своем страхе.

И были сожраны с потрохами.

Вернемся к концу февраля 2004 года. Во время, непосредственно предшествовавшее 14 марта – даже рука не поднимается написать: «в предвыборное время», - ну, какое оно «предвыборное»?.. В какой-то момент, методом зондажа общественного мнения, Кремль почувствовал, что публика начинает уставать от наглости Путина, не желающего ни дебатировать, ни агитировать. Да и от скуки предвыборной кампании, которая таковой, по сути, не оказалась.

И тогда, для взбадривания населения, градус настроений которого снижался, почти перед самым 14 марта Кремль объявил о «сильных шагах» Путина. Народу было

предложено считать таковыми смену кабинета министров за три недели до дня голосования.

Сначала все опешили – действительно, глупость какая-то, логики нет. Ведь после выборов, согласно Конституции, кабинет уходит в отставку в полном составе, и новоизбранный президент заявляет о кандидатуре нового премьера, а тот в свою очередь представляет ему на утверждение своих министров... И, если размышлять здраво, зачем назначать сейчас, чтобы переназначать потом, после инаугурации? К чему такая свистопляска? Которая обязательно парализует деятельность правительства, и без того большую часть рабочего времени занятого решением собственных коммерческих проблем? Погрязшего в коррупции?..

И тем не менее хоть и глупая акция - менять кабинет за месяц до положенной по закону смены, - взбадривание действительно получилось: политический бомонд зашевелился, флюиды игры «угадайка» - кого Он назначит? – заполнили телеэфир, политологи получили пищу для дискуссий, пресса – о чем писать в рамках «предвыборной кампании», потому что до этого писать было не о чем.

Однако в политическом бодрствовании прошло не больше недели. В ее ходе путинские политтехнологи ежедневно заклинали народ по телевизору, что президент сделал это только потому, что хочет быть «абсолютно честным перед вами», он не хочет «идти на выборы с котом в мешке» (имелась в виду конституционная процедура: после выборов президента – смена кабинета), он желает продемонстрировать свой курс до 14 марта...

Надо сказать, народ верил – большинство нашего народа. Наверное, примерно пятьдесят на пятьдесят. Та половина, которая доверяла этой лживой и глупой аргументации и приветствовала ее, - отличается важной особенностью: Путина любят и верят ему – только истово, безоглядно, иррационально, без ума (в смысле - без разума), верят, и все тут.

В неделю до назначения нового премьера было то же самое, демонстрировался привычный тип «любви» к Путину - доверявшие серьезности его намерений не обращали серьезного внимания на явные логические неувязки заявленной идеологии смены кабинета.

И действительно, только если верить безоглядно, как в первой любви, то не возникает элементарного вопроса сразу: что же мешало Путину «продемонстрировать свой курс» и без отставки правительства? Вот уж у кого для этого полным-полно шансов. Например, поучаствовав в тех же публичных дебатах? Где, в диалоге, отстаивать свою точку зрения, лицом к лицу с оппонентами. Зачем для «демонстрации курса», собственно, менять правительство?

Зачем-зачем?.. Надо сказать, что пара месяцев, предшествовавших дню голосования 14 марта, прошли под флагом, на котором было недвусмысленно начертано: «Будет Путин, и никаких гвоздей». Однако неделя после объявления об отставке кабинета превзошла по цинизму все предыдущие: по телевизору народу прямо-таки и говорили, что от 14 марта ничего не зависит, все решено, будет Путин обязательно, и только Путин, и никого, кроме Путина, он – наше все, он добрый, он думает за всех. Царь. Народ, ты же любишь добрых царей?

Ох, уж наш народ любит таких.

От аргументации «он хочет продемонстрировать свой курс заранее, чтобы народ получил не кота в мешке после выборов», пиарщики всего-то за неделю постепенно докатились до «он хочет продемонстрировать свой курс заранее, потому что будет только он», а раз «будет только он», то какая разница, до 14 марта менять или после...

Дальше был день объявления имени нового премьера, обставленный как выходная ария главного героя в опере: вот-вот, Он скажет наутро... Через два часа... Через час... Осталось десять минут... И тот, кого объявят, заверяли нас по телевизору, возможно, станет Его преемником в 2008 году...

В России очень важно не быть смешным – плохо заканчивается, обсмеют, насочиняют анекдотов, и станешь Брежневым. Когда Путин объявил имя нового премьера, смеялись даже убежденные его сторонники. Всем стало ясно, что Кремль сыграл очень плохую комедию. Выяснилось, что Путин снял со своего поста фактически одного-единственного премьера Михаила Касьянова. «Сильный шаг» оказался элементарным мелочным сведением личных счетов... Не более. Да, естественно, его прикрыли пиаровскими ходами, завуалировали всякой ерундой и риторическим гарниром про великую Россию.

Но... гора родила мышку. Практически все министры остались на своих местах, ушел только Касьянов, на которого Путин имел многомесячный «большой зуб» и вообще много мелких «зубов», так как Касьянов был наследием ельцинской эпохи, и первый президент России просил, возводя на трон второго президента, не трогать Касьянова.

И вот этот премьер Касьянов - единственный из главных персон российской политики, который, будучи человеком Ельцина, выступил категорически против ареста олигарха-либерала Михаила Ходорковского и постепенного разгрома нефтяной компании «ЮКОС», самой прозрачной компании нашей коррумпированной страны, первой признавшей международную систему аудита и работающей по мировым финансовым принципам, то есть «в белую», как у нас говорят, и, кроме всего прочего, дающей более пяти процентов ВВП, содержащей крупный университет, детские дома, ведущей огромную благотворительную деятельность.

Но! Касьянов выступил в защиту человека, которого Путин с некоторых пор причислил к своим личным врагам на том основании, что Ходорковский оказывал большую финансовую поддержку демократической оппозиции страны – партии «ЯБЛОКО» и Союзу правых сил, прежде всего.

В путинской стилистике политической жизни – это глубокая личная обида. Путин много раз публично демонстрировал, что в принципе не понимает, что такое

дискуссия. Тем более политическая – дискуссии нижестоящего, по Путину, с вышестоящим быть не должно. И если нижестоящий это себе позволяет - значит, он враг. Путин ведет себя таким образом не нарочито, не потому, что тиран и деспот от рождения – он просто так воспитан. В категориях, которые в нем вымуштровала КГБ, а эту систему он считает идеальной, о чем не раз публично заявлял. И поэтому, как только кто-либо с ним не соглашается, Путин категорически требует «прекратить истерику». (Отсюда и отказ от предвыборных дебатов – это не его стихия, он не способен к ним, он не умеет вести диалог. Он – исключительно монологист. По военному образцу: пока был «нижестоящим» - обязан быть молчуном. Стал «вышестоящим» - говорю, но в режиме монолога, и тогда все «нижестоящие» обязаны делать вид, что согласны. Этакая идеологическая дедовщина, временами, как это вышло с Ходорковским, переходящая в физическое истребление и устранение).

Вернемся к акции «смена правительства». Касьянов – вон, министров перетасовали и оставили при их прежних интересах – премьером Путин торжественно подсунул стране Фрадкова - Михаила Ефимовича Фрадкова. Был такой человек в нашей чиновничьей иерархии – в последнее время тихо сидел себе представителем РФ в европейских институциях в Брюсселе. Невзрачный, незлобивый и невнятный господин с узкими плечами и широким тазом в ранге федерального министра (впрочем, о том, что у страны вообще есть такой министр Фрадков, страна узнала лишь в день объявления Фрадкова премьер-министром – что, в соответствии с нашей традицией означает, что Фрадков – тихий представитель все тех же органов, которым Путин посвятил большую часть своей сознательной жизни).

Страна смеялась, услышав про Фрадкова. А Путин настаивал – и даже принялся объяснять свой «принципиальный» выбор так: мол, хочу быть с вами честным и пойти на выборы, чтобы вы наперед знали, с кем я буду работать и с кем буду бороться с нашим главным злом – коррупцией и бедностью...

Народ – обе его половины, и кто «за» Путина, и кто «против» – продолжал смеяться: плохая комедия продолжалась на глазах у всех. Если страна не знала

Фрадкова, то мир бизнеса его отлично помнил. В пору пребывания Фрадкова в кресле директора Федеральной службы налоговой полиции (Фрадков – типичный советский номенклатурщик, которого всю его сознательную жизнь, начиная с коммунистических времен, двигали туда-сюда по чиновничьим креслам, вне зависимости от специальности и знаний, он - типичный «наш руководитель», которому неважно где рулить, главное - рулить) - так вот, ФСНП в пору Фрадкова слыла как раз самым коррумпированным ведомством в государственной иерархии. Тут чиновники брали мзду буквально за все, за любую справочку и консультацию, вследствие чего служба и была ликвидирована, а Фрадкова, согласно все той же советской номенклатурной традиции, опять передвинули – читай: «не обидели» – в Брюссель.

И вот Фрадков, названный Путиным премьером, на следующее утро спешно прилетает в Москву из Брюсселя, и у народа опять появляется повод посмеяться – уже будучи оглашенным Путиным в качестве премьер-министра, в первом же интервью в аэропорту Фрадков заявил... что, собственно, не знает, как быть премьер-министром, и нет у него никакой программы, и все ему, как снег на голову, и он ждет распоряжений и инструкций...

Россия – страна недоговоренностей и всеобщей забывчивости. И поэтому, невзирая на отсутствие распоряжений и инструкций от Путина, которые так никто не услышал, подконтрольная Кремлю Дума убедительным большинством Фрадкова утвердила, сославшись на «исполнение воли наших избирателей, которые во всем доверяют президенту Путину». (Дума, сформированная по итогам выборов 7 декабря 2003 года, практически не имеет оппозиции Путину – по этому принципу и формировалась).

«Избиратели», впрочем, тоже сглотнули, что их премьер Фрадков не имеет программы и не знает, что будет делать завтра...

Наступило 14 марта. Все проголосовали. Все прошло, как заранее спланировали в Кремле. Жизнь потекла прежняя. Чиновники вернулись к неумному воровству.

Продолжилось смертоубийство в Чечне, на короткое время выборов притихшее и тем подавшее надежду пятый год ожидающим мира (март 2004 года – конец пятого года второй чеченской войны, начавшейся в середине 1999 года, в преддверии первых выборов Путина). К выборам, в соответствии с азиатской традицией, к ногам правителя сложили оружие два полевых командира – их родственников схватили и держали до тех пор, пока полевые командиры не заявили, что они с Путиным и о независимости не мечтают. Ходорковский, олигарх-заключенный, принялся писать покаянные письма из тюрьмы Путину. «ЮКОС» стремительно нищал. К нам приехал Берлускони – с визитом, и первым делом спросил совета своего друга Владимира, как ему добиться 70 процентов на выборах. Путин не ответил ничего определенного – и действительно, как тут посоветовать даже другу Сильвио, он не поймет, но он из Европы. Они вместе съездили в провинциальный Липецк, открыли линию по производству стиральных машин, посмотрели на шоу военных самолетов. Путин продолжил телевизионные разносы высокопоставленным чиновникам. Мы его обычно так и видим – или принимающего отчет чиновников в его кремлевском кабинете, или дающего разнос в режиме монолога. Съёмки обычно очень продуманы с точки зрения пиара, нет никакой отсебятины, случайностей, все спрогнозировано и выверено. Путин был явлен народу на Пасху – это было почти месяц спустя после вторых его выборов. Плечом к плечу с ним, как на военном параде, в начале Великой Заутрени в храме Христа Спасителя в Москве, возведенном из бетона на месте бывшего бассейна, - неумело и карикатурно крестились: премьер Фрадков, новый кремлевский «серый кардинал» Дмитрий Медведев, крошечного роста и большой головы глава президентской администрации. Медведев клал кресты, прикасаясь рукой ко лбу и внизу к гениталиям, – было смешно. Еще Медведев, как и Путин, жал руку Патриарху, как «товарищу» - не целуя ее, как положено по церковному обряду. Патриарх не замечал, что непорядок. Пиарщики в Кремле, конечно, неграмотные – вот и не научили. Хоть и эффективные там пиарщики. Стоял рядом с Путиным и мэр Москвы Юрий Лужков – это он «строил» храм Христа Спасителя. Лужков был единственный, кто умело осенял себя крестным знаменем. Патриарх называл Путина «Вашим Высокопревосходительством». Даже сторонников это коробило. Пасха теперь, при многочисленных выходцах из КГБ при верховной власти –

самый что ни на есть большой праздник по обязанности. Вроде первомайской демонстрации раньше.

Начало Великой Заутрени было еще смешнее, чем рукопожатие с Патриархом. По обоим государственным телеканалам шла прямая трансляция крестного хода вокруг храма Христа Спасителя, предшествующая Заутрени. Крестный ход шел с участием Патриарха, хоть и больного. Диктор на телеканалах – человек верующий и теологически очень образованный, говорил, что считал нужным: просвещал телеаудиторию, говоря, что до полуночи, по православным традиции, двери храма должны быть закрыты, потому что это символизирует врата пещеры, где находилось тело Христа. После полуночи православный люд, участвующий в крестном ходе, ждет открытия дверей храма, первым, на ступенях, стоит Патриарх и входит в пустой храм, где уже состоялось Воскресение Христово...

Когда Патриарх свершил первую после полуночи молитву у дверей храма, и их отворили, там оказался... Путин. Скромный ты наш... Плечом к плечу с Фрадковым, Медведевым, Лужковым.

Смех и грех. Вечер юмора в пасхальную ночь. Ну, за что его любить? За то, что умеет все опошлить, к чему прикасается?

Примерно в те же самые дни, 8 апреля, шахидками, впервые с начала чеченской войны, были объявлены девятимесячные девочки-близняшки с крошечного чеченского хутора Ригах. Мертвые девочки, которые еще не научились ходить, но уже погибли. Было это обычно: после 14 марта начались постоянные войсковые операции в Чечне. Военные (Региональный оперативный штаб по управлению контртеррористической операцией – так его у нас называют) объявили, что ловят Басаева, «идет крупномасштабная войсковая операция по уничтожению участников бандформирований». Басаева не поймали, но 8 апреля, около двух часов дня, в рамках «войсковой операции» был нанесен ракетно-бомбовый удар по хутору Ригах. Погибли все, кто в этот момент был на хуторе – мама с пятью детьми. Картина, представшая взору отца семейства – Имар-Али Дамаева, и

сильного духом превратит либо в пацифиста навеки, либо в камикадзе. 29-летняя жена Имар-Али – Маидат, уже мертвая, прижимала к себе их четырехлетнюю Джанати, трехлетнюю Жарадат, двухлетнего Умар-Хажи и крошку девятимесячную Зару. Мамино объятие никого из них не спасло – все дети были также убиты осколками. Чуть в стороне лежало тельце Зуры, Зариной сестренки-близняшки. Маидат не хватило рук и, видимо, времени, чтобы придумать, как затолкать под свое тело пятую, а сама Зура двух шагов доползти не успела. Имар-Али собрал осколки, восстановили номер ракеты-убийцы: 350 Ф 5-90. Собственно, это не представляло большого труда – номер хорошо сохранился. Стали хоронить тела – и улем, мусульманский толкователь из соседнего селения, сказал, что объявляет всех убитых шахидами. То есть мучениками за веру. Их так и похоронили уже к вечеру этого дня - как шахидов, не обмыв тел, без погребальных саванов, в одежде, в которой приняли смерть. А Имар-Али Дамаев из Ригаха стал отцом пятерых шахидов.

За что я невзлюбила Путина? За то, что идут годы. Летом – уже пять лет, как началась вторая чеченская война ради того, чтобы Путин в первый раз стал президентом - и все никак не закончится. Младенцев, которых бы объявили шахидами, в ходе войны, конечно, еще не было - зато ВСЕ убийства детей, имевшие место при обстрелах и зачистках с 1999 года, остались не раскрытыми, не исследованными правоохранительными органами, детоубийцы не заняли свои законные места на скамье подсудимых. И Путин никогда этого не требовал – хотя и слывет большим другом всех детей. Военные продолжают вести себя в Чечне по-прежнему, как им позволили в начале войны - будто они на полигоне, и вокруг совершенно пусто и чисто. От людей и от детей.

Массовое детоубийство страну не всколыхнуло. Ни один телеканал не показал пленку с убитыми маленькими чеченцами. Министр обороны не подал немедленно в отставку – потому что он личный друг Путина, и его даже прочат в преемники в 2008 году. Не ушел с позором со своего поста и командующий Военно-воздушными силами. Все осталось, как было. Верховный Главнокомандующий даже не сказал речь – с сочувствием или соболезнованием враз осиротевшему отцу.

Вокруг нас продолжал бурлить мир. Гибли заложники в Ираке. Страны и народы требовали от своих правительств и международных организаций вывести войска, чтобы спасти жизни людей, выполнявших свой долг. У нас – все спокойно. Смерть детей с посмертным причислением их к шахидам не повлекла ни одного требования не то чтобы вывести войска, а даже начать немедленную дискуссию о том, что творится в Чечне, с целью поиска путей к диалогу, к умиротворению, демилитаризации и всему прочему, что обязательно бывает в конце войны.

За что я невзлюбила Путина? Вот за это и невзлюбила. За простоту, которая хуже воровства. За цинизм. За расизм. За бесконечную войну. За ложь. За газ в «Норд-Осте». За трупы невинно убиенных, сопровождающие весь его первый срок. Трупы, которых могло и не быть.

Я вижу так. У других – иной обзор и поэтому иная точка зрения. Несмотря ни на какие детоубийства, не прекращались попытки народа продлить срок путинских полномочий до десяти лет. Обычно у нас это делается так: сверху, из того же Кремля, где плетет свои пиарские сети заместитель главы путинской администрации Владислав Сурков, признанный самым эффективным пиарщиком страны (следует понимать: пиар как стопроцентный обман, ложь вместо сути, слова вместо дела), - создается какое-нибудь очередное молодежное движение пропутинского характера. У нас сильная мода на это дело – на созданные указом из Кремля политические движения, чтобы Запад не заподозрил нас в однопартийности, неплюрализме и авторитаризме. То это «Идущие вместе», то «Поющие вместе», то «За стабильность» или еще какая-нибудь новая пионерия. Отличительная особенность пропутинских квазиполитических движений – их прямо-таки с лету, очень-очень быстро, без чиновничьих проволочек, регистрирует Министерство юстиции, обычно очень придирчивое к попыткам кого-либо что-либо политическое создать. И тогда первым своим публичным делом это новое движение объявляет то, что будет добиваться продления полномочий своего любимца. Такой подарок был и к инаугурации 7 мая - в самом конце апреля запустили процедуру пролонгации полномочий всенародно избранного любимца члены движения «За стабильность» (идея: Путин как гарант стабильности), всего-

то месяц как созданного, почти одновременно с «14 марта». Кроме того, члены карманного движения потребовали пересмотра итогов приватизации (читай: они – против Ходорковского, значит, любви Путину). Мосгоризбирком, естественно, тут же принял заявление юных «застабilizаторов» о начале процедуры пролонгации путем всенародного референдума.

Так мы встретили день инаугурации – 7 мая 2004 года. Путин, случайно получив огромную власть в свои руки, распорядился ею с катастрофическими для России последствиями. И я не люблю его, потому что он не любит людей. Он не переносит нас. Он презирает нас. Он считает, что мы – средство для него, и только. Средство достижения своих личных властных целей. И поэтому с нами можно все - играть, как ему вздумается. Что нас можно уничтожать, как заблагорассудится. Что мы – никто. А он – хоть и случайно влезший наверх, но ныне царь и бог, которому мы должны поклоняться и бояться его.

В России вожди с подобным мировоззрением уже бывали. Это приводило к трагедиям. К большой крови. К гражданским войнам. А я этого не хочу. Вот и невзлюбила типичного советского чекиста, шагающего по красным ковровым дорожкам Кремля к российскому трону.

После Беслана

1 сентября 2004 года у нас случился Беслан – беспрецедентный теракт, и теперь навсегда это слово будет символом ужаса наяву, какой ни один Голливуд придумать не способен.

1 сентября, утром, интернациональный отряд бандитов захватил в заложники школу № 1 в крошечном североосетинском городке Беслане и потребовал остановить вторую чеченскую войну. Захват произошел в момент школьной линейки, традиционного праздника начала учебного года, происходящего во всех наших школах в этот день. Обычно на такие линейки люди приходят семьями, с

бабушками и дедушками, тетями и дядями - особенно те семьи, кто провожает своих детей первый раз в первый класс.

Так было и на сей раз. Именно поэтому в заложниках оказались почти полторы тысячи человек – школьники, их мамы, папы, братья и сестры, учителя, их дети...

Все, что происходило в России потом – с 1, 2, 3 сентября и по этот момент, - события не случайные, а абсолютно закономерные. Квинтэссенция и апофеоз путинского режима насаждения личной власти ценою разума и всеобщего подавления инициативы.

Итак, 1 сентября. Спецслужбы, а за ними власти объявили: в школе «немного людей» - 354 человека. Террористы ответили: «Вот вас и будет 354». Родственники заложников, собравшиеся вокруг школы, сказали: нет, врете! Их больше тысячи!

Но родственников никто не слышал. И не слушал. Они пытались достучаться до властей через журналистов, съехавшихся в Беслан, – журналисты продолжали передавать официальную информацию.

Родственники стали журналистов лупить.

Как бы там ни было, день 1 сентября и половину 2-го власть провела в недопустимом шоке и замешательстве – никаких переговоров вообще не велось, Кремль их не санкционировал. Каждого, кто собирался что-то сделать для переговоров, запугивали, и те, кого бандиты потребовали на переговоры, сидели тихо в углу или сбежали из страны. Струсили в тот самый момент, когда не имели права трусить: президенты Ингушетии и Северной Осетии Зязиков и Дзасохов, советник Путина по Чечне Аслаханов, доктор Рошаль. У каждого впоследствии была отговорка, но из песни слов не выкинешь: в здание не вошел никто.

На этом трусливом фоне родственники заложников больше всего боялись, что все будет как в «Норд-Осте» - теракте-захвате театрального комплекса (23-26 октября

2002 года в Москве), и власти начнут штурм, и тогда не избежать огромного числа жертв...

2 сентября в захваченную школу пошел Руслан Аушев, бывший президент Ингушетии, оплеванный Кремлем человек - за то, что постоянно призывал к политическому урегулированию чеченского кризиса и мирным переговорам, вынужденный за это «добровольно» покинуть свой президентский пост, чтобы уступить его избраннику Кремля, генералу КГБ-ФСБ Мурату Зязикову.

Аушев в Беслане застал страшную картину, как сам потом рассказывал. Оказавшись в штабе «операции по освобождению заложников» спустя полтора дня после захвата, он понял, что там так и не могут решить, кто же должен идти на переговоры – ждут «добро» Кремля и боятся гнева Путина. Гнев равносителен концу политической карьеры. А конец политической карьеры куда страшнее страданий сотен заложников. Лучше потерять заложников – это всегда можно списать на террористов. Потеря путинской благосклонности – это самоубийство и забвение.

Зафиксируем суть: все, кто в те дни представлял в Беслане российскую власть, старались угадать, что хочет Путин, но не противодействовать тому, что творится в школе. А если уж Путин что-то произносил, то послушаться не смели: президент Северной Осетии Александр Дзасохов, например, рассказал Аушеву, что Путин лично ему позвонил и запретил идти в школу под страхом немедленного открытия уголовного дела против него, Дзасохова...

И Дзасохов не пошел. То же случилось и с доктором Рошалем – хоть и детский доктор, он тоже никого решил не спасать, кроме себя самого: кто-то анонимный из спецслужб уверил Рошала, что террористы только потому требуют его на переговоры, чтобы убить.

И Рошаль не пошел...

ВСЕ в штабе сохраняли свою карьеру и не спасали детей. Еще не наступило 3 сентября – день развязки, а стало очевидным: «вертикаль власти», слепленная Путиным на паническом страхе полной зависимости от одного лица (Путина), - эта «вертикаль» совершенно недееспособна: она не способна никого спасти в тот самый момент, когда это требуется.

В результате Аушев взял в руки распечатанное из интернета заявление Масхадова, что он, Масхадов, лидер чеченского сопротивления, именем которого бандиты козыряли, требуя немедленного прекращения второй чеченской войны – категорически против захвата детей в заложники. Взял - и пошел говорить с террористами. И стал единственным, кто вообще вел какие-то переговоры в ходе бесланской трагедии.

За что и был впоследствии оболган Кремлем и обвинен во всех смертных грехах: и в главном из них, в содействии террористам.

- Они отказались говорить со мной по-вайнахски, – рассказывал Аушев позже. – Хотя были чеченцы, ингуши. Только по-русски. Они просили хоть какого-нибудь министра на переговоры – например, Фурсенко, министра образования. Но никто не хотел идти, потому что не было согласия Кремля.

Аушев пробыл в школе около часа. И вынес на руках трех младенцев. Еще с ним отдали 26 маленьких детей. 3 сентября, днем, прошел штурм. Бои в городке продолжались до поздней ночи. Было много убитых террористов, но многие прорвались сквозь все кольца оцепления и ушли. Начался подсчет погибших заложников - и продолжается до сих пор. На окраине Беслана распахали поле, и оно стало огромным кладбищем на сотни свежих могил. До сих пор нигде не найдено более ста заложников – они числятся пропавшими без вести. Одни считают, что их увели в заложники остатки банды. Другие, что их спалили «шмелями» дотла - вакуумными огнеметами, состоящими на вооружении частей специального назначения.

Сразу после Беслана в России начался сезон новой волны закручивания политических гаек, невиданный доселе. Путин объявил трагедию актом международного терроризма, отвергнув чеченский след, и связал все с «Аль-Каидой». Подвиг Аушева был оплеван, в СМИ, по команде из Кремля, стали рисовать его портрет, как главного пособника террористов, а не спасителя и единственного героя на фоне трусов. Ну а доктор Рошаль был опять презентован как герой – народу нужны герои.

Однако это, так сказать, моральная сторона процесса. Физическая, материальная состояла в том, что трагедия Беслана не натолкнула Кремль на хоть малейшую работу над собственными ошибками. Напротив, началось политическое мародерство.

Главным лозунгом Путина после Беслана стало: на войне как на войне, надо укрепить вертикаль власти. Сделав «вертикаль» полностью зависимой от одного-единственного человека (Путина), так как он лучше знает, кто есть кто, и тем мы обезопасим себя от терактов, началась подготовка к губернаторской реформе – Путин настоял на отмене прямых выборов глав российских регионов, что, по мнению Путина, ведет лишь к безответственности губернаторов.

И ни слова, ни намека, что в ходе бесланского захвата именно фактически назначенцы Путина – президенты Зязиков и Дзасохов продемонстрировали себя трусами и лжецами, и толку от них было как от козла молока...

На фоне подготовки губернаторской реформы шла мощнейшая идеологическая промывка мозгов. Ее суть была в том, что представители власти вели себя идеально во время бесланской трагедии - ничего другого, более эффективного, сделать было невозможно. Для отвода глаз создали парламентскую комиссию – комиссию Совета Федерации (верхняя палата российского парламента) для общественного контроля над расследованием. Председателя комиссии господина Торшина принял в Кремле Путин и дал свои президентские напутствия. В результате комиссия так и не вышла за рамки дозволенного.

Бесланцы стали явственно ощущать, что их забывают. Телевидение сосредоточилось только на хорошем: как заложникам помогали, сколько конфет и игрушек им надарили, но не на том, где же пропавшие без вести...

Миновали сороковины. Поминки прошли официально. Никаких истерик родных по телевизору стране не демонстрировали.

Так наступило 26 октября. День двухлетия «Норд-Оста» - два года до этого, 23 октября 2002 года, в Москве, на 1-й Дубровской улице, отряд террористов захватил в заложники зрителей и артистов мюзикла «Норд-Ост», прямо во время спектакля. 26 октября, спустя 57 часов после захвата, спецслужбы начали штурм, применив неизвестное летучее химическое вещество, в результате чего 130 заложников скончались.

После «Норд-Оста» власть только то и делала, что обеляла себя, награждала себя, холила себя. Вторая чеченская война не только не окончилась, а затянулась в тугой узел. Она выродилась в уничтожение или устранение с поля всех, кто мог бы приблизить мир и помешать перерастанию чеченского кризиса в репродукцию северокавказского терроризма - как закономерный ответ на государственный терроризм, примененный к людям Чечни и Ингушетии в ходе «антитеррористической операции». Эта тавтология - российский «антитеррористический террор» - и стало сутью нашей жизни от «Норд-Оста» до Беслана. Террор и антитеррор – как камушки одного калейдоскопа, между жерновами которого... Мы. Число терактов выросло в геометрической прогрессии. Так что прямой путь от «Норд-Оста» до Беслана очевиден.

...В 11 утра 26 октября 2004 года на Дубровке (так коротко в Москве называют 1-ю Дубровскую улицу), на ступенях у театрального здания, собрались все, по чьей судьбе и семье пронесся тот теракт. Заложники, родственники и друзья погибших. С раннего утра люди были на кладбищах - поминали своих близких у родных могил - так у нас принято. И поэтому задолго до 26-го публичную панихиду на Дубровке запланировали на 11 часов. Норд-остовцы – общественная организация

содействия защите пострадавших от терактов «Норд-Ост», в которую объединены пострадавшие, загодя распространили соответствующую информацию через информационные агентства, постоянно звучали сообщения по радио о панихиде, приглашения передали в московскую мэрию, в администрацию президента... Там заверили: «Будем».

И вот 11.20... 11.30... 11.50... Батюшка приехал, пора бы начинать. Люди тихо переговариваются: «Ну, не могут же они... не прийти совсем...». Речь – о представителях власти.

Однако наступает полдень. Толпа нервничает, многие тут с детьми – это сироты погибших. «Мы хотели поговорить с НИМИ», «Мы пришли, чтобы прямо задать вопросы»... Наконец, и крики отчаяния: «Нам нужна срочная помощь», «На нас не обращают внимания», «Детей перестали принимать на бесплатное лечение в больницах»...

Чиновников все нет. Становится понятно, что ждать дальше бессмысленно – так не опаздывают. Струсили посмотреть жертвам в глаза? Ведь расследование «Норд-Оста» сведено на нет - правда о теракте и газе так и остается большой государственной тайной... Или есть другая причина игнорирования?..

Площадь у театрального здания оцеплена милицией – обычными молодыми ребятами, которых пригнали усмирять возможные страсти. Они мнутя – они слышат, о чем люди говорят. И видно, что им как-то не по себе. Именно они, милиционеры из оцепления, объяснят норд-остовцам: «ОНИ уже были». То есть власти уже приезжали сюда – и устроили альтернативную, между собой, панихиду, намеренно раньше, пока люди были на кладбищах. Чтобы пути не пересеклись - в 10 утра представители московской мэрии и администрации президента приезжали на Дубровку, на СВОЮ ПАНИХИДУ. Вне народа. Чтобы не застать тех, кто был ими превращен в жертвы. И то, что было в 10 утра, зафиксировали все камеры главных телеканалов страны: возложение официальных венков, вышколенный почетный караул, все речи – запрограммированные, утвержденные вышестоящим

начальством. Пристойно, без слез и излишней скорби. И все это идеологическое варево вечером 26 октября многожды показывали по всем программам. Чтоб страна знала: власть очень внимательна к недавней трагической истории, и несогласных с тем, что она делает, не имеется... Официальные мероприятия по приватизации государственной памяти о «Норд-Осте» уложились в несколько минут.

...Конечно, ничто не помешало тысячной толпе родных и друзей погибших, бывших заложников и огромного числа иностранных журналистов помянуть ушедших. На ступенях театрального здания - именно там, куда вытаскивали еле живых людей, получивших порцию ядовитого газа, и где многие из них и умерли, не дождавшись медицинской помощи, - там зажгли свечи. Их нежные отблески ласкали 130 портретов. Шел дождь, как два года назад; он плакал вместе с нами. Как тогда, два года назад...

Но привкус от свершившегося цинизма в дожде не растворился. В новейшей истории подобной демонстрации государственной идеологической альтернативы огромной народной беде - демонстрации прямо на крови невинных жертв - еще не случалось. Власть закусила удила в ненависти к своему народу. Ненависти, основанной на паническом страхе перед своим народом. Людям показано, что уже и скорбь власти противна, что она не настроена жить воспоминаниями о прошлом, посыпая голову пеплом в связи с многочисленными жертвами многочисленных терактов, с которыми она справиться не в состоянии.

Все это именно то, что ждет жертв Беслана: официальная версия трагедии будет иной, чем неофициальная. Никаких бесконечных слез. И правды о теракте не будет. И слушать народ никто не станет. Все – в рамках сверху дозволенного. Никакой самодеятельности. Как при Советах. Идеология, которая вбивается в общество после сентябрьского теракта, такова: ничто не должно демонстрировать, что власть не справляется (а власть не справилась), если слезы, то не потоки (зачем потоки, если все под контролем), все в рамках - не забывать трагедию, но не биться головой об стенку, потому что такое битье будет показывать безысходность, а безысходности в стране Советов не место, потому что есть Путин, который думает

о нас и знает, как быть, лучше нас, и всегда есть место свету в конце тоннеля, и мы все боремся с «международным терроризмом», и «мы едины, как никогда», и т.д.

Наконец, пришло 29 октября. Подавляющим большинством Дума проголосовала за соответствующий закон, внесенный Путиным, согласно которому он, Путин, будет представлять свои кандидатуры на губернаторов, а местные парламенты станут эти кандидатуры утверждать на безальтернативной основе. Причем если местные парламенты посмеют дважды не утвердить путинскую кандидатуру, депутаты-бунтари будут распущены указом все того же Путина, как «выразившие недоверие».

Это, конечно, конституционное надругательство и презрение к народу - но народ ответил почти повсеместным молчанием. Оппозиция помитинговала, но тихо и локально. К ней никто и не думал прислушиваться. Путин на своем настоял. Как у нас говорят: это - советская Россия после Беслана.

Так что же у нас случилось после Беслана? Народ и «партия» все дальше друг от друга – в реальной жизни. И в то же время все ближе – на телекартинках. Совок крепчает и мужает. А с ним наступает и политическая зима - все сильнее устойчивые заморозки на государственной почве. Признаков к потеплению не уловить. Страна, отлично отдрессированная официальным враньем о «Норд-Осте», не требует справедливого следствия и правосудия по Беслану. И в этом смысле именно мы, после «Норд-Оста», позволили допустить Беслан – таким, каким он получился. Два года от «Норд-Оста» до Беслана протекли в том, что большинство народа продолжало спокойно дрыхнуть по домам и плясать на дискотеках, иногда отвлекаясь на то, чтобы проголосовать за Путина. Народ не волновала правда о «Норд-Осте» и муки жертв - и это был принципиальный момент – власть уразумела, что опять удачно справилась с задачей прогибания собственного народа. На этой волне и пришел Беслан.

Невозможно согласиться, чтобы политическая зима опять задержалась в России на несколько десятилетий. Очень хочется еще пожить. Очень хочется, чтобы

свободными были дети. И свободными родились внуки. Поэтому очень хочется скорой оттепели. Но повысить градус от минуса до плюса можем только мы. Больше никто. Ждать оттепели из Кремля, как это случилось при Горбачеве, теперь глупо и нереально. Да и Запад нам тоже не поможет - он вяло реагирует на «антитеррористические рецепты Путина». Запад многое устраивает - водка, икра, газ, нефть, медведи, люди особой породы... Русский экзотический рынок на уже привычном месте. Больше Европе и миру ничего и не нужно на нашей почти седьмой части суши.

А вы все: «Аль-Каида» да «Аль-Каида»... Проклятый лозунг - как самое простое, на что можно спихнуть ответственность за цепь новых кровавых трагедий: иди туда, не знаю куда, поймай то, не знаю что... И самое примитивное, чем можно убаюкать сознание общества, мечтающего быть убаюканным.

Самый последний постскрипtum

10 июля, только один день нашего российского календаря. День для описания выбран совершенно случайно и совсем произвольно – просто потому, что в этот день еще можно было внести самую последнюю правку в эту книжку.

Поздно вечером накануне в Москве убит Пол Хлебников, главный редактор русского издания журнала «Форбс». Он выходил из редакционного офиса, и кто-то изрешетил его пулями. Хлебников был известен тем, что писал книжки о наших олигархах и структуре российского капитализма. О больших и шальных деньгах, которые сумел получить один тип наших граждан. Тем же поздним вечером во Владивостоке совершено покушение на Виктора Черепкова, депутата Государственной Думы, известного защитника самых слабых и бедных. Черепков баллотировался на должность мэра крупнейшего дальневосточного города Владивостока, откуда сам родом, вышел во второй тур и имел реальные шансы на

победу. Поздно вечером он выходил из здания своего предвыборного штаба и подорвался на установленной прямо у двери мины-растяжке.

То есть – стабильность у нас наступила чудовищная. Никто не желает идти за правдой в суд, который демонстрирует свою полную зависимость и ангажированность. Никому не придет в голову искать защиты в правоохранительных структурах, которым никто не верит, потому что они тотально коррумпированы. Царит самосуд. В умах и действиях. Идея самосуда - как единственно верная и эффективная - правит Россией 2004 года: око за око, зуб за зуб. Пример подает сам президент, уничтожая крупнейшую нефтяную компанию «ЮКОС» вслед за посаженным в тюрьму Ходорковским: Ходорковский его лично обидел - вот он и мстит. Ладно бы ему, Ходорковскому, лично. Но мстит Путин до полного уничтожения этой «золотой курицы» российского бюджета. Совладельцы «ЮКОС»а предлагают правительству: возьмите наши доли, только не уничтожайте компанию – правительство говорит: нет, хотим все... И 9 июля проталкивает на пост вице-президента «ЮКОС-Москва» (управляющая компания «ЮКОС»а) своего преданного человека – Мухамеда Циканова, бывшего замминистра Минэкономразвития. Ни у кого и сомнений нет, что Циканова проталкивают ради одного – чтобы он координировал процесс раздачи ЮКОСа тем, кого на эту роль сватает Путин. Рынок лихорадит, инвесторы бегут, все мало-мальски зарабатывающие знакомые бизнесмены весь нынешний май и июнь искали возможность разместить свои капиталы на Западе.

И были правы. 8, 9 и 10 июля в стране выстроились километровые очереди к банкоматам: только одного намека властей, что начинаются банковские чистки и тот или иной банк может быть закрыт, оказалось достаточно, чтобы люди смели из одного из самых устойчивых - Альфа-банка - 200 миллионов долларов наличными за трое суток. И тем, конечно, подорвали его нешуточно. Только одного намека стало достаточно...

Потому что все ждут подвоха от государства – и, в действительности, никто не верит власти ни на йоту. Эти 200 миллионов за трое суток – самый яркий показатель царящей «стабильности».

Ну а если судить по официальным рейтингам прикремлевских социологических служб, работающих по контракту с администрацией президента и не желающих лишаться этих контрактов, то у Путина – отличный рейтинг, подавляющее большинство населения - за него, ему все верят и одобряют его политику...